

love_fantasy

Вера
Андреевна
Чиркова
b7c887e6-a974-11e0-9959-47117d41cf4b

Последний отбор. Смотрины для строптивного принца

Собираясь жениться, знатные и богатые женихи Тезгадора имеют обыкновение объявлять смотрины невест. Однако в народе эти важные события называют просто отбором. Ведь лорды и господа выбирают девушек дотошно, как породистых лошадей или гончих псов. И испытывают претенденток в жены всеми способами, какие только придут в головы устроителям этих смотрин. И по всем параметрам. Красоте и элегантности, умению петь, танцевать, вышивать... Проверить силу, скорость и ловкость тоже не забудут. Ведь молодая жена должна быть готова в любой момент и во всякой ситуации спасти мужа... от скуки, от головной боли, от пожара... заодно и от потопа.

романтическое фэнтези
2019

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
18 April 2019
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39477973
Текст предоставлен правообладателем
b9d234ac-6fc5-4a24-9a24-a673d2dd9d24
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Литагент
Альфа-книга
c8ed49d1-8e0b-102d-9ca8-0899e9c51d44

Последний отбор. Смотрины для строптивного принца: Роман
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2854-0

Вера Чиркова
Последний отбор. Смотрины для строптивого принца

Глава первая

Неладное я заподозрила сразу. В тот самый миг, как карета остановилась у крыльца отлично знакомого мне роскошного особняка. Настоящего дворца, по уверению бывавших здесь гостей, и склада древней мебели и традиций, по мнению Эстена, его владельца.

Мы дружили с Эстом давно и прочно, но тайно, никому не позволяя извратить и опошлить невозможную, по мнению падких на приключения придворных дам и господ, дружбу между молодыми мужчиной и девушкой.

Им ведь всем невдомек, как давно мы выяснили все разногласия и предпочтения, сколько у нас за плечами битв и походов. Разумеется, в поле мы ходили не вдвоем, а в компании Ренда. Наш верный товарищ и командир называл себя только так, не желая привнести хоть тень реальной жизни в мир приключений и опасности.

В том мире он был именно рейнджером, метким и бесстрашным стрелком, не раз первым вступавшим в бой против стаи монстров или роя нечисти. А вот какой титул или звание он носил здесь, в великом Тезгадорском королевстве, не было известно никому из нас. По крайней мере, мне не встретился пока еще ни один человек, который назвал бы его иным именем.

– Зачем мы сюда приехали? – холодно осведомилась я, высокомерно приподняв бровь.

– Навестить Хелению, – невозмутимо ответила тетушка Маральда.

– А разве у его милости сегодня приемный день? – недовольно уставившись на родственниц, пристально вгляделась в ответ их аур.

Нет, не настолько я сильна в ментальной магии, чтобы безошибочно определить любое чувство собеседника. Но амулет, выменянный недавно в лавочке старого жулика Гиммо на фамильное кольцо, помогает распознавать сильнейшие эмоциональные оттенки. И теперь мне все яснее виделись зеленые змеи лжи, танцующие над головами обеих теток. Маральды – со стороны отца и Джаны – старшей кузины матери.

Интересно, какую еще пакость задумали интриганки, которым родители были вынуждены меня доверить, уходя в экспедицию на Асгардор.

– Но ведь мы не к его милости! – делано возмутилась Джана. – Проведывать претенденток можно каждый день с часу до трех пополудни.

– А зачем их проводывать? – недовольно ворчала я, с огорчением понимая, что деваться некуда и ничего изменить сейчас уже нельзя.

Раз мы уже у крыльца, придется вылезать и идти в дом. Не разворачивать же карету, это тотчас воспримется всеми как открытое нарушение правил приличия и оскорбление его милости.

И у него не останется никакой возможности не ответить на обиду соответственным образом.

Лордам положено тщательно следить за соблюдением законов, иначе в один далеко не прекрасный день они перестанут действовать. Законы, разумеется. А этого допустить не желает никто из знати.

О том, что все-таки попала в ловушку старых интриганок, причем глупо и доверчиво, как последняя пастушка, я догадалась далеко не сразу. Первые смутные подозрения возникли лишь в тот момент, когда, просидев полчаса в одиночестве в уютной гостиной, я попыталась выйти и с изумлением обнаружила, что дверь заперта снаружи. В душе вмиг лесным пожаром полыхнула паника, но я постаралась взять себя в руки и подавить беспокойство.

Ведь до этого дня мне и в голову не приходило выяснять, как проводятся смотрины знатных невест, которые все именовали попросту отбором. Наверное, из всех молодых леди королевства я единственная совершенно ничего не знала о правилах, установленных для благородных гостей во дворце Эстена. Мне это было попросту без надобности и потому неинтересно.

Вначале мне даже пришло в голову, что, вероятно, таким способом герцогские фрейлины, традиционно устраивавшие подобные мероприятия, пытаются защитить хозяина дома от происков неудачниц, не попавших в число избранниц.

Более серьезный укол тревоги я почувствовала, увидев входящую в комнату леди Анбетт, старшую фрейлину герцога Таринского. Но еще наивно надеялась, что эта суровая леди всего лишь желает со мной поздороваться. Ведь мы с ней были хоть и очень неблизкими, но все же родственницами.

– Поздравляю, леди Элгиния, – торжественно произнесла она, и в ее взоре отчетливо мелькнуло торжество и еще что-то непонятное, но явно недоброе. То ли ехидство, то ли злорадство... в тот миг мне было не до этого, так потрясли меня ее следующие слова: – Ваше прошение рассмотрено и одобрено. С этого момента вы двадцать первая официальная гостя лорда Эстена Денлуа.

– Какое прошение? – потрясенно нахмурилась я. – Это какая-то ошибка...

– Не стоит стесняться, – теперь в ее голосе отчетливо звучала злая издевка, – лорд Эстен – очень завидный жених, а у вас на смотринах будет явное преимущество перед большинством из уже прибывших невест. Дверь слева – ваша спальня, справа – купальня и гардероб. Ваши вещи придут к вечеру.

Я попыталась объяснить еще раз, но старшая фрейлина не стала даже слушать. Развернулась и вышла, не забыв повернуть в замке ключ.

И лишь оставшись в одиночестве, осознала с предельной ясностью, насколько сильно вляпалась. Вернее, как подло меня сунули в это болото, из которого нет никакого выхода. Достойного имени моей семьи, разумеется.

И хотя вина тетюшек уже была бесспорной, но не менее очевидной для меня стала и собственная грубая ошибка. Я сама несколько месяцев назад проявила непростительную беспечность, позволив Джане ставить мою печать на письмах и поздравлениях. Хотя почти ликовала в тот момент, когда тетюшка взяла на себя занудные обязанности моего секретаря. Читать каждый день по полсотни заверений в расположении, преданности и дружбе, приглашений на различные обеды и полднишки, да еще и писать на них ответы со всеми положенными витиеватостями, всегда было для меня худшим из наказаний.

А ведь в первые месяцы после отъезда родителей компаньонки были почти паиньками. В переписку не лезли, своего мнения не навязывали, лишь изредка пытались словно ненароком намекнуть на нарушенные мной правила для знатных девиц. Однако всегда смирлялись перед предусмотрительностью моего отца.

– Гинни, – мягко сказал он полгода назад, собираясь в путешествие, и я тотчас насторожилась. Детским именем родители называли меня только в тех случаях, когда намеревались преподнести не самую приятную новость. – Ты же понимаешь, что оставить тебя без присмотра мы не можем? Разумеется, ты не натворишь ничего предосудительного, тут мы за тебя абсолютно спокойны. Но непременно найдутся наглецы, желающие проверить ночную защиту нашего замка...

Спорить с этим было бы неразумно и самонадеянно, хотя я без труда могла доказать, что легко продержу целую ночь щиты хоть против взвода герцогских егерей. Вот только таких доказательств никому бы не потребовалось. Большинство желчных сплетниц и интриганов твердо убеждены, что все оставшиеся без присмотра девушки только и ждут подходящего случая, чтобы пуститься во все тяжкие.

– По себе судят, – всегда говорила моя мать.

Она встретила отца лишь в двадцать семь, и к тому времени все родичи за глаза, а некоторые и напрямую, иначе как старой девой ее не величали. Маменька всегда смеялась, называя их недогадливыми. Сама-то она точно знала, что никогда не выйдет замуж за мужчину, с которым ей становится скучно разговаривать уже через пять минут после знакомства.

А вот обе оставленные со мной тетюшки были из тех самых, мнимых доброхотов, которые когда-то предрекали ей одинокую старость, а сами бросались на любого мужчину как кошки на мышь. Однако мужчины, судя по всему, вовсе не мечтали чувствовать себя добычей и исчезали из жизни решительных праведниц со скоростью падающей звезды.

Поэтому к настоящему моменту Маральда, так и не получившая права распоряжаться отписанным ей приданым, вынуждена скитаться по близким и дальним родичам, все надежнее обрстая репутацией моралистки и редкой зануды. А Джана, испытав предательство лорда,

решившего было соединить с ней судьбу, но очень скоро осознавшего недалекость этого выбора, водрузила на свои мечты огромный камень. И внезапно сделалась рьяной свахой, возможно, из желания хоть так приобщиться к сказочному миру женихов и невест. Разумеется, в тот далекий теперь день я сильно огорчилась, хотя протестовать и не подумала, не желая лишать отца долгожданной поездки. Да и прекрасно понимала, насколько справедливы его доводы. Как ни крути, а репутация в нашем обществе – вещь хотя и неосязаемая, но весьма ценная. И если я однажды встречу мужчину своей мечты, то даже малейшее пятнышко на этом призрачном предмете женской гордости может разрушить мое счастье. Наше счастье. – Не переживай так, Гинни, – успокаивал меня тогда отец, – я выдал управляющему и дворецкому тайные указания, они будут держать тетушек в узде. Эти приживалки немедленно вылетят из замка, если попытаются провернуть хоть одну интригу. И будут жалеть о своей опрометчивости до конца жизни.

Но пока жалела я.

Остро, до боли. Отчетливо понимая, как серьезно подрубили эти гадины тщательно лелеемый цветок моей свободы и независимости. А те, кого я так наивно считала верными товарищами, даже не подумали встать на мою защиту.

Хотя у них была возможность. И те несколько часов, пока за окнами догорал этот проклятый день, я простодушно верила, что они ее используют. Сначала истово надеялась, что Эст примчится, как только узнает о пополнении в толпе претенденток на него. Потом, рассудив, что это будет выглядеть как особое внимание и не пойдет на пользу моим интересам, терпеливо ждала приглашения на ужин.

И шла в трапезный зал в сопровождении двух важных фрейлин, мечтая лишь об одном: чтобы Эст меня увидел и сообразил, как сильно я нуждаюсь в помощи. А в том, что он сумеет придумать способ деликатно освободить меня от испытаний и необходимости бороться за абсолютно ненужное место его невесты, я даже не сомневалась. Мои напарники почти в равной мере обладали весомыми познаниями в тактике военных действий, которые мы вели в почти ежедневных вылазках, но Эст все же немного чаще предлагал дерзкие, отчаянно смелые планы. Ренд всегда был осмотрительнее и рассудительнее верного друга.

Моя уверенность в правильности расчетов поколебалась в тот миг, когда старшая фрейлина важно, с почти откровенным торжеством, представила меня претенденткам. А разглядев бледнеющие и вытягивающиеся лица прогуливавшихся по обеденному залу знатных девиц, съехавшихся не только из городов и замков герцогства, но и из разных концов нашего материка, я внезапно ощутила, как по спине пополз холодок ужаса.

Чересчур серьезно и официально было все происходящее здесь, и слишком велика оказалась на фоне этого моя невольная ошибка.

Вот теперь я очень ясно понимала, что мне с первых же минут пребывания взаперти нужно было орать и рвать на себе волосы, чтобы, приобретя звание истерички, получить в пару к нему определение обманутой тетками дурочки. А сейчас я уже прочно затянула на своей шее петлю добровольной соискательницы на место законной жены его милости лорда Эстена Денлуа. И наверняка за прошедшие часы об этом стало известно всем в герцогстве, не то что во дворце Эста. Следовательно, он никак не мог пропустить этой новости... но до сих пор почему-то даже палец о палец не ударил для моего спасения.

За стол я садилась как на скамью преступников, стараясь ни с кем не встречаться взглядом и не замечать едкой улыбочки, едва заметно кривившей тонкие губы старшей родственницы.

Хотя отныне она может навсегда забыть о нашем родстве, я о нем уже четыре часа как не помнила. Незачем считать родственниками людей, которые вспоминают об общих бабушках и дедушках только в минуты надобности или ради выгоды. Их собственной, само собой. Беды и печали всех остальных людей таких особ никогда не интересуют.

Мне что-то положили на тарелку, но прикасаться к еде в этом доме не возникло никакого желания. Я для вида вяло крутила вилку, когда объявили выход его милости.

Вставать знатным леди в такой ситуации не полагалось, но все претендентки как одна оставили вилки и бокалы и сложили ручки на коленях. «Надо же, – едко усмехнулась я про себя, – какой строгий этикет в доме бесшабашного Эста», – но вилку невольно положила.

Его милость быстро прошел на свое место, отстраненно пожелал всем приятного аппетита и уткнулся взглядом в тарелку, но нужно было знать привычки и жесты Эстена хоть в половину меньше, чем я, чтобы не понять, насколько он взбешен. Словно выманил на ровное место

семейку особо ценных монстров и по оплошности половину упустил недобитыми в бурный ручей или в каменистый овраг.

Ужин заканчивался, жених по-прежнему смотрел только перед собой, не обращая ровно никакого внимания ни на одну из избранниц. И судя по недоуменным взорам разнаряженных сотрапезниц, вел себя далеко не так, как обычно. А вот мой личный опыт подсказывал, что злость напарника не только не унялась, но и наоборот, разгорелась еще жарче.

И поскольку сегодня во дворце не произошло ничего серьезного, кроме моего появления, сам собой напрашивался единственный вывод: так разозлить молодого лорда могло лишь это событие.

В таком случае напрасно я ждала помощи от его милости, Эст явно не имел никакого желания ради нашей дружбы преступать законы и вмешиваться в планы герцогини Таринской. Хотя и должен был помнить, что как раз от нее ему и не стоит ждать ничего хорошего.

А у меня на тот момент оставалась всего одна, хотя и слабая, надежда. Попросить помощи у Ренда. Именно ради этого я спокойно отправилась в выделенные мне покои. Те самые, куда тетушки привели меня несколько часов назад и оставили в гостиную якобы на минутку, пока они найдут кого-нибудь, кто сможет позвать Хелению.

Кстати, троюродная кузина тоже была здесь. Пришла на ужин минутой позже меня, но демонстративно села как можно дальше. Даже не подозревая, что тем самым навсегда вычеркивает себя из списка моих родственников и друзей.

Учитель как-то сказал, что все люди познаются в беде, и сегодня я убедилась в этом на собственной шкуре. Жаль только, Стайн не предупредил, как больно и горько разочаровываться в тех, кого привык считать одним из близких друзей.

До десяти часов я успела заплести волосы в обычную косу и переодеться в самое скромное из платьев, принесенных слугами, но собранных подлыми тетушками. Разумеется, слово «простенькое» подходило ему так же мало, как бриллиантовой герцогской короне, хотя я и постаралась срезать все драгоценные кружева и золотые пуговицы.

Но, несмотря на эти усилия, отлично понимала, как сильно поразит соратников мое появление на базе в антарском бархате. И какими взглядами они будут меня провожать. Однако заранее была готова снести и недоумение и насмешки, лишь бы оказаться подальше от этого дома.

Вот только никак не ожидала, что этого может не желать его хозяин.

Эстен появился в моей гостиной за десять минут до срока открытия общих порталов и, остановившись в дверях, сквозь зубы приказал отдать ему мой личный знак наемника.

– В честь чего? – мгновенно вспыхнула я возмущением.

– Моим невестам не пристало бегать по Харгедору.

– Я пока не твоя невеста и надеюсь никогда ею не стать! – Осторожно отступив назад, я незаметно готовила сильный щит.

А в душе еще наивно верила, что Эст не станет поднимать на меня руку, хотя вполне может бросить «замедление». В том, что он не постесняется содрать с моей шеи амулет, в который вложен порталный маячок, я резко перестала сомневаться, глядя в незнакомо холодные, жестко прищуренные глаза старого друга.

– Ну, на что ты надеялась, – с внезапной ненавистью выплюнул лорд презрительно, – сегодня увидели все. А сейчас не твоя очередь...

Договаривать он не стал – резко прыгнул ко мне, намереваясь схватить за руку. И это ему почти удалось... но только почти. Щит сработал, как всегда, мгновенно, но в этот раз в нем не было допуска ни для кого.

Его милость попросту выкинуло в узкий зал-галерею, впечатав в противоположную стену. А я моментально захлопнула и запечатала дверь, от испуга проделав это вдвое быстрее, чем обычно. И лишь минуту спустя запоздало сообразила, что сегодня на базе появится свободный щит.

После этой выходки Эст никогда не позволит Ренду взять меня в свой отряд.

Да я и сама в тот момент совершенно не рвалась сражаться с монстрами за чужие поля и деревни. Меня ожидала более важная битва, за собственную судьбу и независимость. А еще за дружбу и доверие...

И я умудрилась проиграть ее вчистую.

– Твои напарники уже ушли в седьмой квадрат! – озабоченно крикнул знакомый порталщик, заметив, как я выхожу из своего отсека.

Пришлось делать вид, будто опоздала случайно, и просить об услуге. Ничего не подозревающий маг согласился меня перебросить, но предупредил, чтобы впредь была поаккуратнее. Виновато улыбаясь, пообещала исправиться.

Ну не говорить же ему, что следующего раза, возможно, и не будет?

Седьмой квадрат был широким участком поросшего редколесьем и сорняками каменистого предгорья, и мы не раз отлавливали тут монстров, облюбовавших для охоты полузаросшую травой дорогу между двумя небольшими городами, до боли похожими на поселения моей родины.

Харгедор, один из четырех огромных материков нашего мира, располагался от нас так далеко, что день приходил туда, когда на наши города опускалась ночь. И очень долгое время считался самым мирным и благополучным, хотя и нищим на магические источники.

Меньше, чем здесь, в те времена их насчитывалось только на Асгардоре, откуда постепенно к нам, на Тезгадор, перебрались сначала одаренные жители, а потом и все остальное население. Выживать в краю вечных льдов и метелей без защитных амулетов, зелий и целителей с каждым годом становилось все тяжелее, поля больше не давали урожаев, и кормить скот было нечем, а дичь сбежала или погибла.

Только несколько экспедиций из команды, возглавляемой моими родителями, бродили по замороженным руинам, спасая брошенные в панике библиотеки, картины, скульптуры и другие культурные ценности.

Четвертый материк, загадочный и опасный Пиргедор, постоянно сотрясали извержения и землетрясения, докатывающиеся и до нас огромными волнами океана. К его берегам не рисковало приблизиться ни одно судно, и только на маяках дежурили отчаянные порталщики. Но больше сорока лет назад судьба Харгедора резко изменилась. В теплую летнюю ночь все жители проснулись от сильного землетрясения и, перепугавшись, выскочили на улицу. Однако толчков более не было, зато через несколько дней все одаренные отметили повышение магического фона. А прибывшие с Тезгадора магистры обнаружили, что на материке появилось несколько новых мощных источников.

Первое время все жители Харгедора были вне себя от счастья, обнимались, веселились и строили планы, как прекрасно заживут, став магами. Их эйфория бесследно исчезла уже через несколько лет, когда стало ясно, что магами будут только дети, появившиеся после судьбоносной ночи, и то далеко не все.

Зато монстры, порожденные близостью источников, мутировали и размножались с невероятной скоростью. Веками незыблемый мир менялся с оглушающей быстротой, и вскоре харгедорцы вынуждены были бросить все силы на строительство защитных стен и крепких ворот да на создание особых отрядов, сопровождающих обозы и охраняющих села.

Однако с каждым годом эти меры помогали все меньше. Наконец верховный совет магов предложил взаимовыгодную сделку. Наемники цитадели будут постоянно выбивать монстров и нечисть на главных дорогах и в самых опасных местах, забирая за это все трофеи и обнаруженные в желудках монстров ценности.

Нет, вовсе не амулеты и кольца, оставшиеся от жертв. Мутанты гонялись не только за мясом, они поглощали еще и найденные в отвалах и на речных плесах драгоценные камни, ставшие природными накопителями энергии. Все обнаруженные ценности отряды наемников сдавали дежурным магистрам, получая за это на личные счета довольно внушительные суммы.

И у меня за два года вылазок накопилось там средств больше, чем дают приданого за девушкой моего круга. Однако до сих пор я не имела никакого представления о том, куда буду их тратить. Мои родители, в пику традициям, безо всяких условий подарили мне на второе совершеннолетие доходное поместье и круглый счет в герцогском банке.

Теперь я искренне радовалась, что заработанные на Харгедоре деньги лежат в банках цитадели. Там я смогу забрать их без объяснения с подлыми тетушками, если появится необходимость скрываться от напарников.

Хотя видят боги, сначала я искренне верила, что мне удастся все им объяснить. Но по мере того как подходила к друзьям, занявшим единственно пригодную для борьбы без щита позицию, все яснее понимала, что меня здесь не ждут и видеть не хотят.

Ренд стоял на большом камне, методично отстреливая всех, кто пытался подобраться к ним поближе, а Эст кроил на лоскутки остальных, умудрившихся пробраться через рой стрел.

Оснащенный магическим ускорителем и усилителем, командирский лук Ренда был равноценен по урону пятерке обычных.

Накрывшись щитами, я попыталась подойти к ним поближе, но серебристая стрелка предупреждающе ударила в камень у моих ног.

И вот это, совершенно невозможное, грубое и бездушное действие человека, которому я два года беззаветно доверяла защищать свою спину, взорвало меня незнакомой прежде яростью.

– Ну стреляй, раз тебе так хочется! – рявкнула я, непроизвольно усилив голос до такой степени, что тупые монстры даже присели на миг. – Снимаю щиты.

И немедленно выполнила свою угрозу, зная, что маги это сразу увидят.

– Дура наглая, – презрительно выплюнул Эст, мечом разваливая монстра на две ровные половинки.

Но его оскорбления уже не достигли цели. У меня в груди кипели и свивались жалящими змеями неведомые до этого момента боль и горькая, как хина, обида.

– Вы оба – подлейшие из подонков, и я действительно дура, раз столько времени считала вас людьми! – отворачиваясь, рявкнула иступленно и, глотая горькие слезы, помчалась к порталам.

– Гина, стой! – летел вслед резкий приказ командира.

– Боем своим командуй, – не оглядываясь и не останавливаясь, едко бросила я.

– Я ведь на самом деле прикажу... – в голосе Ренда слышалось предостережение.

– Не сомневаюсь, – продолжила я путь. – Теперь, когда с вас слетели лживые маски, охотно верю в любые угрозы.

– Вернись, поговорим! – примирительно крикнул мне Эстен.

– Поздно испытывать мое доверие, – не согласилась я. – Это право вы оба потеряли.

– Бой! – свирепо рыкнул на своего маа Ренд, и за моей спиной послышался свистящий шорох листьев, разлетавшихся под лапами огромного зверя.

– На, малыш, – приостановившись, сунула в пасть маа припасенный для него соленый сухарик, – и помни, дружбу предавать нельзя ни в коем случае.

Бой нежно снял с моей ладони остатки угощения, лизнул кожу шершавым языком, развернулся и помчался к хозяину.

– Гина!

– Она умерла пять минут назад. Вместе с надеждой на справедливость и верой в дружбу.

Они что-то еще орали вслед... но я больше не слушала и не отвечала, боясь опуститься до примитивного, некрасивого скандала. И пока не догадывалась, что каждое слово уже навсегда врезалось мне в память и не раз еще вспомнится, бередя глубоко впившийся в сердце клинок предательства.

Дойдя наконец до туманного круга защитной зоны, решительно нажала камень на амулете и, не оглядываясь, чтобы нечаянно не показать бывшим друзьям залитое слезами лицо, шагнула в портал.

На базе было тихо и малоллюдно, все бойцы в это время находятся в поле, и никому ни до кого нет дела. Да и не принято тут задавать неуместные вопросы и откровенно выражать непрошеное сочувствие. Мало ли что могло произойти у собрата по оружию. Во время вылазки так легко поймать ментальный удар от нечисти, обронить в болото ценный амулет или зелье или, того хуже, случайно влипнуть в чужую ловушку. Хотя и стараются отряды не переходить друг другу дорогу и не оставлять неубранных заклятий, но иногда выполнить эти правила просто невозможно. Война есть война.

Торопливо пройдя в личный отсек, заперла двери и выставила знак – «никого нет». Но пока умывалась и меняла одежду, вдруг ясно сообразила, что ни Эста, ни Ренда это предупреждение не остановит. Они обязательно появятся и заставят дежурных порталщиков открыть эту дверь. Только сначала разберутся с вызванными и разозленными монстрами. Не оставлять за собой незащищенных территорий – святое правило каждого контрактника. И в этом все мы равны, лорды и простолюдины, сильные и слабые маги.

Если взялся за выполнение задания и вышел в поле – то бейся до последнего камня и фиала с исцеляющим зельем, а на тревожный амулет нажимай лишь в абсолютно безвыходной ситуации. Спасательных отрядов очень мало, и они редко бывают свободными.

Но мои уже бывшие напарники далеко не слабаки и не новички, и амулетами обычно набиты под завязку. Эст – один из сильнейших мечников, а Ренд и вовсе самый меткий и ловкий лучник. И я не могу припомнить ни одного случая, когда нам пришлось бы вызывать подмогу. Правда, сегодня им придется обходиться без щита, и это единственное, что может ненадолго отсрочить продолжение тяжелого разговора. Стало быть, мне следует использовать эту фору как можно полнее. Сейчас у меня нет абсолютно никакого желания смотреть на их самоуверенные рожи. Тем более выслушивать новые оскорбления и нотации.

Глава вторая

Тяжело вздохнув, силой воли заставила себя забыть на время обиды и сосредоточиться на самом важном – поиске места, где меня не достанет мстительность Эстена и его верного друга. Почти сразу пришлось признать честно, что одной, без поддержки и подсказки, с этой задачей мне не справиться никогда. Значит, придется просить помощи у надежных друзей... а их у меня теперь, после потери самых верных, как я наивно считала еще час назад, осталось так мало, что хватит пальцев одной руки. И двое из них – мои наставники, а еще двое – родители. Но до отца с матерью, как и до леди Модены, слишком далеко... значит, остается учитель боевых умений, лорд Гесорт. Ведь только к нему в дом я могу заявиться даже в глухую полночь, не перепугав и не рассердив хозяев.

Достав из шкафа самый простой и непримечательный из принесенных сюда заранее запасных дорожных костюмов, переделалась как по тревоге. Побросав в карманы все более-менее ценные личные вещи, натянула шляпу-маску и вышла в пустой порталный зал. Но свернула не к кабинкам порталщиков, отправлявших наемников в поле, а к кругу, открывающему пути в разные города родного материка. С него можно бесплатно уйти в любое место, запомненное личным амулетом и отмеченное маячком.

Но сейчас самым главным достоинством порталного круга для меня было совершенно другое. В цитадели никто никогда не контролировал используемые магами круги, и ни один сыщик не сможет проверить, куда я ушла, и даже пытаться не станет.

На порталной башенке холодный шальной ветер мотал тускло светивший фонарик, превращая глухую ночь в беспорядочную пляску призрачных теней. Таких же неустроенных и бесприютных, какой чувствовала себя я.

Поддев пальцем завиток на наизусть изученной защелке, крутнула ее влево, и дверца распахнулась. Внутри было светлее и намного теплее, и едва дверца за мной хлопнулась, появилось ощущение уюта и покоя, всегда возникавшее у меня в этом доме.

И не успела я дойти до нижней площадки, как на ней появился сам хозяин, магистр Стайн Гесорт.

– Снимай свою шляпу, – сказал он буднично, – у нас чужих нет. Пойдешь умываться или сразу в столовую?

– Только что умылась, – сказала я правду и тихо добавила: – Но за мной может быть погоня.

– Мы в курсе, – невозмутимо сообщил Стай, дождался, пока я встану рядом, и, приподняв пальцами за подбородок мое лицо, внимательно изучил. – Правильно сделала, что пришла сюда. Повернулся и направился в сторону небольшой, уютной столовой. Я молча шла следом, ощущая, как все теплее становится в замерзшем измученном сердце. Самый сильный из боевых магов Тезгадора, легендарный и непобедимый стальной Стай был еще и самым верным и надежным другом.

– Гина, – резво вылетела из боковой двери навстречу мне леди Гесорт, всегда такая порывистая, непосредственная и совершенно не похожая на хладнокровного мужа, – мы тебя уже ждем! Еще вечером собратья восточку прислали, и Стай сразу написал друзьям, чтобы выяснили, в чем там дело!

– Болтушка, – с любовью оглаживая жену взором, усмехнулся магистр, – про чай-то не забыла?

– Да все на столе уже! – Крепко обнимая, леди Альмисса неуклонно подталкивала меня к дверям, из которых появилась. – Но пусть сначала посмотрит... потом ей не до того будет.

Она немного снизу заглядывала мне в глаза и улыбалась так гордо и счастливо, что просто невозможно было объяснить, что к маленьким детям я и близко никогда не подхожу. Просто не имею никакого представления, как с ними обращаться, и жутко боюсь случайно причинить какой-либо вред.

В просторной комнате, обставленной почти игрушечными кроватками, столиками и креслицами, освещенными мягким зеленоватым сиянием магического светильника, было еще уютнее и безмятежнее, чем в остальном доме, хотя мгновение назад я готова была утверждать, что это невозможно. Не знаю, что именно вызывало такое ощущение – белизна кружевных занавесок и подушек или обилие ярких, нарядных игрушек и маленьких одежек, но мне сразу захотелось остаться именно тут. Сесть прямо на пушистый белый ковер, любоваться незнакомыми вещами и не думать ни о каких отборах и лордах.

– Сюда! – Альми подтолкнула меня к тюлевому балдахину, под которым спали два совсем крохотных, но уже абсолютно настоящих человека.

Подлинных от ногтей на малюсеньких пальчиках до кукольных носочков на пухлых ножках. На малышах не было пышных, длинных атласных платьиц и чепчиков с кружевом, оборками и лентами, как на всех младенцах, каких я видела издали до сих пор. Только батистовые рубашечки и эти носочки, умилившие меня до слез.

– А им не холодно? – сам вырвался неожиданный вопрос. – Может, хоть одеялом укрыть?

– Маг я или кто? – возмутился незаметно присоединившийся к нам учитель. – Вон взгляни – амулет. Следит за их ощущениями. Как только начинают мерзнуть и поджимать ножки, сразу добавляет тепла. Детской коже полезнее всего воздух, а не красивые тряпки.

– Как проснутся, дам тебе поддержать, – пообещала Альми, налюбовавшись на своих первенцев, – а сейчас уходим. Они – будущие маги и уже ощущают чужую энергию. Не была бы ты щитом, еще лет пять бы их не увидела.

– Спасибо, – искренне выдохнула я.

Знакомство с наследниками семьи Гесорт стало подлинным бальзамом для моей израненной души.

– Ну рассказывай, – усадив меня за стол и подвинув чашку барбарисового чая, предложил учитель, и я выложила все без утайки.

И про свои надежды, и про нанесенные предателями обиды. К концу рассказа я уже горько плакала, ничуть не стесняясь и не скрываясь. Здесь поймут, не осудят и никогда потом не попрекнут минутой слабости и не подковырнут.

– А про этот отбор... или смотрины, как они лукаво это называют, ты прежде знала? – спросила Альми, и я отрицательно помотала головой.

А когда доплакала, вытерла слезы и запила горечь предательства кисло-сладким чаем, призналась:

– Краем уха, конечно, не могла не слышать, все леди шепчутся... по секрету. Но меня это не интересовало, поэтому обычно думала о своем. Родители оставили на меня все хозяйственные дела. К тому же почти каждую ночь уходила на Харгедор, там настоящая жизнь, а не глупые сюсюканья про женихов, шляпки, чулочки и модные декольте. От таких разговоров мне через пять минут хочется спать и рычать.

– Твоя ученица, – без упрека объявила Альми мужу и теснее прильнула к его плечу.

– Единомышленница, – мягко поправил он. – Других в ученики не беру. Зачем тратить свое драгоценное время на девицу, которая в лучшем случае сможет похвастать умением держать лук на герцогской осенней охоте? А на Харгедор тоже хотел бы сходить – как только позволишь.

– Не верь ему, Гина, – счастливо улыбнулась леди Гесорт, – никого я не держу. Сама понимаю, как тошно воину сидеть у камина, когда там бьются его ученики. Но он сам не хочет, пока малыши не подрастут. Как будто не будет возвращаться сюда каждый день.

– Да мы уходим всего на три-четыре часа, – пояснила им правила, которые Стай, без сомнения, знал и сам. – Успеваем и отдохнуть, и сделать все дела. Ну, на всякие балы и обеды, конечно, стараюсь ездить лишь в тех случаях, когда отказ расценят как неуважение. А как теперь идти на Харгедор, даже не представляю. Они же, несомненно, охоту на меня откроют... за что только, непонятно?

– А вот в этом я сам сейчас разбираюсь, – сообщил магистр, достав из звякнувшего почтового амулета свернутую в тугую трубочку записку. – Мне об отборе было известно заранее,

приглашали помочь в судействе испытаний. Разумеется, я отказался, но справки навел. Кстати, скажи мне, а кто твой второй напарник?

– Не знаю, – честно ответила я, открыто глядя учителю в глаза. – Он все время в безликой маске и в кожаной броне. Даже перчатки с рук не снимает.

– Я же говорила, – непонятно о чем вздохнула Альми, – наша Гина – простодушный цветочек и никогда таких игр не раскусит.

– Кто играет? – не поняла я. – Мне показалось, что этот отбор – очень серьезное событие.

Герцогские фрейлины следят за избранницами, как коршуны.

– Страху нагоняют, – фыркнул Стай. – Но не отвлекайся. Подумай хорошенько, этот Ренд никого тебе не напоминал? Никаких подозрений не возникало?

– Но он-то при чем? – сначала изумилась я, не желая копаться в личных сундуках бывших друзей. А потом словно воочию увидела, как безоговорочно лучник встал на сторону Эста, и вздохнула: – Ты же знаешь, меня учили уважать чужие тайны и не лезть туда, куда не зовут. Одно могу сказать точно – он знатный лорд и весьма богат. В первый же день пришел в отличной броне и никогда не считал добычу, как другие.

– А вы сами ее собираете? – задумалась хозяйка, прежде не проявлявшая к подробностям нашей службы никакого интереса.

И это было очень правильно: последние полтора года время и мысли Альми принадлежали только заботам о себе и детях.

– Все по-разному. Некоторые сами, другие нанимают шкуродеров. А у кого хватает денег нанять или купить маа, тот берет к нему и наездника. И они сразу чистят поле. Но у Ренда маа свой, выращенный дома, и он справляется без помощников.

– И тебе известно, у кого есть возможность держать дома маа? – насмешливо приподнял бровь магистр.

– Известно. Многим. Из-за вылазок на Харгедор вот уже лет десять-пятнадцать маа очень популярны, и предприимчивые охотники завели питомники. Ловят зверей и успешно разводят. Малышей может купить каждый состоятельный лорд. Я и сама уже подумывала, но не захотела объясняться с тетушками. Ведь родственницы даже не догадывались, чем занимается по ночам их подопечная. Впрочем, они уже в прошлом. Я сразу послала дворецкому приказ выкинуть предательниц из дома. Отец дал мне такое право.

– Немного по-детски, – усмехнулся учитель, – однако я тоже уважаю чужие решения. Хотя тех змей и сам уже давно бы выставил. Даже без уточненных сведений мне понятно, как неспроста они спелись, ведь раньше терпеть друг дружку не могли. Ну а насчет маа ты ошибаешься.

У твоего напарника зверь уже старый, это можно определить по верхним лапам, у молодых они светлые и мохнатые. Но сейчас важно не это, а другое: на что ты готова пойти ради избавления от статуса претендентки на место жены Эстена?

– На все, – решительно сказала я, хотя еще вчера и подумать не могла, что отважусь на подобное заявление.

– Тогда будем судиться. На письме, которое подается претендентками устроителем смотрин и неверно называется прошением, кроме печати должна быть твоя подпись. Да и писать его положено лично, как и отдавать магу, надзирающему за справедливостью и добросовестностью проведения смотрин. А тебя там не было. Да и сейчас ты сидишь у меня дома, хотя все уверены, что спишь в доме Эстена. Фрейлины объявили остальным избранницам, по обычаю собравшимся на вечерний чай, будто тебе стало нехорошо. И твои тетушки, исполняющие роль сиделок, это подтвердили.

– Но зачем? – никак не укладывалась у меня в голове абсурдность такой откровенной лжи. – Как они собираются выкрутиться, когда откроется правда? Неужели кого-нибудь нарядят мною? И как в таком случае Эстен будет доказывать свою непричастность к их делишкам? Ведь я туда никогда не вернусь!

– Бедная Гина, – вздохнула Альми, – неужели ты еще не осознала, что тебе придется идти во дворец Эстена? И немедленно. Иначе твоя репутация будет растоптана в пыль.

У меня даже дар речи пропал после этого заявления. И не возвращался целую минуту, пока я потрясенно переводила взгляд с одного сочувственного лица на другое.

– Не переживай, долго ты там не пробудешь, – утешил учитель и показал мне записку. – Минут через десять к устроителям отбора явится адвокат цитадели и потребует немедленного свидания с тобой. Им придется проводить его в твою гостиную, спорить с представителями цитадели не

позволено никому. Да он и не примет отказа. Постарайся упираться на то, что тетки подделали твою подпись и документы ради какой-то выгоды. А тебя привезли на отбор обманом. Адвокат, естественно, маг и имеет дар ментала. Он сразу их допросит и заберет тебя. Не соглашайся оставаться даже до утра. Все остальное я устрою сам.

– А сейчас идем переодеваться, – Альми и слова не дала мне возразить, – не нужно появляться там в этом костюме.

«Ну, это она мягко выразилась», – тихо вздыхала я, полностью признавая справедливость слов старшей подруги. Вернее было бы сказать – откровенно глупо появляться там в таком виде. Тетушки сразу бы взвыли сиренами, как взломанная защита на сокровищнице.

Однако, копаясь в роскошных пеньюарах, я не могла не думать, с каким лицом предстану в подобном виде перед магистрами цитадели. Одновременно с досадой понимая, что еще вчера в первую очередь должна была вспомнить именно о них. Ведь каждый одаренный, независимо от возраста, статуса и силы дара, с того мгновения как подпишет договор на обучение с наставником магических ремесел, считается вступившим в союз магов. Законное право брать учеников имеют только мастера и магистры цитадели.

А на мою сообразительность, к великому сожалению, судя по всему, оказало влияние стойкое заблуждение окружающих. Ведь все знатные лорды и леди высокомерно полагают, что прекрасно проживут, не допуская цитадель в деликатные личные дела.

– Вот это, по-моему, подходит, – заявила Альми, подавая мне темно-сиреневый пеньюар, и деловито пояснила: – Цвет, конечно, блеклый, но ты и не должна сейчас выглядеть цветущей розой. Главное, шелк плотный и сорочка почти монашеская.

– Мои вещи собирали тетки, и там нет ни одной темной и скромной вещички. Боюсь, они сразу заявят, что я где-то гуляла.

– Сомневаюсь, что интриганки сознаются в своем произволе, – задумалась подруга. – Но если им хватит наглости – не спорь. Сразу признавайся, что попросила меня выслать что-либо попримечнее. Давай поставлю свой знак, все равно все скоро будут знать, что ты обратилась за защитой к учителю.

Альми шлепнула снизу на край подола свою печатку, и на ткани вмиг расцвел синий вензель.

– Гина, пора! – раздался за дверью голос учителя. – Кстати, Криз проснулся.

– Идем, – потянула меня хозяйка, – исполню обещание.

– Я боюсь...

– Не смей. В женщинах умение держать детей заложено природой. Просто выпусти на волю свою интуицию, она подскажет. И я же рядом.

Мы птицами влетели в детскую и вмиг оказались возле ширмочки, откуда доносилось тихое похрапывание и мягкое урчание хлопотухи.

– Ах какой умница, сыночек, – шагнув за ширму, восхищенно пропела Альми, и я даже захлебнулась изумлением.

Никогда бы не подумала, что она умеет лепетать так сладенько и одновременно нежно, с неподдельным восторгом.

– Ну вот и мы, – выплыла из-за ширмы Альми, держа прильнувшего к плечу малыша.

Теперь на нем были смешные штанишки на лямках и вязанные туфельки. Золотистые пушистые волосики выглядели мягкими, как лебяжий пух, а серые глазки смотрели наивно и доверчиво. У меня задрожали колени и мгновенно взмокла спина, когда Альми непреклонно, но бережно вложила в мои руки теплое и неожиданно вовсе не легонькое тельце.

Я стояла, боясь сделать малейшее движение, крепко прижимая к себе этот драгоценный знак высшего доверия, а невозможно прелестное существо вдруг вцепилось крохотными пальчиками в мой локон и потащило его в рот.

– Альми! – взмолилась я. – Что делать?

– Вернуть сына маме. – Бдительно присматривавший за нами Стай спас меня, отобрав малыша и ловко вытащив волосы из детской ручки. – А парень-то не промах. Сразу рассмотрел хорошенькую девушку.

И не дав мне даже слова сказать, подтолкнул в открытый переход.

Путь привел меня в полутемную пустую спальню. Значит, прежде чем настроить портал, наставник открывал сюда следящий шар, не желая раньше срока столкнуть меня с тетками. За эту заботу я была ему благодарна особо. Сейчас мне лучше подольше не видеть их лицемерных рож, иначе не сдержусь, шарахну чем-нибудь... не смертельным, но несмываемым. В соседней комнате раздался стук, и Маральда тотчас отозвалась утомленным, полным печали голосом:

– Сейчас открою, не стучите так! Девочка только задремала...

– Добрый вечер, леди, – голос незнакомого мужчины был неукоснительно вежлив, но тверд, – я лорд Неверс, адвокат цитадели. А это леди Калиана, целительница. Мы имеем распоряжение главы цитадели навестить леди Элгинию Горензо.

– Посещение избранниц запрещено правилами смотрин, – раздался ледяной голос леди Анбетт. Оказывается, и она там! Как жаль, что я не догадалась подсмотреть заранее. Хотя ничего бы мне это не дало, да и наставник не зря промолчал. Иначе меня сейчас уже трясло бы от беспокойства и ненависти.

– У меня письменное разрешение герцогини Таринской, – в голосе адвоката прибавилось стальных ноток, – и приказ верховного совета.

– Нельзя же быть такими бесчеловечными! – с великолепно сыгранным возмущением выкрикнула Джана. – Дайте бедняжке отдохнуть хотя бы до утра.

Похоже, мне пора.

– Добрый вечер, – распахнув дверь в гостиную, поприветствовала гостей, – я Элгиния Горензо. И это я просила о помощи. Бывшие компаньонки доставили меня сюда обманом, держат взаперти, охраняют и никого не выпускают.

– Мы проведем расследование прямо здесь, – объявил сероглазый мужчина средних лет и невозмутимо кастовал на потерявших дар речи интриганок незнакомый мне щит. Каждая оказалась в собственном тесном коконе, и, насколько я понимаю, ни одна не могла оттуда ни уйти, ни подать какой-либо сигнал.

– Но это произвол! – злобно закричала Джана. – Мы свободные леди!

– Но бедные, – подходя ко мне, спокойно заметила леди Калиана, – а ваша бывшая подопечная богата.

– Она не бывшая... – оскорбленно поджала губы Маральда, но адвокат посмотрел на нее с искренним презрением.

– Цитадель четыре часа назад получила просьбу Хаверда Горензо провести расследование преступных интриг, творимых над его дочерью ее бывшими компаньонками, уволенными им со вчерашнего дня без рекомендаций и выходного пособия, с требованием возместить Элгинии Горензо причиненные ей душевные и физические страдания.

– Ей? Страдания? – захлебнулась ненавистью Джана. – Да эта маленькая распутница не имеет никакого представления ни о порядочности, ни о чести! Она каждый день уходит порталом к любовникам, а потом полдня отсыпается!

На меня словно ведро помоев вылили, так мерзко и обидно вдруг стало.

– Держитесь, леди, – шепнула целительница.

– Я не успел предупредить, – теперь голос лорда Неверса был не просто холоден, в нем звенела ледяная ярость, – что обладаю даром слышать ложь. И ни одна из подсудимых пока не сказала ни слова правды. А вот леди Элгиния ни разу не солгала. Хотя отвечать на оскорбления подсудимых потерпевшая не обязана. Но вам будет предоставлен шанс немного облегчить свою участь, если чистосердечно признаетесь, зачем заманили леди Элгинию в этот дворец.

– Чтобы выдать замуж, пока ее грязные похождения не стали известны всему герцогству, – неуступчиво процедила Джана.

– Десять лет в монастыре для нераскаявшихся преступников без права переписки! – невозмутимо объявил лорд Неверс, и Джана исчезла, слово растаяла.

– Что здесь происходит? – раздался от двери голос Эстена, и я невольно сжалась.

Леди Калиана мгновенно подхватила меня под руку и ободряюще улыбнулась.

– Расследование преступления, совершенного по сговору преступной шайкой знатных дам против леди Элгинии Горензо, – сухо и невозмутимо пояснил магистр. – Я лорд Неверс, адвокат цитадели.

– Какое право вы имели среди ночи врваться в мой дом? – Эст явно злился.

– Лорд Эстен, вы либо слишком мало интересуетесь правилами своих собратьев по цитадели, либо имеете отношение к творящимся в вашем доме беззакониям, – так резко осадил моего напарника магистр, что даже у меня от стыда за него вспыхнули уши.

– Какие именно беззакония вы имеете в виду? – Удивительно скоро справившийся с замешательством Эст теперь держался с завидным спокойствием и уверенностью.

– Преступный сговор устроителей ваших смотрин и компаньонов леди Элгинии Горензо. Они обманом заманили сюда леди и заставили участвовать в отборе, подделав ее подпись.

– Она шла сюда совершенно свободно, не проявляя никакого сопротивления, – голос Эста заскрежетал ржавым металлом.

– Это ничего не значит. Просто девушка полностью доверяла своим тетушкам, – холодно произнесла целительница, – как и положено воспитанной леди.

– Леди Маральда, – словно забыв про его милость, адвокат пристально уставился на мою бывшую родственницу, – вы не ответили на мой вопрос, зачем вам понадобилось так поступать с вашей бывшей подопечной?

– Это не я, – резво выпалила тетушка. – Это все Джана придумала, чтобы спасти Гини от позора.

– Я же предупреждал, что слышу ложь, – с презрением ухмыльнулся магистр. – У вас есть последняя попытка сказать правду. Ну? Я жду.

– Я женщина бедная, меня можно оболгать и припугнуть... – заныла тетушка, и магистр, явно потеряв терпение, резко махнул в ее сторону ладонью. Нет, она не исчезла, как я ожидала, просто как-то привяла, поникла и безропотно забормотала: – Джана сказала, сможем купить по имению. Дело простое, только привезти в дом, тут нам помогут. Анбетт сама документы забрала... и сама отнесла... а нам дала по ожерелью...

Грохот раздался внезапно, но я успела по отработанной до автоматизма привычке поставить самые мощные щиты. И сквозь них смотрела, как взрывается жаркими всполохами огня кокон, в котором сидела леди Анбетт и она начинает заполошно махать руками.

А потом ушей достиг тонкий, полный невыразимой муки визг, и лорд Неверс жестко приказал целительнице:

– Уводи леди Элгинию, она признана пострадавшей.

Я хотела объяснить, что без моих щитов тут будет жарковато, но не успела.

Все происходящее вмиг скрыла непроницаемая мгла, вскоре сменившаяся знакомой обстановкой порталной башни моего родного замка.

– Он не успел сказать, – оглядевшись, спокойно сообщила леди Калиана, – что по просьбе твоих родителей цитадель временно назначила меня компаньонкой. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Конечно нет, – пробормотала я и, чувствуя, как ослабели вдруг колени, опустилась на ближайшую из скамеек, расставленных вдоль стен. – А вы... поняли, что произошло с леди Анбетт?

– Попыталась уйти порталом, – безмятежно пояснила целительница и села рядом. – Но не учла, что адвокаты цитадели пользуются самыми сильными артефактами.

– До сих пор мне казалось, – нервный смешок вырвался у меня непроизвольно, – будто адвокаты занимаются немного другими делами.

– Это распространенное заблуждение, – снисходительная улыбка скользнула по полным губам целительницы, – ограничивать представление о правах представителей цитадели правилами, принятыми у обычных людей. Это герцоги и знатные лорды содержат армии следователей, адвокатов, прокуроров и судей, так как все они вынуждены следить друг за другом и никому не могут доверять. А лорда Неверса правильнее было бы именовать прокурором, однако жители Тезгадора с опаской относятся к этому званию, вот и приходится магистрам немного лукавить. Но лишь в том, что касается незначительных тонкостей в названиях. А на самом деле адвокаты гильдии одновременно и следователи и судьи. И выбирают на эту должность только люди, которые обладают незапятнанной репутацией и непререкаемым авторитетом и имеют огромный опыт в распутывании преступлений и установлении степени вины злоумышленников. Потому и получают особые, расширенные права.

Она помолчала, ожидая моих вопросов, но я уже осознала и приняла правильность подобного метода. Испытала на собственной шкуре, можно сказать. Вряд ли я попала бы домой так быстро, если бы за дело взялись столичные дознаватели. Вот те никогда не пропустили бы слов Джаны про мои ночные приключения. А кстати...

– Леди Калиана...

– Зови меня просто по имени, – мягко перебила она, – мы сородичи по цитадели, а у нас не принято наедине обращаться между собой строго по этикету. О чем ты хотела спросить?

– Джана сказала... – я запнулась и смолкла.

Повторить грязное обвинение мне почему-то оказалось не под силу.

– Гина, – добродушно улыбнулась новая компаньонка, – тебе нужно почаще появляться в цитадели. Тогда ты знала бы, что война с монстрами на Харгедоре – это одно из самых важных наших дел, и все помнят поименно отважных бойцов, каждую ночь выходящих на бой. Верховные магистры давно заметили сильного защитника, не допустившего ни одного фатального прорыва. Поэтому я сразу поняла, что Джана лжет, хотя и не обладаю способностями Неверса. Ведь все порталышки в курсе, что ты всегда уходишь с базы именно в этот замок, у них записано до одной минуты. Не ради проверки своих собратьев, а чтобы знать, где кого искать, если спасателям понадобится срочная помощь. Ведь собирать в подобном случае будем самых лучших.

Я слушала ее, разинув рот от потрясения, и мир в моем сознании начинал понемногу переворачиваться вверх ногами. А моя жизнь вдруг резко разделилась на две части – до этого мгновения и после. Прежде я была странной, никому не интересной девицей, которая усердно подсчитывает в отцовском кабинете доходы и расходы в отчетах управляющего и дворецкого, пытаюсь придумать, как отказаться от послеобеденного чая или ужина у одной из великосветских дам, считающих престижным собирать вокруг себя толпы модных или скандально известных личностей.

А теперь я прежде всего боевой маг, один из лучших щитов, и могу ходить в цитадель свободно, как сюда. И общаться там с такими же щитами и мечами, как Эст, делиться с ними опытом и задумками.

– Но отец ничего мне об этом не сказал... и Стай тоже...

– Таково непреложное правило. Цитадель как мать следит за всеми нами и помогает по первому зову или даже без зова. А вот маг должен самостоятельно созреть до понимания, насколько важна для него цитадель. Не станет ли он чувствовать себя изгоем среди прежних друзей и родни, если начнет больше времени уделять интересам и делам собратьев по дару?

– Но ведь... – Договорить я не успела, в центре комнаты вспух и опал темный овал портала, оставив на ковре моего учителя, имевшего привычку в дома к друзьям и ученикам ходить напрямую, используя мощный порталышки амулет.

– Как вы тут? – справился он, смерив меня пристальным взглядом, и добавил с досадой: – Не ожидал я такого поворота.

– Удалось спасти? – встревоженно смотрела на него целительница.

– Да, но память последних месяцев, похоже, выжжена безвозвратно. Примерно до середины прошлой зимы.

– Вы про кого? – похолодев, спросила учителя, боясь услышать ответ.

– Про леди Анбетт, – со вздохом пояснила целительница. – Ты же видела, что там творилось? Кстати, спасибо за щит, свой я поставила на секунду позже. А она не маг, потому и не сообразила, что портал будет толкать ее вперед, а щит – держать, и они обязательно вступят в противодействие. Нам на расстоянии пяти шагов было жарко, а у нее реакция шла на темени... прости за подробности.

– Неверс почти мгновенно снял купол и успел ее защитить, но в порталышках амулетах огромное количество энергии, – спокойно рассказывал мне учитель, никогда не откладывавший такие объяснения на потом.

По его мнению, наглядно подтвержденные заклинания и правила запоминаются в разы лучше чистой информации.

– Но... – мучили меня сомнения, – почему леди Анбетт решила уйти?

– Так ведь именно она и подкупила твоих тетюшек, – с состраданием смотрела на меня новая компаньонка, – и этим поступком подтвердила наши подозрения.

– Но ей-то это зачем? – пыталась я понять мотивы старшей фрейлины. – Эст вовсе не рад был меня там увидеть, и приданое ему не нужно, он и сам богат, а она и вовсе мне родственница, хотя и дальняя.

– Ну, о причинах ее поступков говорить пока рано, – нахмурился Стай, – а вот родство в этом случае сыграло против тебя. Идем, покажешь мне свои комнаты, она изловчилась где-то оставить следящий амулет. Иначе им просто неоткуда было узнать о твоих ночных походах.

– Стай... – пока мы добирались до моих покоев, мучивших меня вопросов стало больше раза в три, – а как родители узнали о тетушкиных проделках?

– Ну ты же сама написала дворецкому, чтобы он выставил компаньонку из замка? – Учитель смотрел укоризненно, словно я напутала с защитными свойствами простого щита. – Не догадалась? Надеюсь, ты не осудишь отца, если я подскажу. Не мог же он оставить тебя без защиты от этих дур? Ну а зная, что ты выгонишь их только тогда, когда они переполнят чашу терпения, выдал дворецкому строгие указания и тревожный почтовый портал на крайний случай. Поэтому Шалтон следил за ними неусыпно и, едва получив твое распоряжение, тотчас отправил отчет лорду Горензо. Тот написал мне, и я от его имени подал заявление в цитадель. Наблюдая, как Стай методично обходит мою гостиную, заглядывая за шторы и статуэтки, я обдумывала произошедшее и все яснее понимала, как напрасно считала себя всеми забытой и одинокой. Да мне, как выясняется, и дня не пришлось провести без незаметного, но неусыпного присмотра верных людей! Однако теперь это почему-то не оскорбляло, как могло быть всего полгода назад, а наполняло душу теплом и благодарностью.

Конечно, я и сама обязательно вырвалась бы из дворца бывшего друга, но раны, полученные моим сердцем, были бы в том случае неизмеримо глубже. А уж о репутации не стоит и говорить, хотя во мне уже зреет крамольное понимание, что для подопечной цитадели эти мнимые светские ценности не так уж важны. Но пока еще я не готова порвать окончательно с прошлыми убеждениями.

– Вот он, – учитель вынул из-за картины плоский диск с камнем посередине. – Дорогая вещица. Кто-то усиленно копал тебе яму, Гина, и поэтому пока на базу не ходи. Мне нужно посоветоваться с Альми, а вам пора отдыхать.

Он распахнул окно и ушел прямо из гостиной, не утруждая себя походом в порталную комнату.

– Он прав, – ободряюще улыбнулась мне целительница, – поспать нам не помешает. Где я буду жить?

– Рядом есть свободные покои, – трудно было не согласиться со справедливостью этого замечания, события последних суток буквально выжали меня, – я покажу.

– А где жили твои тетушки? – входя в светлую комнату, неназойливо осведомилась Калиана.

– В другом крыле.

Признаваться, что это было мое условие, не хотелось, бывшие компаньонки и так представили меня всем чуть ли не монстром. Хотя именно мне и досталось за эти полгода больше всех. Они умудрились указывать мне в таких мелочах, о существовании коих до этого я и не подозревала. Не те кушанья ем, не так сижу, не то платье надела, не там бросила книгу, неправильные цветы принесла из сада.

«Светлое небо, – выдохнула я, устраиваясь в собственной постели, – да мне, похоже, пора благодарить этот проклятый отбор за избавление от невыносимой опеки не менее несносных тетушек... а заодно и от заблуждений насчет верной дружбы с молодым лордом».

Глава четвертая

«Лживые гадины!» – ясно припомнились мне поутру ядовитые слова бывших компаньонки, утверждавших, будто я всегда спала до обеда. Наоборот, по привычке вставала рано, но из своих комнат старалась не выходить как можно дольше. И завтракала тут же, припасенным с вечера печеньем и травяным отваром. Какая магиня не сможет вскипятить себе стакан воды? Само собой, могла бы и чего-то посущественнее сообразить, но не было желания. И причина тому проста до смешного: вернувшись с базы, я обычно пробиралась на кухню и подъедала оставшиеся от ужина пироги и паштеты. Ну а утром, разумеется, не было аппетита. А тетушки, словно назло, заставляли есть горячую кашу, омлет и обильно политые сметаной оладьи. И не позволяли выйти из-за стола, пока не доем свою порцию.

Но сегодня мне можно не бояться их лживой, приторной заботы. Проснувшись от голода и накинув легкое платье, я решительно двинулась в сторону кухни, по пути припоминая те счастливые времена, когда никто не мешал сидеть там за большим столом и пробовать первые ягоды или пирожки. И твердое намерение возродить свое право на эти маленькие нарушения общепринятых правил неуклонно зрело в моей душе.

Станный шум, доносившийся из покоев, где обычно останавливалась Манефа, двоюродная бабушка по отцовской линии, заставил меня замедлить движение и свернуть к дверям.

Манефа, как и моя родная бабушка, по происхождению простолюдинка, но замуж вышла не за мага, а за столяра, и ничуть об этом не жалела. Муж построил ей сказочной красоты резной дом, и у них родилось пятеро сыновей и с десяток внуков. Деда больше нет, дом она отдала меньшому из внуков, перенявшему семейное ремесло. А сама кочует по родне, принося всем свет и тепло своей неугомонной души.

– Светлое утро! – открыв дверь, поздоровалась я и замерла в изумлении.

Седой улыбчивой старушки в просторной гостиной не было, зато в стоящем у камина кресле сидела Альми. В каждой руке она держала по хлопавшему глазенками малышу, а на ковре перед ними развернулась буйная рукопашная схватка.

И один из бойцов был мне отлично знаком: мой учитель и отец светлоголовых малышей магистр Стайн Гесорт. А вот существо, с которым он сошелся в яростном, но, несомненно, неравном бою, человеком не являлось. Еще молодой, но уже заматеревший маа, одетый в намордник и рукавицы, был ниже лорда на две головы, но существенно превосходил силой и шириной плеч.

– Проходи, садись! – крикнула Альми. – На женщин они не бросаются.

– Знаю, – ответила ей, продвигаясь вдоль стен, и ничуть не слукавила.

Собираясь приобрести маа, я изучила все, что про них написано. Родиной этих сумчатых полумедведей-полуобезьян был Асгардор. Местные жители дрессировали рукастых зверей и использовали как помощников в поле. Маа немногим умнее лошадей и собак, а по преданности превосходят всех. Нужно только иметь в доме сильного мужчину, способного держать прирученного маа в подчинении, или воспитывать малыша с самого раннего детства. Зверей переправили с Асгардора вместе с остальными ценными и редкими животными, когда им стало невозможно прокормиться там самим.

– Как он сумел купить взрослого зверя? – поставив свой стул рядом с креслом Альми, громко спросила у подруги.

Шум и рычание, издаваемые борющимися, наверняка разносились до самого крыльца.

– В цитадели взял, – пояснила она, – но теперь его нужно победить. Они скоро закончат, и пойдем завтракать. Держи Криза, он тебя уже знает.

Больше за схваткой я не следила, занятая только одной заботой: как удержать маленького человечка, случайно не сделав ему больно.

– Ладонью под спинку поддерживай и не сажай, а держи полулежа. Следи, чтобы головку резко не откидывал... – От всех этих указаний у меня начали дрожать руки.

Надеясь, что действую незаметно, создала маленький воздушный тюфячок, пристроила его под малыша и уже безбоязненно подхватила ладонями.

– Давно бы могла догадаться, – тотчас раскрыла мою хитрость Альми, – а я уж думала, не дождусь.

В этот момент маа жалобно заскулил, сдаваясь, и мы дружно обернулись на этот звук.

Вспотевший и растрепанный Стай гордо сидел на поверженном противнике, бесстрашно вцепившись в его клыкастую пасть, и жестко пояснял, кого теперь должен слушаться зверь по кличке Мар.

– Боюсь спрашивать, зачем он учителю, – вздохнула я в наступившей тишине, когда Стай отпустил маа и пошел умываться.

– Ночью идем на базу! – крикнул услышавший меня магистр. – Я беру тебя щитом.

Это была просто невероятно замечательная новость. До этого момента мне даже думать не хотелось о том, как непросто будет приноравливаться к новым напарникам. А к учителю привыкать не придется, все его команды, условные жесты и приемы я знала наизусть.

Но он ведь не хотел ходить на базу, пока не подрастут малыши? Оглянувшись на Альми, поймала ее понимающий взгляд и смутилась, ясно осознав, что учитель изменил свое решение ради того, чтобы помочь мне.

– Не волнуйся ты так, – укоризненно буркнула она, поднимаясь с кресла, – он и сам об этом тайно мечтал. И детям это не в ущерб, ночами они уже спят. Идем, покажешь, где тут столовая, мне пора завтракать.

В столовой нашлись детские креслица на колесиках, и я с облегчением отдала Криза матери. Однако, едва ощутив сквознячок, скользнувший по коже, к которой недавно прижималось маленькое тельце, почему-то почувствовала сожаление. Как на празднике весны, когда приходится бросать в небо притихших в руках птиц.

Служанки, при прежних компаньонках ходившие чинно, как воспитанницы монастыря на прогулке, сегодня бегали шустрыми мышками, сияя искренне счастливыми улыбками.

– Если бы знала, – не выдержав, выдохнула я, глядя на их лица, – сколько радости принесет в мой дом уход тетюшек, уже давно выставила бы их за ворота.

– Не клевети на себя, – усмехнулась Альми. – Пока тебе не сделают очень больно, ты не способна «оставить бедных женщин без угла».

Последние слова она произнесла приторно-печальным тоном, явно кого-то передразнивая.

– И не вздумай считать это недостатком, – предупредил учитель, подняв взгляд от листка, полученного перед завтраком. – Хотите знать последнюю новость? Вчера вечером королева объявила о приглашении невест на смотрины для младшего принца.

– Как точно угадала, – зло восхитилась Альми.

– Немного поспешила, – усмехнулся Стай.

А я только пожала плечами. Принцы давно не интересовали меня ни с какой стороны. А слово «отбор» теперь даже слышать спокойно не могла.

День прошел в непривычных заботах и хлопотах, но меня это только радовало. Особенно приказ учителя передать все счета и расходные книги дворецкому и больше не портить на них зрение.

– Ты уже вполне достаточно выучила эту науку, чтобы иногда, от скуки, устраивать управляющим внезапные проверки. Остальным пусть занимаются те, кто получает за это жалованье. А тебе сейчас важнее приучить моего маа слушать твои приказы. Лучника у нас пока нет, а мечнику следить за добычей некогда. Поэтому ставь щит и работай со зверем.

И мы тренировались весь день, с небольшими перерывами на еду и отдых.

А к вечеру меня начало одолевать непонятное волнение. Казалось бы, все прекрасно, я снова отправлюсь на базу, снова выйду в поле, буду делать нужное и важное для жителей Харгедора дело. Очищать их поля и дороги от монстров. Но отчего же в душе растет ощущение фатальной неправильности происходящего? И все чаще память доносит отчаянный крик: «Гина, стой!...»

Почему я не остановилась?

Да, мне было больно и обидно, да, не хотелось унижаться, показывать своих слез.

Но, может, они хотели сказать что-то важное?

– О чем задумалась? – тихо спросила Альми, прилегшая на козетке возле камина.

Он не был разожжен, на улице властвует летняя жара. Но Стай сунул в топку причудливую корягу и кастовал на нее «призрачный огонь». И теперь синие и сиреневые язычки, то трепеща, то взмывая ввысь, струятся по темному дереву, заставляя следить за этой игрой не отводя взора.

– Так... о пустяках.

– Расскажешь, как ты познакомилась с Эстеном?

– Это произошло около семи лет назад, – неохотно начала я, не считая нужным что-то скрывать от Альми, за пять лет ставшей мне близкой, как сестра. – В столице устроили праздник, женился наследник. В загородную резиденцию съехалась куча народа, все дома для гостей были переполнены. Всюду гуляли стайками леди и лорды, сидели по беседкам парочки... И, как обычно, в такой толчее никому не было дела до нас, подростков. Нет, мы не бродили безпризорниками, для детей знатных гостей выделили часть сада, накрыли сладкие столы, слуги подавали лимонад и мороженое. А в тени под балдахинами расположились гувернантки и наставники, бдительно следившие за питомцами и готовые в любой момент броситься на помощь. Эстену тогда было уже пятнадцать, и он выглядел почти взрослым юношей. И как я теперь понимаю, сильно злился на герцога за то, что запер его с малышкой. Он сидел в небольшом гроте, мрачный как туча, и кормил пирожными рыбок.

Я тихо усмехнулась, припомнив, какой сама была в то время. Худенькой и нескладной, в ненавистном пышном платье, цеплявшемся кружевными оборками за все кусты. К тому

времени у меня проснулись все способности, и мне казались смешными и неинтересными шушуканья и намеки сверстниц. Я устроилась неподалеку от гувернантки с толстой книгой по защитной магии, рассчитывая дочитать заданную главу, но невольно отвлекалась на слишком шумную толпу девиц лет тринадцати-четырнадцати, каких набралось больше десятка...

– Могу представить, – вернула меня из размышлений Альми, – как он вас всех в тот день презирал и ненавидел. Это обычная ошибка всех подростков – путать причины и следствия. Отец не пожелал подвергать его опасности быть совращенным какой-нибудь из пиявок, а вину за это решение Эстен перенес на детей, которых родители по каким-то причинам не оставили дома.

– Я помню почему. В тот год выдалось очень жаркое лето, полноводные реки обмелели до камней, и жители Истграда, обычно уезжавшие в поместья, не решились рисковать и остались в городе. Поэтому даже мой отец не смог снять отдельный особняк, а своего мы в столице не держим. Вот и пришлось воспользоваться гостеприимством королевы, предоставившей цитадели целое крыло. Но про Эстена... очень скоро мне стало ясно, что юные кокетки выбрали объектом шуток и розыгрышей именно его. Они прохаживались мимо, громко обсуждая его «печальный взгляд», роняли платочки и страдальчески вздыхали, когда Эст не бросался их поднимать. Постепенно девицы осмелели, шутки становились все игривее, но занятые мороженым и разговорами гувернантки не считали нужным мешать «шалуньям». Моя интуиция начала волноваться, и я уже нарочно пересела чуть ближе, хотя и сама не знала зачем. А потом одна из старших шутниц, владевшая магией воды, решилась на откровенную провокацию. Проходя мимо грота, слегка пошатнулась и, сделав вид, будто ей стало плохо, присела на край скамьи. Эст с самым мрачным видом осведомился, что случилось, и подал стакан с напитком. Но едва он поднес руку ближе, жидкость вдруг сама выплеснулась из бокала и облила притворщицу от шеи до пояса. Она делано ахнула, стараясь, впрочем, не особенно шуметь, чтобы не услышали гувернантки, и закрыла лицо ладонями, словно рыдая. Скорее всего, ей хотелось смутить парнишку, заставить краснеть и извиняться... может, даже откупиться одним из перстней... сейчас не знаю. И сам он еще ничего не понял, а я вдруг сообразила, что, если это маленькое происшествие станет известно в свете, Эста сочтут испорченным, развращенным мальчишкой и начнут провожать осуждающими взглядами. Леди Модена, как тебе известно, знаток таких негласных правил и уловок, она постаралась просветить меня насчет всех тонкостей.

– Кто была эта девочка? – строго свела брови Альмисса.

– Почему «была»? До сих пор живет и здоровствует. Удачно вышла замуж, теперь ее полное имя – Инестина Котернс.

– Нужно сказать Стаю, – строго взглянула на меня подруга. – Цитадель должна знать о подобных пристрастиях одаренных. Разумеется, ее не станут ругать за детскую шутку, просто постараются не дать возможности кого-то подставить. Но объясни, при чем тут ты?

– Я послала «осушающий вихрь». Прицельный, хотя до этого он у меня редко получался. Девчонка ничего не поняла, только сильно изумилась. А Эстен подошел... правда, не сразу, а через два дня, когда гости уже начали разъезжаться. И прямо спросил, что он мне должен. Ну, я и вспылила. Обозвала его дикарем, не знаящим, что люди должны помогать другим просто так, из солидарности, если видят, как кто-то собирается сделать подлость. Слово за слово – мы поссорились, и он заявил, что я просто пыталась таким способом привлечь его внимание, как и все остальные кокетки. А я ответила, что мне его внимание и даром не нужно, а он просто напыщенный индюк, раз считает себя таким неотразимым. И на самом деле все, на что может рассчитывать в отношениях со мной, – это дружба. Мы еще поспорили, и не знаю, как это получилось, но почему-то договорились дружить. До тех пор, пока я не вздумаю с ним кокетничать.

– Серьезное соглашение, – уважительно протянула Альми, но ее глаза смеялись.

– Самой теперь смешно... но я старалась выполнять его неукоснительно. И самой себе накрепко вдолбила, что друг – дороже поклонника. Тот может охладеть, увлечься другой, а друг всегда останется другом. Ошибалась, как видишь.

Против моего желания боль, переполнявшая сердце, в последних словах прорвалась на волю, выплеснулась горьким смешком.

– Не переживай так, – участливо коснулась плеча Альми. – Они скоро поймут свою ошибку.

– Ты думаешь, у меня когда-нибудь появится желание их простить? – изумилась я.

– Надеюсь, – загадочно выдохнула она, прислушалась и объявила: – Вам пора. Проследи там... Последние слова Альми шепнула еле слышно, со смущенной усмешкой.

Я понимающе кивнула, не желая говорить вслух то, о чем она знала и сама. В поле я до последней капли силы буду делать все, что смогу, чтобы уберечь своего напарника.

Глава пятая

Оказавшись на базе, мы сразу разошлись в разные стороны. Я пошла в свой отсек переодеваться в броню, а Стай отправился искать свободное помещение. Наемников постепенно становилось все больше, и теперь пустые отсеки оставались только в дальних коридорах. Встретиться мы должны были через пятнадцать минут, но стук раздался чуть раньше.

Я ринулась к двери, на ходу поправляя шлем, и уже почти нажала на защелку замка, как замерла от неожиданного подозрения. Учитель всегда рассчитывал свое время очень точно и никогда не изменял своему слову. Значит, ждет он меня возле порталных кабин, а в отсек стучит кто-то другой.

Сердце тревожно забилось, руки похолодели, но рассуждала я быстро, словно находилась в поле. Мгновенно создала тоненькую следилку и подсунула под дверь, проверить свои предположения.

А через секунду выдохнула с облегчением: там стояла знакомая магиня, коллега по боевому ремеслу. Тоже щит, только пока без постоянной команды.

– Привет, – попросту поздоровалась я, открывая дверь. Вышла из отсека, заперла его и спокойно поинтересовалась: – У тебя дело?

– Я хотела спросить... – мялась она, – ты на самом деле поругалась с Эстеном?

– А тебе для чего это знать? – Общение с боевыми магами постепенно вытравило из меня излишнюю наивность.

– Хотела попроситься к ним, если ты не против.

– Просись. Меня позвали в другую команду, – сухо бросила в ответ и направилась к кабинам. Но не успела дойти до середины зала, как ощутила укол тревоги. Прямо у меня на пути стояли Эст с Рендом и Боем, внимательно следя за моим приближением. Ноги сами замедлили движение, руки снова задрожали, а сердце испуганно забилось. Как оказалось, рановато еще мне с ними встречаться. И тем более не стоит разговаривать.

В панике я обшаривала взглядом зал, пытаюсь определить, где может быть учитель, как вдруг заметила поднятую вверх руку в знакомой защитной перчатке. Он стоял позади моих бывших напарников, всего в пяти шагах от них, и с интересом озирает многолюдный в этот час зал через прорези непроницаемой маски. Заметив, что обнаружен мною, Стай опустил руку, но свою роль она уже выполнила.

Ко мне миг вернулось прежнее спокойствие и уверенность в собственных силах. «И в самом деле, – ругала я себя в душе, невозмутимо шагая прямо на лордов, даже ради примирения со мной не изменивших своим привычкам и не снявших масок. – Чего мне бояться, если ни один из них не может пробить моего щита?» Да и не станут они поднимать здесь оружия, а после пережитого вчера унижения я больше не боюсь никаких злых слов. Как-то враз осознала, что не стоит обращать внимание на глупые упреки, если за твоей спиной стоит справедливость цитадели.

Но в лица напарникам все же не смотрела. Хотя и заметила краем глаза, как настороженно замер Ренд, по обыкновению прятавшийся под гладкой, словно чаша, защитой. Зато отчетливо разглядела в прорезях простой маски виновато опущенные ресницы Эстена.

И крепче сжала губы – не о чем нам с ними разговаривать. Тем более не нужно мне ни взглядов, ни извинений. В моей душе еще жила вчерашняя острая боль и горько плакала тринадцатилетняя девчонка, на семь с лишним лет приговорившая себя к ложной дружбе.

– Гина... – сделал ко мне движение Эстен, когда мы оказались рядом, и смолк, обнаружив, что я прохожу мимо.

И вряд ли кто-то из наблюдавших за этой сценой понимал, как трудно мне было смолчать, не остановиться и шагнуть дальше. Кроме Стайна, разумеется, но вот как раз он и не собирался меня жалеть. Молча передал полевую сумку, перехватил понадежнее поводок маа и направился

к ближайшей кабинке. Я привычно шла следом, не позволив себе даже оглянуться, но почему-то чувствовала спиной прожигающие броню взгляды.

– Пятнадцатый квадрат, – скомандовал порталщик и торопливо добавил: – Туда уже ушла неполная группа. У них нет щита, но есть потрошители.

– Присмотрим, – сухо бросил Стай, и глаза молодого мага вдруг стали круглыми и растерянными.

– Магистр... – еще лепетал он, но мы уже шагнули в круг.

– Тьма, – недовольно пробормотал наставник, едва оказавшись в защитном тумане, окружавшем точку выхода, – отстал я от жизни.

И решительно направился к светлеющей границе. Я выждала, пока он сделает три шага, и поставила гибкий щит, который будет двигаться вместе с нами.

– Не рано? – Стай шагнул наружу и резко отступил, когда по щиту с силой ударил хлесткий язык шептуна. – Гина?! Это что за тварь?!

– Падальщик. Но и охотой не брезгует. Убивать здесь не нужно, отведем подальше, щиты ему не пробить. Иначе завтра будет штук пять. Это кто-то вчера возле порталной полосы останки бросил...

– Ясно, – выслушав, коротко ответил он и снова двинулся вперед.

Шептунов оказалось двое, и, пока мы не отошли шагов на сто, они тащились за нами, пытаясь длинными, клейкими языками поймать и притянуть к себе. Эти слизни размером с лоханку питались всеми, кто попадал в поле их обоняния, и зачастую умудрялись свалить монстров вдвое больше себя.

Едва очутившись на песчаной полянке, учитель выдал команду, и я выпустила его из-под щита. А через минуту от шептунов осталась только кучка лохмотьев.

– Не люблю, когда меня пытаются сожрать, – обтирая меч воздушным покрывалом, пробурчал напарник и огляделся: – Ну, куда теперь?

– Сначала здесь выбить нужно. Половина монстров чует кровь и слышит шум битвы. Сейчас начнут подходить первые. Вон кусты слева шевелятся, это, скорее всего, кабаньяки.

Стай изумленно поднял бровь, но в ответ я пожала плечами. Сама знаю, что магистры цитадели называют этих монстров по-другому, но вся база говорит именно так.

Два круглых волосатых шара выкатились из кустов, разинули жуткие крокодильи пасти и ринулись на останки шептунов. Добежать они не успели, всего пара взмахов меча – и на щит брызнула мерзкая бурая жижа.

– А добычу нам не пора собирать? – оглянулся учитель.

– В них нет ничего ценного, кроме желчи, – пояснила я. – А ради желчи рубят по-другому. Но не беспокойся, скоро появятся винты. Вот в тех всегда много камней и самородков. Но сначала отступим к валунам, они лезут из песка!

Вовремя предупредила: Стай едва успел отпрыгнуть и дернуть за собой маа. Поставив двойной щит, я оставила только обведенное светящейся полосой окошко для меча. Винты очень быстры и увертливы. Еще никому и никогда не удавалось угадать, в какую сторону качнется или метнется этот гигантский песчаный полуящер-полузмей.

– Через это окошко мне его никогда не достать! – возмутился Стай минут через десять, но я смолчала.

За два года трудно не приспособиться к полю, и у всех уже наработаны свои способы борьбы с винтами. В прежней команде их расстреливал Ренд, пока Эст удерживал мечом на расстоянии. А сегодня я решила испытать собственный метод и уже приготовила щит, ожидая, когда винт на миг замрет перед очередным броском.

– Гина?!

– Жди... – Больше ничего сказать мне не удалось.

Винт застыл словно в раздумье и тотчас ринулся на нас.

Но мой щит уже сомкнулся на нем, и осталось только стягивать его, как сеть. Винт метался так быстро и яростно, что несколько секунд мне казалось, будто он разделен на нескольких особей, но чем туже становился щит, привязанный мной к огромному валуну, тем медленнее делались движения пронырливой и прожорливой, но тупой гадины.

– Это щит?

– Да. Только не знаю, удушить его или открыть оконце, чтобы ты прикончил.

– Проще прикончить, – подумав, уверенно изрек наставник. – Неизвестно, сколько они живут без воздуха.

Но, подойдя к винту и рассмотрев его внимательнее, поменял решение:

– Держи покрепче, я его заморожу. В старой цитадели нет ни одного целого чучела.

– Что такое «старая цитадель»? – выполняя его приказ, небрежно осведомилась я, считая, что речь идет о каком-то из учебных зданий.

– Попытайся угадать, – не изменил своей привычке наставник. – Дано два материка, на одном магии меньше, и она привычная, а на втором – мощные источники и неизученные явления.

– Цитадель разделилась? – вмиг вскипела в моей душе тревога.

– М-да... – попинав замороженного монстра, усмехнулся Стай. – Я не учел особенностей женского мышления. Нет, конечно, никто этого не хочет и не допустит. Просто переехала, оставив на Тезгадоре лишь несколько магистров для решения текущих дел. До вчерашнего дня я был с ними, а сегодня перебрался сюда.

– А Альми? – Мне казалось кощунственным предположить, что учитель оставит жену в одиночестве в такой нелегкий момент.

– Пока буду возвращаться на Тезгадор, а немного позже и они сюда перейдут. Стены и защита уже установлены, главные здания закончены, в центре разбит сад и поставлены особнячки.

Малышам там будет хорошо, – с воодушевлением рассказывал он, а у меня почему-то портилось настроение.

В кустах раздался тонкий писк, и я мгновенно подняла все щиты. Местные крысы – самые мерзкие и многочисленные создания из всех монстров, хотя и не самые сильные. И от них даже польза есть: они подбирают все, до чего не доберутся шептуны. Но для здешних селян они настоящее бедствие сродни буйному пожару. Вмиг уничтожают и посевы, и все, что не заперто в глубоких погребах с металлическими дверцами.

Через час полчище крысак повредило и отступило, а мы отошли в сторонку и сели выпить по кружке отвара. Солнце поднялось уже высоко и жарило немилосердно. Винта мы тащили с собой, порталщики Стай решил вызвать к концу вылазки.

– Винты рождаются совсем маленькими, с мышку, – понемногу потягивая прохладный напиток, вслух размышляла я о своем, – и могут прогрызать ходы даже в ракушечнике. Стай, пусть твои пока поживут в моем замке? Мне делается не по себе, едва представляю, как Альми переносит сюда малышей.

– Вот гадость, – пробормотал он, мрачняя, – а я уже выбрал домик... Может, тебя просто расстроили последние события? И почему магистры не знают о подобной способности винтов?

– Как – не знают? Все воины обязательно пишут отчеты, как только заметят в поведении монстров что-то новое. Но посуди сам, мы приходим их уничтожать, а не изучать, и заметить какую-то странность можем только случайно. А кроме того, они мутируют со страшной скоростью, я помогаю Бою потрошить самых ценных монстров и давно заметила, как быстро меняются их внутренние органы.

– И тебя совсем не тошнит? – испытующе смотрел наставник. – Все же ты впечатлительная леди.

– В чем-то, конечно, леди... – невольно вздохнула я, – но не в этом. Я ведь закрываю себя воздушным щитом, он не пропускает ни резких запахов, ни грязи. Да и препарирую монстров тоже воздушным ножом, точнее, лапой. Но не уводи меня от разговора – я сама предупрежу Альми. Она серьезно относится к моей интуиции.

– Я тоже. И потому охоту на сегодня сворачиваем. Только сначала отправлю винта.

На следующее утро мы с Альми завтракали поздно и вдвоем. Малыши снова спали, Стай спозаранку ушел в цитадель, а управляющий сидел в своем кабинете с отчетами. Хотя его и нельзя считать постоянным жителем замка – значительную часть времени лорд Себерн проводил в поместьях. В моем и в родительском, где отец занимался разведением цесарок.

– Гина, – подруга оторвалась от булочки, которую задумчиво крошила на блюде, – а Эстен когда-нибудь рассказывал о своей семье?

Это был трудный вопрос, и несколько секунд я молчала, набираясь решимости.

– В первые годы нашей дружбы мы встречались очень редко – на больших праздниках. И если я вежливо спрашивала, как здоровье матушки, он сразу мрачнел. Мне хватило трех раз, больше я на эту тему не заговаривала. Потом слышала какие-то намеки, шепотки... но ты же знаешь, как

я к этому отношусь? Если человек может отвечать за свои слова, то скажет громко и открыто, так учил меня отец. А все остальное – змеиное шипение. Кто слушает змей?

– У тебя сильная воля, – со вздохом похвалила Альми, – но знать больное место друга все же необходимо. Хотя бы ради того, чтобы нечаянно не задеть эту рану. Если хочешь, могу рассказать правду.

Несколько минут я упорно размышляла, глядя в окно. С одной стороны, вроде некрасиво совать нос в личные дела человека против его воли. Но с другой – Альми права. Когда знаешь, чего не следует касаться ни в коем случае, – не сможешь причинить боль даже случайно. И кроме того, если об этом известно почти всем, то ничего не случится, если буду знать и я. Ведь использовать эти знания во вред ему, а тем более ради собственной выгоды, мне и в голову никогда не придет. И не важно, что он предал нашу дружбу, я же своего слова пока не нарушала?

– Рассказывай.

– Он бастард. – Одним-единственным словом Альми сумела обрушить все мои представления о мужчине, которого я знала столько лет и даже самонадеянно считала другом. – Незаконный сын герцога Таринского. Это стало заметно, когда Эстен начал взрослеть... Поползли шепотки сплетников, донесли герцогине. Ну и, разумеется, лорду Масанду. Он устроил жене дознание... в общем, был скандал. В итоге они сумели договориться: Эстену оставили дворец и имя матери, а Масанд получил один из герцогских замков и перебрался туда с женой и младшими детьми.

– А они... – Я запнулась, не зная, как сказать, но Альмисса поняла и сама.

– Мать и ее семья никогда с Эстеном не встречаются и не переписываются. Герцог тайком интересуется его делами и приглашает на все официальные праздники. А герцогиня делает вид, будто его не существует, но на самом деле люто ненавидит. И именно она вместе с фрейлинами королевы придумала этот отбор.

– Зачем ей это понадобилось? – нахмурилась я. – Если она не желает ему добра?

– Зато намерена сделать его своей единственной племяннице. Вдруг вспомнила о бедной провинциалке, – кисло усмехнулась Альми, собрала крошки и бросила в окно: – Пусть птички поклуют.

– А ее племянница... – я снова задумалась, припоминая случайно услышанные недомолвки и оговорки, – леди Савилла? Тогда я понимаю Эста, она очень хорошенькая и кроткая. И смотрит на него всегда так восторженно... странно, что не захотела пойти к нему на смотрины.

– Кто бы ее пустил! – зло фыркнула подруга. – Эти старые курицы все решили между собой. Сегодня с утра пораньше уже отправили девушку на отбор к Райвенду.

– А, к младшему принцу, – припомнилось мне. – Он тоже в нее влюблен?

– А мне откуда знать? – изумленно уставилась на меня Альми. – Это ты встречаешься с ним каждый день, а я только пару раз видела на официальных торжествах.

– Как это... – сказанное ею не укладывалось у меня в голове, – каждый день?.. Я никого не знаю. Не хочешь же ты сказать, что Ренд...

– А Стай всегда хвалил тебя за сообразительность! – В улыбке подруги не было и грана насмешки. – Неужели догадливости хватает только на монстров?

– С ними все понятно, лови и бей. А с этими принцами я теперь совсем запуталась. Чего ему не сиделось во дворце?

– Можно подумать, тебе негде сидеть, – уже откровенно веселилась она, – или Эстену! А ему во дворце еще тошнее, к тому же Эст дружит с ним всего на два года меньше, чем с тобой.

– Вот теперь мне кое-что понятно... но Альми, почему ты раньше ничего мне не рассказала?!

– Считала себя не вправе вмешиваться в твои дела без особой надобности. – Она сразу стала очень серьезной. – Тебя ведь все устраивало?

– А теперь что изменилось? – В ее признании явно ощущался подвох, только пока непонятно какой.

– Им нужна помощь. Сегодня утром принесли письмо от Эстена, он просит разрешения приехать ко второму завтраку.

– Где оно? – вскочила я с места.

– Лежит внизу, но можешь не бежать сломя голову. Я уже послала согласие. Надеюсь, ты собиралась ответить так же?

– Да... – Я застыла на миг, прислушиваясь к собственным ощущениям, и облегченно выдохнула, не почуввав того смутного недовольства, которое всегда возникало, когда об отправке писем говорила Джана.

Глава шестая

К приходу Эста я успела переодеться, сделать скромную, но изящную прическу и продумать десять вариантов предстоящего разговора. И все равно чувствовала себя как-то неуверенно и неуверенно.

Кто знает, какая еще блажь может прийти в голову вспыльчивому лорду? Да, теперь мне известно, как непросто ему жилось эти годы и насколько несправедливо отношение общества к детям, чьи родители имели неосторожность оступиться. Причем не просто совершить ошибку, позволив чувствам взять верх над разумом и долгом, но и не суметь надежно скрыть следы своей слабости.

Но разве я не доказала за время нашей дружбы, что имею право если не на доверие, то хотя бы на часть правды? Хотя на малую толику, позволившую бы мне не оставаться самой неосведомленной дуручкой во всем герцогстве?

– Приехал, – сообщила Альми, откровенно следившая из окна за подъездной аллеей, и я, не выдержав, бросилась к ней.

Эстен выскочил из кареты, едва она замерла напротив широких ступеней просторного, как сцена, крыльца, и торопливо зашагал к входу.

Его статная фигура с крепкими плечами мечника в неизменно темном строгом костюме казалась отсюда, со второго этажа, не особенно рослой, но я точно знала, что это обман зрения. Эстен был немного выше Стая, а Ренда – так на целых полголовы. Зато принц был гибче и изящнее, хотя плечи, как все лучники, имел столь же широкие.

– Красавчик, – шутливо подмигнула мне Альми. – И сильно волнуется. Я посижу для приличия минутку, потом найду причину сбежать.

– Нет! – вдруг испугалась я. – Не уходи! Альми, я тебе доверяю, как родной сестре, можешь говорить, что захочешь, только не бросай меня!

– Ну, как скажешь, но, если передумаешь, подай знак, – с тревогой всматривалась она в мое лицо. – Мне казалось... Прости.

– Прибыл лорд Эстен Денлуа, – доложила служанка, и Альми, так и не дождавшись моего ответа, кивнула ей утвердительно:

– Проси.

– Светлого утра! – Бледный, чуть запыхавшийся Эст остановился в дверях, окинул гостиную привычным взглядом воина и шагнул ближе. – Леди Элгиния, у меня к вам очень важный разговор, но сначала позвольте попросить прощения за последние события...

– Позвольте представиться – леди Альмисса Гесорт, – невозмутимо перебила его моя подруга. – Магиня первой ступени и жена магистра Стайна Гесорта. А кроме того, временная компаньонка леди Элгинии. И поскольку все мы здесь собрались по цитадели, предлагаю отбросить не принятое у магов преувеличенно напыщенное обращение.

– Согласна, – первой отозвалась я.

Мне и самой легче было разговаривать с напарником без этих дурацких расшаркиваний.

– Я тоже, – настороженно кивнул Эстен.

– Замечательно, – обрадовалась Альми, сияя так красивой ее живой улыбкой. – Тогда объясни нам, Эстен, почему ты принял Гину за предательницу?

Я подавилась облегченным вздохом, Эст стиснул зубы и нахмурился.

– Но учти, причастность королевы и герцогини Таринской к попытке обманом женить тебя на Гинни уже доказана. Однако пока никто не собирается их обвинять, поскольку леди затеяли новую игру. Прямое вмешательство ничем не поможет принцу Райвенду, только спугнет интриганок.

– Откуда... – Эст заметно растерялся, и мне вдруг стало его невыносимо жаль.

Наверное, очень нелегко жить одному среди чужих людей, не получая ни от кого ни поддержки, ни доброго слова. И не зная точно, кому можно верить, а у кого на уме очередная интрига и далекоидущие планы на твоё имущество, а заодно и свободу.

– Мои тетушки признались, что за щедрое вознаграждение подделали мою подпись, – мягко пояснила я, пока Альми, указав Эсту на кресло, подвигала ему чай. – Сейчас они в монастыре для нераскаявшихся преступниц. А леди Анбетт попыталась сбежать и сильно пострадала. Теперь она не помнит ничего из происходившего в последние полгода.

– Гадина... – наконец отмер Эст и опустился в кресло. – Жаль, что этой змее так мало досталось, она заслуживает большего. Однако всего рассказать не могу, это не мой секрет. Но полностью признаю свою вину перед Гинни, я должен был сначала поговорить...

– Эстен, – сочувственно смотрела на него Альми, а у меня крепло подозрение, что она слышала намного больше, чем я, – сегодня ты заслуживаешь всяческих похвал за преданность другу, но через месяц, когда он поведет в храм Савиллу Тюаре, возненавидишь его на всю жизнь.

– Откуда?! – резко вскочил с кресла лорд, выронив чашечку с чаем.

– Как только Элгиния обратилась в цитадель с просьбой о помощи, этим делом занялись наши лучшие адвокаты, – спокойно сообщил от двери Стай. Подошел к жене, нежно поцеловал в щеку и сел рядом, приобняв ее за плечи. – Никто не вправе пытаться манипулировать магами и принимать за нас решения. Цитадель всегда ревностно за этим следила и намерена следить и впредь. Нам не важно, насколько одарен наш брат и какое положение он занимает. Более того, мы никому и никогда не позволим взять власть даже над слабым учеником или необученной травницей, но действовать при этом всегда будем деликатно и осмотрительно. Мне пока ничего не было понятно, и помрачневшему Эсту, судя по задумчивому взгляду, – тоже.

– Время, отпущенное на официальный визит, уже истекло, поэтому теперь ты отправляешься домой, – безапелляционно продолжил наставник. – Встретимся ночью в двадцать третьем квадрате.

Эст молча кивнул, встал и направился к двери. И только взявшись за ручку, опомнился, оглянулся и растерянно пробормотал, что был счастлив получить мое прощение.

– По-моему, он хотел бы поговорить прямо сейчас, – осторожно наметнула я и смолкла, дожидаясь ответа учителя.

– Знаю. Но дело сейчас не в нем, а в тебе, – заявил Стай, допив отнятый у жены чай, и скептически оглядел стол: – А ничего существеннее в этом доме не водится?

– Все тут водится, – буркнула я, вызывая служанку, а выдав ей указания, снова уставилась на наставника. – Можешь назвать меня бестолковой, но понять, какое отношение я имею к королевскому отбору, все же не могу.

– Да я и не требую, – отмахнулся он. – Потому и отправил отсюда твоего друга. За ним постоянно следят, королева терпеть не может, когда кто-то нарушает ее планы. А Эстен уже постарался, сегодня рано утром решительно выставил из дворца всех гостей. И герцогских фрейлин и невест.

– Не может быть! – охнула я, сразу представив, сколько шума и пересудов вызовет этот поступок.

– Заявил, что пока не чувствует себя готовым к семейной жизни и намерен отложить всякие смотрины на годик-другой, – добавил Стай и насмешливо фыркнул: – По свидетельству Калианы, леди выскакивали из его дома, как мыши из клетки с котом.

– А она что там делала? – Только теперь я, к своему стыду, вспомнила, что с утра еще не видела целительницу и не обеспокоилась ее отсутствием.

– Работала. После того как Неверс допросил остальных фрейлин, трем стало плохо. Анбетт пользовалась ими как шпионками и служанками, а они терпели, боясь потерять место.

– Начинаю подозревать, что с родней мне не очень повезло.

– Такие родственнички есть во всех больших семьях, – успокоила меня Альми. – Зато у тебя замечательные родители и бабушка Манефа. Она уже согласилась приехать и к вечеру будет здесь.

– Да? – Разумеется, это заявление меня обрадовало, старушку я любила. – А кто и зачем ее уговаривал?

– Пришлось мне сходить, – сообщил Стай и смолк, глядя, как примчавшаяся с тележкой служанка составляет на стол блюда и вазочки. А когда за ней закрылась дверь, добавил: – Тебе мы заранее не говорили, так как не были уверены в намерениях Эстена. Но едва твой друг восстал против воли герцога, которого тоже обманом втянули в эту интригу, он тотчас стал для них опасен. Ведь Савиллу уже выбрали в жены Ренду и сделают все, чтобы она победила. А девушка никогда не пойдет против воли королевы, которая успела осыпать небогатую семью своими милостями и не забыла намекнуть, что делает это в знак будущего родства.

– Тогда я не понимаю, как можно им помочь...

И я ничуть не кривила душой: все в королевстве знали, что у ее величества королевы-матери железная воля, и если она чего-то захотела, то добьется своего любыми способами. Хотя полной власти в руках королевской семьи нет уже очень давно, материком правит парламент, которому цитадель вежливо, но непреклонно диктует свою волю. Хотя и вполне законно, почти половина парламента – старшие магистры цитадели. А короли лишь сохраняли старые традиции, устраивали торжества, празднества и ритуальные мероприятия да задавали тон светской жизни и моде. Однако ее величество знала немало способов оказывать давление на знатных друзей и приближенных.

– Тебе нужно записаться на этот отбор, – невозмутимо сообщил наставник. – А мы поможем туда попасть.

– Кто? Я? На смотрины? – На несколько мгновений у меня пропал дар речи, чтобы потом прорваться внешним потоком: – Это плохая шутка, Стай! Нечего мне там делать! Да я теперь вообще слово «отбор» слышать не могу! Да и зачем? Ренда я не люблю и замуж за него никогда не собиралась!

– Ты меня успокоила, – с нарочитым облегчением отер сухой лоб магистр. – Это было самое слабое место моего плана. Что ты вдруг захочешь заполучить этот лакомый кусочек.

– Ренд действительно хороший друг... – Я на миг запнулась и мужественно признала правду: – Эстену. И лучник самый лучший, и боец надежный. Ты не представляешь, из каких ловушек он нас вытаскивал! Но я хочу найти свою любовь и никогда не соглашусь бегать наперегонки с толпой юных леди ради внимания мужчины, к которому не чувствую ничего, кроме доверия соратника.

– Бегать – вообще не самый надежный способ доказательства любви, – серьезно кивнула Альми. – Поэтому ты и должна победить в отборе, Гина. Иначе жизни твоих друзей и хорошей, но слабовольной девушки будут перемолоты в паштет нечестными играми двух самовлюбленных интриганок.

– Победить? Я не ослышалась? А потом что? Отказаться от свадьбы, чтобы знатные бездельники смеялись и глумились над Рендом? Или подождать, пока он откажется и все начнут издеваться надо мной?

– Нет, этого не нужно. Достаточно будет, если всем станет ясно, как мерзко сводить людей, словно животных, и ждать от них потом признательности и счастливых детей. Ведь все еще помнят, как королева проводила смотрины для наследника и почти за руку привела к победе его жену. А теперь возмущена их постоянными скандалами и изменами Альгерта и никак не рискнет отдать ему корону.

Я молчала несколько минут, представляя себе, в каком аду окажусь, если дам согласие на этот сумасшедший план. Мое настроение с каждой секундой портилось все сильнее.

– Зря ты так паникуешь, – не выдержала Альми. – Никто же не оставит тебя там в одиночестве. С тобой пойдут Калиана и бабушка, Стай и Неверс будут в команде распорядителей, а со мной ты будешь встречаться по ночам. Походы на Харгедор никто не отменяет.

– Ты считаешь, что королева позволит мне ходить в поле? – не веря своим ушам, потрясенно спросила я. – Да она поднимет такой шум, что сбегутся все дворцовые прихлебатели!

– Никакая королева не имеет права приказывать магам цитадели, что им делать в свободные от смотрин часы, – жестко отрезал Стай. – А на поле ты ходишь в свое личное время. И не забывай, я тоже буду там и молчать не стану.

– То есть... – вот теперь мне все было ясно, – мы объявляем королеве партизанскую войну и на острие авангарда ставим меня?

– Не королеве, а глупым и старомодным правилам, которые унижают достоинство настоящих мужчин, – убежденно заявила Альми. – Потому что каждый зрелый и умный мужчина вполне способен выбрать себе подругу самостоятельно, без чужих советов и тем более давления.

Девушкам такие отборы тоже причиняют лишь моральные травмы, принуждая действовать не свойственными им способами. Скромным и гордым женщинам невыносима необходимость выставлять напоказ свои достоинства и расхваливать себя, подобно ярмарочной зазывале. Все мы мечтаем, чтобы понравившийся нам мужчина сделал в отношениях первый шаг, предоставив нам свободу выбора. А на этих отборах девушки вынуждены ломать самих себя, переступать через собственные понятия о порядочности и, как стая распаленных азартом гончих, мчаться за дичью, каковой в этой ситуации ощущает себя жених. Ведь только самовлюбленного болвана, не понимающего, что чистой, искренней любовью эти состязания и не пахнут, могут порадовать такие откровенные бои за место рядом с ним. Поверь, я сама пошла бы туда, если бы была еще свободна, чтобы доказать эту истину всем любителям извращенных зрелищ и оставить знатных интриганок с носом. А ты самая лучшая кандидатура среди всех известных мне юных леди и имеешь все шансы победить. Не зря же королева пыталась устранить тебя заранее, засунув в отбор к Эстену.

– И как мы ни крутили, но, кроме тебя, помочь им больше некому, – прямо заявил наставник. – А ваша дружба, доверие и возможность спокойно поговорить в поле помогут победить в этой тайной борьбе.

– А если королева узнает об этих совещаниях? – Я пыталась сопротивляться изо всех сил, очень опасаясь стать посмешищем для всего материка.

– Сама пойдет на Харгедор или пошлет кого-то из своих шутов? – презрительно фыркнул Стай. – Не волнуйся, туда ее шпионам хода нет, как и в этот замок. Здесь сильная защита, и сегодня ночью ее обновят. А ты доедай, и начнем тренировку. У тебя должны быть готовы вежливые и логичные ответы на все шпильки ее величества.

– Но я еще не согласилась!

– Да-а? – недоверчиво протянул учитель. – Тогда откажись. Скажи мне прямо сейчас, что не желаешь помочь друзьям, с которыми спина к спине два года простояла в поле, что бросишь их в самый трудный момент.

– Но ведь они... – На глазах вскипели слезы еще не изжитой обиды.

– Не сразу поняли, как подло обманули их родственники? – насмешливо прищурился Стай, но в его голосе добавилось огорчения, как бывало, когда я неправильно решала задачу. – Не поверили, что самые близкие люди могут обойтись с ними так безжалостно, одним махом лишив и любви, и всех надежд? Запутались в чужих интригах и сделали шаг, к которому их упорно и умело подталкивали, – поссорились с тобой. Хотя Эстен интуитивно чувствовал неправильность происходящего, подсознательно сопротивлялся, казалось бы, неоспоримым доводам и фактам. Поэтому счел тебя предательницей, клонувшей на его статус, и по-детски обиделся. Но ведь ему всего двадцать три года, Гинни, а парни в этом возрасте всегда моложе сверстниц. Не телесно, а в осмыслении житейских дел и проблем.

– Но он был такой злой... – еще пыталась спорить я, хотя уже приняла правоту учителя.

– Да. Но все же пришел просить прощения, – тихо подсказала Альми. – Хотя не просил его ни у кого и никогда.

И это мне тоже было известно, только прежде я не знала причин такой надменности. Вернее, не понимала, что это не высокомерие сноба, а защитная броня мальчишки, брошенного родными людьми в пасть безжалостным сплетникам и моралистам.

– Ну? Как ты решила? – поторопил меня Стай, подождал несколько секунд и спокойно похвалил: – Вот и умница. Я в тебе и не сомневался. И помни главное: это будет настоящий бой, считай себя вышедшей в поле. Ни на миг не убирай щитов и никого не подпускай слишком близко. Любая из невест, служанок или фрейлин может оказаться замаскированным шептуном или винтом.

Глава седьмая

Время вдруг помчалось стремительно, и вскоре я начала сомневаться, что мы все успеем приготовить к сроку. Хотя вокруг постоянно мелькали подгонявшие новые наряды портнихи, укладывавшие сундуки служанки и маги, показывающие возможности принесенных амулетов.

Не обращая на них никакого внимания, за мной тенью следовала Альми, задавая каверзные вопросы приторно-сладким голоском, похожим, по ее мнению, на королевский:

– Зачем вы явились на отбор, милочка? А как вы относитесь к Райвенду? Вы понимаете, что невеста принца должна соответствовать званию принцессы? А вы умеете вышивать гладью? А танцевать? А скакать на лошади? Принцу нужна самая лучшая жена!

И я должна была отвечать быстро, учтиво и почтительно, не забывая об искренности, которую королева всегда проверяла особым амулетом.

Немного легче стало к вечеру, когда прибыла бабушка Манефа.

Невысокая, худенькая старушка сразу внесла в дом особенное умиротворение и порядок, хотя, казалось бы, не приложила к этому никаких особых усилий.

– Красавица моя, цветочек лазоревый, – едва войдя в дом, обняла меня и всучила туесок с душистой малиной. – Попробуй, какая сладкая! А похорошела-то! – всплеснула сухими ручками, увидев Альмиссу. – Малыши-то спят небось? Ну, для них это пока главное дело. Ничего, вот скоро побегут, сразу покажут в доме все лишнее. Чего разгальделись! – неожиданно строго прикрикнула на портних, выбирающих кружево к бальному платью. – Больше тут ничего не нужно. И нечего хозяйке в бока булавки втыкать, к ссорам это. Манекен привезите, над ним и измывайтесь.

А разогнав всех из гостиной, присела к столу, сдернула выходной чепец и тепло улынулась, словно солнышко после грозы выглянуло.

– Ну, рассказывайте, что за страсти тут у вас творятся.

И мы с Альми дружно, как примерные ученицы на экзамене, доложили ей обо всем произошедшем, не упустив ни одной подробности.

– Совсем наши лорды обнаглели, – дослушав, расстроено возмутилась Манефа. – Взяли моду выбирать себе невест, как скотинок бессловесных на ярмарке. И зубы посмотреть, и круп пощупать... а несчастная девица стой, красней и слова поперек сказать не смей. И какая только подлая гадина придумала им такую забаву? Но не женщина, точно. Ну а если все же и женщина, то злая старая дева либо мамаша заботливая, которой одно только и нужно. Чтоб невестка все умела, целый день вертелась белкой в колесе, а вечером перед мужем вытанцовывала и при этом напевала и вышивала. Иначе ради чего эти лорды бедных дев как новобранцев на разные умения проверяют – и бегать, и прыгать, и чертом ходить? А про самый главный дар – любить беззаветно, но не безответно, напрочь позабыли.

– Вот потому мы и хотим всем показать, – согласно кивнула ей Альми, – как ошибочен и мерзок этот обычай. Но одной, без помощницы, нашей Гине там не выстоять. Первой компаньонкой будет целительница цитадели Калиана, она никому не позволит отравить или опоить нашу Гинни. Но нужна еще женщина, которую никто не переманит и не запутает.

– Так для того я и приехала, – уверенно объявила старушка. – Разве можно отправить кровиночку в одиночку в тот гадючник? Ну, давайте ваш чай и рассказывайте, кто чем известен из королевских подхалимов? Про ее величество не нужно, с нею мы уже встречались...

Слушая рассказы Альмиссы про известных мне и незнакомых леди и лордов, я все отчетливее понимала, как прав был Стай, говоря, что это будет такой же бой, как на дорогах Харгедора. И с огорчением осознавала собственную незаменимость. Как юной Савилле никогда не справиться со стаей крысаков или кабаняк, так не выстоит она и перед напором королевы, уверенной в своем праве вершить чужие судьбы. И это понимание внезапно успокоило меня и направило мысли в другую сторону. Я больше не думала о том, что скажут досужие сплетники, меня волновали слова, которые во всеуслышание скажу я сама. Вернее, их проникновенность, сила и действенность.

– Пойду немного посплю, – поднялась я с кресла, не дослушав обсуждение характера главной советницы ее величества, пронырливой и неискренней леди Оттавии. – Мне ночью работать. Собеседницы на миг смолкли, согласно кивнули и снова погрузились в мир высоких интриг, подлостей и измен.

Разбудили меня крики и непонятный шум, а открыв глаза, я и вовсе растерялась. По моей спальне, куда даже камеристка никогда не входила без разрешения, бегала целая толпа женщин, которыми командовала Альми. В одной руке она держала ребенка, в другой – платочек, и махала им этой толпе, как дирижер полкового оркестра.

– Сорочки... не эту! Шляпку, синюю! Туфли... не нужно столько бальных! Добавьте домашние и ночные!

– Элгиния, – стоявшая возле постели леди Калиана одним глазком присматривала за творившимся вокруг беспорядком, не забывая ласково тереть мое плечо, – вставай! Пора.

– Куда? – садясь в постели, осведомилась я кратко.

– Во дворец. – Она поставила вокруг нас непроницаемый щит и, огорченно вздохнув, пояснила: – Королева нанесла первый удар. Заявила, что претенденток на смотрины уже достаточно и прием прошений прекращается сегодня после ужина. Осталось около часа, идти придется порталом. Как раз успеешь одеться, а прическу сделаю я.

– А они все чем тут занимаются?

– Собирают багаж. Это еще одно новое правило – королева запретила привозить сундуки после завершения приема. «Девушка, у которой нет десятка готовых нарядов на все случаи жизни, не может быть хорошей невестой для принца», – ехидно передразнила она явно королевское высказывание.

– А у меня разве есть столько? – искренне заинтересовалась я.

– У тебя даже больше, – торжествующе усмехнулась магиня. – Из цитадели прислали сундучок, создающий любую одежду, какая понадобится. Все остальное мы взяли в твоём гардеробе. Как выяснилось, тетушки обожали ездить по модисткам, скупая тебе модные платья, а заодно не забывая и о себе. Ну, поспеши.

– Мне много времени не нужно, – успокоила я ее и ничуть не слукавила. Походы на Харгедор приучили переодеваться без помощи камеристки за несколько секунд. И тут же вспомнила, что Ренд не знает, зачем я иду на отбор. – А поле?

– Вот в этом ей никто не уступит, – твердо пообещала целительница.

Не сказать, что ее слова меня успокоили, но отступать было поздно и нечестно. Да и горела уже в душе искорка азарта, как перед битвой с винтами.

Уже через четверть часа портал перенес нас к карете, ожидавшей в придорожных кустах. Мы с целительницей посадили на ступеньку бабушку, вслед за ней нырнули в прогретое за день нутро, а возчик и пришедший с нами лакей мигом загрузили в багажный ящик мои сундуки и шляпные коробки.

И вскоре экипаж уже стремительно катил по дороге к виднеющемуся в просветах деревьев королевскому замку. Он приветливо сиял подъездными фонарями и ярко освещенными окнами, манил громкими звуками музыки и казался издали пристанищем светлых фей.

Но этой обманчиво нарядной мишуре не удалось бы провести меня, даже если я ехала сюда по приглашению. Слишком тяжкие предчувствия сжимали сердце при воспоминании об уже испытанной по воле интриганок боли.

– Самое главное, – пробормотала вдруг бабушка Манефа, получившая неожиданно для себя звание «леди», – не спеши отвечать ей, девочка моя. У ее величества Ютенсии есть гадкая привычка заготовливать различные злые пояснения любому твоему ответу. Спросит, к примеру, как твоё здоровье, скажешь – хорошо, а она в ответ – ну еще бы, ты же добилась своего, попала в невесты принца.

– И что, мне теперь придется изображать немую?

– Зачем? Скромно улыбайся и лепечи благодарности, не ввязывайся в ссоры заранее. У нее сейчас основная задача – вышвырнуть тебя со смотрин первой, и обязательно так, чтобы всем было ясно, какая ты грубиянка. Пусть лучше грубиянкой буду я, со мной она спорить не решится. Я помню ее еще с того дня, как она прибыла на смотрины принца в зеленом платье и в ярко-малиновой шляпке. Его величество Граймор метко назвал будущую жену репейником... и не ошибся.

– Какие интересные вещи известны леди Манефе, – тихо смеялась Калиана. – А о том, что после свадьбы королеву пришлось лечить от этого редчайшего недуга, знает только цитадель. Больше ничего обсудить нам не удалось – карета сделала резкий разворот и остановилась возле закрытых ворот.

– Открывайте, невеста прибыла! – крикнул кучер замершей возле ворот охране.

– Опоздала, – грубо ответил стражник, – больше никого пускать не велено.

Я даже опешила от подобной дерзости, но леди Калиана и не подумала расстраиваться.

– Кто выдал вам такой приказ? – приоткрыв оконце, осведомилась она неукоснительно учтивым и смертельно холодным тоном.

И хотя она говорила очень кротко и тихо, вопрос непостижимым образом расслышали все стражники и как один зябко поежились.

– Дворецкий, лорд Фибиус, – значительно вежливее сообщил старший страж.

Синяя светящаяся стрелка с нарочитой неспешностью и наглостью скользнула сквозь витую решетку кованых ворот и улетела к дворцу. Все замерли в ожидании.

Ответ последовал почти сразу. Всего через минуту с той стороны ворот открылся портал, и из него появились двое мужчин. Первого я опознала мгновенно – плох тот ученик, который за тысячу шагов и в любом одеянии не узнает своего учителя. А Стайн сегодня был наряден как никогда, хотя придерживался правила даже на самые значимые балы и приемы одеваться очень просто и строго.

Вторым оказался бессменный королевский дворецкий, редкий подхалим и прохиндей. Фибиус был посвящен почти во все интриги и замыслы ее величества и нажил немалое состояние на выполнении ее тайных указов.

Но сейчас он выглядел далеко не так важно и невозмутимо, как обычно: глазки старика бегали, а губы кривились в страдальческой гримасе.

– Ну?! – прикрикнул на него магистр.

– Я перепутал, – нехотя пробормотал Фибиус, – неверно передал страже приказ королевы. Не пускать невест было велено после окончания ужина, а не после начала.

– Ну?! – еще яростнее зашипел Стайн.

– Откройте ворота и пускайте всех, кто прибудет до вечернего звона колокола, – мрачно распорядился дворецкий.

«Следовательно, у нас было еще почти два часа», – прикинула я, глядя, как стражники торопливо отпирают замки и распахивают высокие кованые створки.

К крыльцу Стайн ехал вместе с нами, мстительно оставив дворецкого брести собственными ножками, и успел рассказать все последние новости. Королева попыталась было объявить сегодняшнюю ночь праздником звезд – в честь начала испытаний, но все наблюдатели за проведением смотрин дружно запротестовали. Многие девушки прибыли только сегодня и даже не успели еще освоиться и отдохнуть, а завтра их уже ждет первое испытание.

– Она теперь готова каждую ночь не спать, – ехидно фыркнула Калиана. – Ей ведь никто не объяснил, что Гина и ее напарники специально выбирали первую смену. Как и то, что они вполне могут ходить в поле и с утра пораньше. На Харгедоре в это время еще светло, а в западных долинах и подавно середина дня.

– Боюсь, – с деланой скорбью вздохнула Манефа, – Ютенсии такие вещи вообще неизвестны.

Она всегда говорила, что женщинам бесполезно забивать голову мужскими науками.

– В общем, держитесь, – шепнул Стайн, когда карета замерла перед крыльцом, и ободряюще добавил: – Вы прибыли не последними. Скоро появятся еще две невесты.

Я благодарно кивнула на прощанье, понимая, что этим цитадель в три раза облегчила мою участь опоздавшей. И шпынять за «медлительность» ее величеству придется не одну меня.

На крыльце нас поджидали две недовольно поджимавшие губы фрейлины, но, едва обнаружив поднимающуюся по ступеням сухонькую старушку, они вмиг потеряли большую часть высокомерия и заметно побледнели.

– Мирного неба этому дому, – приторно-сладеньким голоском произнесла Манефа и, прищурившись, словно только разглядела, уставилась на встречавших. – А чего это вы не отвечаете, милочки? Подожди, молчи... мы ведь знакомы? Ну да, ты Мириана, дочь лорда Дабиуса. Только волосы у тебя всегда были темнее... неужели уже седеешь? А это у нас кто? Ну конечно, третья дочь леди Розильды! Как тебя звали-то, милочка... Дагендорния! Точно!

– Дагерия, бабушка Манефа, – обреченно поправила фрейлина.

– Леди Манефия, – неожиданно строго заявила старушка. – Какая я тебе бабушка? У тебя своих бабок хватает... четыре, насколько я помню?

– С каких пор вы леди? – изумилась Мириана.

– Указом цитадели за значительные заслуги в поисках одаренных сирот и помощи приютам вдове Манефе Тарвен пожаловано поместье Лисвелл и все привилегии. Отныне она леди Манефия Лисвелл! – строго, как судья, отчеканила Калиана.

– Так долго мы будем стоять на крыльце, будто короли? – ехидно осведомилась у фрейлин бабушка, и они засуетились.

Хотя и должны были, как мне показалось, задержать нас подольше, но спорить с Манефой не решились. Хмуро сопя, провели в просторный зал и сдали уже идущему навстречу Неверсу.

– Мирного неба вам, уважаемые леди, – учтиво склонил он голову. – Если вы желаете подать прошение на участие в смотринах, пройдите в кабинет устроителей.

В кабинете нам предложили чай, и не успела я сделать несколько глотков, как наши бумаги были готовы, прошение подписано и одобрено.

А пока мне подробно объясняли правила отбора, в кабинете появилось еще шесть дам, и самых молодых из них я хорошо знала.

Взбалмошная и капризная леди Карлотта Исхарт, младшая дочь главы парламента Патриса Исхарта, прибыла последней, высокомерно кивнула присутствующим и присела в кресло, гордо выпрямив спину и безучастно ожидая, пока будут готовы ее документы. Карлотта имела очень небольшие магические способности, но это ее ничуть не печалило и не мешало жить и развлекаться на полную катушку.

Вторая невеста никаких способностей не имела, зато была младшей сестрой господина Мартиса Селонте, самого богатого промышленника королевства. Брат назначил ей огромное приданое, но откровенно предупредил, что его получит лишь тот жених, которого одобрит сам Мартис.

Пока таковых не нашлось, и госпожу Селонте повсюду сопровождали компаньонки с выправкой гвардейцев и глазами сторожевых псов.

– Мирного неба, – учтиво улыбнулась всем Аленсия и присела в кресло рядом со мной. – Рада видеть вас, леди Элгиния. Теперь я не сомневаюсь, что скучно тут не будет.

– Боюсь, в здешних строгостях паяц из меня не получится, – тихо пошутила я, искренне радуясь ее приезду.

Аленсия всегда была приветлива и рассудительна, и от нее можно было не ждать шпилек и интриг.

Стай покосился на нас с укоризненным видом и продолжил монотонно перечислять наши права и обязанности.

Он явно тянул время, но ради чего, я поняла лишь в тот момент, когда дверь резко распахнулась и в кабинет важно вплыл лорд Фабиус.

– Ее величество Ютенсия Леорена Вадерт, королева Тезгадора! – неожиданно прокричал он басом и шустро отступил в сторонку.

– Ну и где же у нас самая последняя невеста? – В голосе Ютенсии плескался почти откровенный яд, и оговорила она явно не случайно.

– И тебе мирного неба, милочка! – елейным голоском отозвалась бабушка. – Ох, прости старую... твое величество! Этикетам я не обучена, а теперь уж и поздно. Но говоришь ты неправильно, надо было сказать – «которая приехала последней». Но девочка в том не виновна, она бы в первый же час бегом побегала! Так ведь без компаньенок тут не выжить... я хотела сказать, не пустят. Вот и ждала внучка, пока я доеду... а у меня скорость уже не та. В карету полчаса влезаю и вылезаю.

– Манефа, – с неудовольствием поджала губы королева, успев оглядеть кабинет и обнаружить, что я вовсе не одна, – разве твоей внучке не известно, что простолюдинка не может быть компаньонкой?

– Ну как же, как же, милочка! Все она знает, уж такая разумница! Повезло твоему сыночку, сразу три самых завидных невесты Тезгадора к нему прибыли. А звание-то мне ведь дали. Да. И поместье дали. За то, что мимо ребятишек одаренных не прохожу, в цитадель учиться пристраиваю. А у вас все новые строгости... Помнится, прежде, когда ты ко мне за советом тайком прибегала, научить, как отвадить короля от той танцовщицы... как же ее... ну, это не важно, на простолюдинов тут запрета не было.

– Леди Манефа, – надулся как индюк Фабиус, – так разговаривать с ее величеством непозволительно!

– Я теперь леди Манефия Лисвелл, – укоризненно сообщила ему бабушка, – и вы, молодой человек, могли бы и запомнить! Это у меня уже память дырявая... одно вспомню, другое потерю. Так ведь старость во всем виновата, никому не пожелаю забывать важные вещи. Как моя троюродная племянница, которую вчера в лазарет положили. А ведь какая умница была, и бойкая, и ловкая, и такая затейница!

– Леди Манефия... – процедила сквозь зубы королева.
– Да, милочка? А что же я тебя спросить-то хотела... А! Не подсобишь ли по старой дружбе покои нам выделить на втором этаже? По лестницам я уже плоховато хожу.
– Покои для всех невест предоставлены на третьем этаже, – королева почти рычала.
– Ну да, это очень правильно. Им можно, они молоденькие, ловкие. Но я-то не невеста? Пожалуй, облюбую тогда комнатку тут, на первом, поближе к кухне. Бессонница у меня... буду от скуки пирожочки ночами стряпать... или блинчики.
– Фабиус! – рявкнула ее величество. – Посели этих невест в гостевых покоях второго этажа и прикажи ужин подать им в комнаты! Девушки с дороги, устали, а в столовой все равно уже десерт подают.
Развернулась так резко, что юбки крутнулись колоколом, и ринулась прочь. Дворецкий козликом поскакал за ней.
– Леди Манефия Лисвелл, – промокая платочком выступившие от сдерживаемого смеха слезинки, произнесла Аленсия, – если вам когда-нибудь понадобится любая помощь или услуга, я буду счастлива помочь всем, что в моих силах.
– Спасибо, милая, – светло улыбнулась ей бабушка. – Я знаю, что ты добрая девочка. И верю, что скоро найдешь свое счастье. Только смотри не на одежду, а в глаза... и все будет хорошо. На второй этаж мы поднимались в окружении целой толпы сопровождающих, как опасные преступники под конвоем взвода гвардейцев. Магистры и фрейлины из команды устроителей смотрин, горничные и служанки. Последними двигались три кучки дюжих лакеев с нашими сундуками и коробками.
Перепутать багаж гостей считалось у них немыслимой оплошностью.
Добравшись наконец до спальни, я желала только одного: снять новые туфли и дорожное платье и упасть на по-королевски пышную постель.
Как мне пояснила потихоньку Калиана, на втором этаже гостевого крыла всегда размещали самых важных гостей, и большинство из них были магистрами цитадели. Поэтому придворный маг, один из племянников Фабиуса, и не осмелился устанавливать в этих покоях никаких следящих амулетов и особых щитов.
Теперь я отлично понимала, ради чего бабушка так стремилась сюда попасть. И кто ее об этом попросил.

Глава восьмая

Проснувшись от укола призрачной змейки пробуждающего амулета, я привычно спрыгнула с постели, не успев еще открыть глаза. И сразу же услышала приглушенные голоса за приоткрытой дверью в будуар.
И это разбудило меня окончательно, причем быстрее, чем обычное умывание и бодрящий напиток.
– Гина проснулась, – чуть громче произнес Стай и добавил явно для меня: – В пять минут уложишься?
– В четыре, если ты сделаешь чай, – уже из двери в гардеробную буркнула я.
И точно в назначенный срок уже входила в будуар, скудно освещенный ночной лампой. За это время я успела надеть самое простое платье и туфли и прихватить маску, провезенную во дворец в одной из шляп. Нельзя допустить, чтобы на базе меня случайно узнал кто-то из придворных. Среди них было несколько новичков и пара довольно опытных наемников, и любой мог выдать меня королеве.
– Твой чай, – тотчас протянул мне чашку наставник, и я приняла ее, стараясь не глядеть на мужчину, стоящего у распахнутого окна.
Да и что там рассматривать, если и так давно уже наизусть изучила каждый изгиб его фигуры, анфас и профиль? А также все движения и жесты. И сейчас не понимала одного: почему до сих пор не узнала в надежном напарнике младшего принца? Или в принце – напарника?
И находила только один ответ. Просто даже подумать не могла, что аристократически бледное высочество, на всех балах скупающе поглядывающее на публику сквозь зеленоватое стекло

бокала с сухим белым вином, может быть нашим ловким, насмешливым и властным командиром.

Хотя это было общее правило: именно рейнджеры, а не мечники и не защитники выстраивали тактику боев и отдавали приказы. Ведь меч сосредоточен на том противнике, с которым ведет бой, лишь краем глаза следя за происходящим. А щит и вовсе смотрит на свои купола и зеркала, едва успевая ставить новые вместо прорванных и добавлять личной защиты и устойчивости напарникам. Тогда как лук, почти никогда не ввязывающийся в ближний бой, постоянно держит под прицелом все подступы к выбранной позиции и потому видит все происходящее и может предугадывать изменение ситуации.

– Допила? – Учитель решительно отобрал пустую чашку и обхватил меня за талию. – Ренд, возьми за мой пояс.

Посмотреть, выполнил ли принц его приказ, я не успела – в лицо упругой волной ударила ночная прохлада, вмиг сменившаяся ослепившим меня ярким солнечным светом.

– А нельзя было открыть путь в полутемное помещение? – сам сорвался с моих губ недовольный возглас.

– Извини, – хладнокровно покаялся Стай, – пока не успел поставить здесь ни крыши, ни навеса.

– «Здесь» – это где? – прищурившись, оглядела незнакомое место с высоты в пять этажей.

– В моем доме, – кратко ответил он, привычно проверяя, догадаюсь я или нет.

– В цитадели? – мгновенно сообразила я.

Да и чего тут не понять? На всем Тезгadore сейчас ночь, а здесь скоро полдень – значит, это восточное побережье Харгедора.

– Да, – довольно кивнул учитель и пригласил: – Идем вниз, там у меня кабинет.

И первым ступил на винтовую лестницу, огибающую башню по внутренней стене.

Я направилась следом, стараясь не смотреть на замершего статуей принца. Ему еще необходимо было осознать и принять сделанное открытие. Как и второму напарнику, которого я пока нигде не обнаружила.

– А где Эстен? – спросила учителя, окинув быстрым взглядом мало похожую на кабинет комнату.

– Скоро придет, за ним ушел Неверс. Королева потребовала, чтобы на время смотрин над дворцом поставили непроницаемый для порталов купол.

– Так вот почему мы прыгали два раза, – впервые за все время подал голос Райвенд. – А с каких пор цитадель строит себе дома на восточном материке?

– С таких, когда здесь стало больше магии, чем у нас, – спокойно сообщил Стай, доставая из шкафа поднос с чайной посудой и сладостями.

– А такое печенье откуда? – сразу родилось у меня нехорошее подозрение.

– Я напекла. – В дверях стояла Альми с вазой в руках. – Вот еще булочки.

– Но я же просила вас быть поосторожнее! – не сдержалась я, похоже, обиды и потери последних дней подточили мою выдержку. – И не вздумайте сказать, что вы и малышкой сюда принесли!

– Ну не бросим же мы собственных детей. – Альми поставила вазочку на стол и попыталась меня обнять. – Не волнуйся так, Гинни, магистры знают о твоём предчувствии и принимают дополнительные меры безопасности. Ставят щиты и ловушки, следят за передвижениями больших скоплений винтов. А я на всякий случай постоянно ношу с собой амулет переноса.

– И кроме того, сегодня часть наемников перейдет на новую базу, – непривычно миролюбиво пояснил учитель. – Она расположена внутри защитного кольца цитадели. И я постараюсь приходить домой как можно чаще.

– Как ты сможешь приходить, – меня несло на волне беспокойства, – если ввязался в эти проклятые смотрины?!

– Ну, они же ненадолго. – Стай выглядел виноватым, и это злило меня еще сильнее.

– Но если за это время с нею... или с мальчиками... – Я смолкла, не находя подходящих слов, и со всей силы стукнула кулаком по столу. – Не знаю, что сделаю и с тобой, и со всеми теми спесивыми интриганками!

– Гинни, – бросилась ко мне Альмисса, схватила за руки, притянула к себе, – ну не расстраивайся ты так! Вас тоже переводят на эту базу, теперь вы будете в спасательном отряде. Стай? Ничего, что я выдала ваши тайны?

– А что изменит мой ответ? – хладнокровно спросил он и принялся разливать чай. – Садитесь, поговорим. Потом – в поле.

И не успела я украдкой стереть слезы и сесть рядом с Альми, как на лестнице зазвучали голоса, и появились Неверс с Эстеном.

– Всем мирного неба, – прохладно приветствовал нас с порога Эст и замер на миг, встретившись со мной взглядом. А через секунду лорд как-то горько усмехнулся, направился прямо к моему стулу и вдруг встал возле него на одно колено. – Элгиния... я понимаю, что простить меня невозможно. Но молчать больше не могу... Я ошибался, и не только в этот раз... Все эти годы я был совершенно самонадеянным дураком... и втайне все время ждал, когда ты наконец перестанешь притворяться равнодушной и начнешь уже кокетничать.

– На самом деле? – ошеломленно переспросила я. – Но мы ведь договорились! Мы же клятву давали... ты не поверил клятве?!

– Тогда ты была наивным ребенком, – опуская взгляд, хмуро произнес он. – А потом стала хорошенькой девушкой... но ни на кого не обращала внимания. И только ко мне бежала радостно, как к возлюбленному...

– Как к лучшему другу, – машинально поправила я, начиная прозревать. И одновременно искать в памяти доказательства его слов. – Но ты ведь тоже был рад?

– С тобой всегда было легко и просто, – тихо признался Эст. – Но все вокруг называли меня слепым щенком, и это отравляло душу. Потому и не поддался твоему обаянию... а выбрал другую.

– Знаю – Савиллу Тюаре, – отстраненно пробормотала, пытаясь представить, легко ли жить, не веря в дружбу единственного верного существа. Ведь с Рендом он сдружился позже. – Из-за нее я и поехала сегодня на смотрины к принцу, нужно спасти бедняжку, пока не поздно.

– Я похож на подлеца?! – прервав молчание, сухо осведомился Райвенд. – Никто не сможет заставить меня назвать невестой любимую девушку друга.

– Вы недооцениваете королеву, ваше высочество, – учтиво и печально произнесла Альми. – Ваш брат тоже не имел никакого желания вести в храм Ликонтию Брасерт. Но проснулся утром в ее комнате... и не пожелал спорить с матерью.

– Она посулила ему корону, – спокойно сообщил Стай, – но позже забыла про свое обещание. А теперь собирается повторить этот фокус.

– Вы уверены? – скрипнул зубами Ренд.

– Мы же маги, – дружески улыбнулся ему Неверс, – и не терпим, когда манипулируют кем-то из наших собратьев. Это нарушение нашего права на свободу выбора. Но вашему высочеству не стоит так беспокоиться, мать у каждого из нас одна, и никто не осмелится обижать или оскорблять ее величество. Просто постараемся сделать все, чтобы в этом отборе победила Гина. Вернее, леди Элгиния.

– А почему, – вдруг насторожился Ренд, – вы выбрали именно ее?

– По одной простой причине. Вы напарники уже два года, ваше высочество изучило ее достаточно и не станет беспокоиться, что Гина начнет настаивать на немедленной свадьбе. А через годик вы потихоньку расторгнете помолвку по обоюдному согласию и имея вполне вескую причину.

– Гина, – напомнил о себе Эстен, так и стоявший на одном колене у моего кресла, – даже если у тебя ничего не получится, я все равно на всю жизнь останусь твоим должником, за одно лишь желание помочь нам. И готов сделать все, что в моих силах...

– Да ничего мне не нужно, – проворчала я, чувствуя, как постепенно отступает нежданная обида. – Это же тебе было плохо, ты считал, будто тебя заманивают в западню. А мне было хорошо. У меня был верный и надежный друг, почти брат, и я всегда этим гордилась. И будь любезен, встань уже с пола. Я давно простила тебе ту злость.

– Мне бы очень хотелось вернуться назад и все изменить, – тихо буркнул он, осторожно прижал к щеке мою ладонь и легко поднялся на ноги, – но это невозможно. Зато я больше никому не позволю даже слово про тебя сказать... всегда ненавидел злых и хитрых интриганов.

Ренд нахмурился, стиснул зубы так сильно, что скулы заострились, и отвел взор в сторону, словно не понимая, чего ожидают от него все присутствующие. Молчала и я, не собираясь напрашиваться на извинения, хотя некоторые из знакомых мне дам не нашли бы в этом ничего зазорного.

А через миг и думать об этом забыла.

– В поле! – выкрикнул получивший сообщение Стайн, и не успела я вскочить с места, как кто-то подхватил меня за талию и буквально внес в портал.

Довольно просторную комнату с порталным кругом посередине я увидела лишь краем глаза. В следующий момент учитель сунул меня в стандартный отсек и, крикнув только два слова:

– Тревожный вызов! – исчез за соседней дверью.

И только оказавшись в небольшой комнатке, я поняла, что она кардинально отличается от моего законного отсека. Здесь стояло четыре шкафа, и на ближайшем было написано «Элгиния. Маг второй ступени. Щит пятого разряда».

Дверца послушно распахнулась от прикосновения пальца, и я принялась стремительно переодеваться. Платье комком в угол, сверху туфли, абсолютно незнакомую, но очень качественную кожаную броню на себя, ноги втиснуть в короткие удобные сапожки, сразу же плотно обтянувшие щиколотки. Напоследок схватить шлем и опрометью к portalу, шкаф закроется сам. Да если и не закроется, не страшно. На базе никто и чужого платочка не возьмет. – Квадрат семьдесят девять! – едва я очутилась в порталной кабинке, выкрикнул Стай, и не думая ждать бегущего к нам Эстена.

«Откуда взялся семьдесят девятый? Ведь участков ровно пятьдесят...» – мелькнула в голове изумленная мысль и сгинула в звоне оружия и взрывах фаерболов.

Они бились из последних сил, лучник с парными катанами и щит с боевым жезлом. Мечник лежал у их ног, и через всю его спину тянулась страшная рваная рана. Такие оставляли только самые крупные, заматеревшие скальные коты, уцелевшие в боях с более сильными винтами и кабаньями. А тут их была целая стая. Метались вокруг наемников грязно-серой, забрызганной кровью волной, то накатывая, то отступая, но и не думая бежать или сдаваться.

Стай врзался в этот поток всего через мгновение после того, как я раскинула над всеми самый мощный односторонний щит. Яростно засвистел его меч, в левой руке мелькнул длинный кинжал с зачарованным лезвием. И почти в тот же миг в стаю котов смертельным шквалом ворвался рой стрел, и мне не нужно было оглядываться, чтобы проверить, чья рука их выпустила. Дикие вопли, рык и разъяренное шипение неслись со всех сторон, но уходить злобные твари даже не помышляли. Их чуткие носы уже ощутили сладкий запах человеческой крови, а маленькие желто-зеленые глазки отчетливо видели вожака добычу.

Щит, сунув за пояс выкачанный жезл, опустился рядом с бездвижным напарником и принялся поливать его раны целебными зельями. Я добавила раненому регенерации еще раньше и видела по оттенкам ауры, что маг жив, но без сознания. Однако пока больше ничем не могла ему помочь. Мутировавшие возле источников твари опасны незнакомыми целителям ядами и паразитами, против которых наши зелья бессильны. Воина необходимо срочно отправить в лазарет, но сначала придется отогнать котов.

Эстен появился в нескольких шагах от нас спустя пару минут и ввязался в битву с яростью смертельно раненного вепря. Я порядком помучилась, прежде чем изловчилась набросить на скакавшего диким козлом друга локальный щит.

Но котов все-таки было слишком много, из-за камней и из-за кустов лезли все новые.

– Ги, Эста в круг! Тройной!!! – рявкнул учитель, и я мгновенно исполнила этот приказ.

Стянула на друге щит точно так же, как недавно на винте, и, как бабочку в сачке, принесла трепыхавшегося Эста к себе. А едва отпустив, поставила два дополнительных щита, оставив небольшое оконце только для Стая.

– Гина! – раздался дружный возмущенный рык хорошо знакомых мне мужских голосов, но я была уверена в своей правоте.

– Командир в отряде может быть только один! – объявила друзьям непререкаемо, глядя на бдительно замершего у отверстия Стайна.

А он терпеливо выжидал момент, когда облезлые, покрытые шрамами и свалявшейся шерстью создания, напоминающие милых, пушистых домашних зверюшек лишь длинными хвостами и когтистыми лапами, обнаглев от безнаказанности, начнут безбоязненно прыгать на купол, спеша достать вожака добычу.

– Сужай!

Я и так уже понемногу уменьшала защитный купол, следя лишь, чтобы осталось достаточно места для нас.

– Еще немного... люк сверху... – Он швырнул что-то в приоткрытую мной в куполе прореху и резко скомандовал: – Закрывай!

Я выполнила приказ почти моментально, за семь лет Стай приучил меня слушать его беспрекословно и доверять неукоснительно.

Долгие три секунды за пределами купола ничего не происходило, и я успела поглядеть, как дела у раненого. Его друзья, сообразив, что могут передохнуть, не тратили времени зря. Поспешно глотали какие-то снадобья, покрывали мазями многочисленные рваные царапины мечника и осторожно устраивали его на походных носилках. Крепкую и легкую шелковую сеточку носит в дальнем кармане каждый наемник, и все мечтают, чтобы она никогда не пригодилась.

А потом в мире за моими щитами вдруг стало тихо, светло и так холодно, что злое дуновение лютото мороза донеслось до нас даже через три слоя защиты.

– Давай теплый ветерок и потихоньку убирай купол, – скомандовал учитель, доставая сигнальный амулет.

Через минуту возле нас открылся аварийный портал, из него выскочили целители и утащили с собой весь потерпевший неудачу отряд.

А мы спокойно прошли к туманной полосе по груде смерзшихся монстров, окружавших опустевший пятачок недавней битвы. Маа неохотно тащился следом, всем своим видом показывая неподдельное разочарование. И его можно было понять: вокруг горы добычи, но она заморожена в камень, перед которым бессильны даже клыки с особыми стальными коронками.

– Гине пора отдыхать, – оказавшись на базе, непререкаемо объявил Стайн. – У нее завтра первое испытание.

И властно подтолкнул меня к отсеку.

Глава девятая

Проснувшись в незнакомой спальне и в чужой постели, я некоторое время хмурилась, оглядывая слишком пышное, на мой взгляд, убранство комнаты. Обилие занавесей, драпировок, ковров, козеток, пуфиков и подушечек соперничало с засильем позолоченной резьбы и лепнины, колонн, ваз, букетов, статуэток и канделябров. Мне начало казаться, что меня поселили на складе торговца товарами для богачей или в витрине его магазина.

Вставать и бродить между разными столиками, диванчиками, креслами и зеркалами не хотелось совершенно, и я немного полежала, припоминая возвращение с поля. Учитель мне вчера и слова не дал сказать. Едва я вышла из отсека в собственном мятом платье, увел в эту спальню и сбежал. Вернее, использовал порталный амулет, и это было довольно подозрительно и вовсе не похоже на его привычки.

«Простушка ты, Гина, – вздохнула я, дойдя в рассуждениях до этого места. – Могла бы и сразу догадаться, что Стай истратил на заморозку весь резерв. Но показывать этого моим друзьям почему-то не захотел... или у него был какой-то особый план?» Но в любом случае лучше даже не пытаться его разгадать, Гесорт всегда изобретал такие пути достижения своей цели, какие мне и в голову прийти не могли.

Ведь я лишь сейчас начала подозревать, что вчерашняя встреча с Альми и все, что произошло позже, было ими подстроено. И даже четко осознала, ради чего. Цитадель не хотела лишиться сильной и слаженной тройки, а самому Стайну не нравилось, когда ученица злилась и обиженно сопела, вместо того чтобы шлифовать умение ставить более мощные щиты. Ну и Альми, конечно, приложила свою хрупкую ручку, куда же без нее. Подруга не раз говорила, что необходимо немного смелее показывать окружающим отношение к ним и не скрывать своих мнений и желаний.

Она, несомненно, была права, и предательство тетушек веское тому подтверждение. Вот только гнущаяся и меняющаяся в угоду обстоятельствам и всяким интриганам я не стану совершенно осознанно. И не только из-за нежелания отступать от собственных принципов и правил. Просто не достойны они подобных усилий с моей стороны.

Приняв этот вывод за правило, я довольно улыбнулась, потянувшись и решительно отбросила одеяло. За окнами уже рассвело, и не важно, что обитательницы подобных покоев встают часа на три позже. У меня другие привычки, и не стоит их менять ради пятнадцати суток смотрин.

К тому времени как в мои комнаты ворвалась толпа горничных и модисток под предводительством старшей фрейлины, я успела сделать зарядку и под «отводом глаз» пробежаться по аллеям парка. А затем, выпив стакан умыкнутого из кухни чая с захваченными в плен крошечными ореховыми булочками, переодеться и причесаться в полном соответствии с личными представлениями и вкусами. И потому встретила их ласковым, но насмешливым вопросом:

– Во дворце пожар?

– Леди Элгиния! – пару раз озадаченно хлопнув ресницами, трагично воззвала леди Оттавия, правая рука королевы. – Как вы можете шутить? Все невесты уже готовы, одеты, причесаны и спускаются в столовую на завтрак, а мне только пять минут назад сказали о приезде вашей милости!

– А о том, что после меня прибыли леди Карлотта Исхарт и госпожа Аленсия Селонте, вам тоже не сказали? – осведомилась я, предварительно возведя вокруг себя щит первого уровня. Допустить, чтобы пришедшие в себя горничные вцепились в мои волосы, пусть даже с самыми благими намерениями, нельзя ни в коем случае. Быть похожей на остальных претенденток, словно близнец, я не желала абсолютно. Всего лишь декаду назад мы с Альми от души веселились над модой на прически, пришедшей во дворцы Тезгадора этим летом. Несмотря на жару, все дамы и девицы шеголяли распущенными по плечам шлейфами тугих локончиков, похожих издали на длинные связки копченых колбасок. Выше эту «прелесть» непременно увенчивала сложная конструкция из диадем, бус и роскошных завитков, как правило, накладных. Редко у кого хватало собственных волос и терпения на сооружение подобного шедевра, и потому услуги камеристок были нарасхват наравне с магами и травницами.

– Их мы уже нарядили, – направившись ко мне, уверенно заявила старшая фрейлина, – а ваше имя случайно пропущено в списке. Благодарите госпожу Аленсию, это она поинтересовалась, почему вас нет. Леди Элгиния! Уберите щит, во дворце магия запрещена.

– Не люблю, когда мне лгут. – Остановив ее ледяным замечанием, я направилась к выходу, не забывая держать незваных гостей на расстоянии.

А выйдя из покоев, вспомнила советы Стая и, собрав обиженно дующих губы модисток в щит, как в корзинку, вынесла за порог. Напоследок запечатала дверь защитным заклинанием, не желая по возвращении обнаружить в своих комнатах какие-либо сюрпризы. И не нужно строить оскорбленных лиц, милочки, на войне как на войне.

Еще на подходе к распахнутым дверям в столовую я расслышала бодрый голосок леди Манефии, что-то втолковывающей притихшим, как мышки, собеседницам, и невольно усмехнулась. Никто из фрейлин не отважится во второй раз забыть про меня, хотя как раз мне на руку их потеря памяти.

– Гиночка! – обрадованно прервала рассказ двоюродная бабушка, первой заметив мое появление. – Как ты себя чувствуешь, девочка моя? Проголодалась? А я как раз по старой дружбе помогала ее величеству Ютенсии. Объясняла, как устроить в доме такой порядок, чтобы никто из слуг ничего не забывал.

– Спасибо, – кротко улыбнулась я, поприветствовав коротким поклоном ее величество и еще не севших за стол соперниц. – Надеюсь, чай еще не успел остыть по моей вине?

– Ну что вы, леди, – процедила сквозь зубы королева. – У нас чай подогревается амулетом.

Оттавия, приглашайте невест.

Старшая фрейлина приторно улыбнулась, сделала широкий жест, указывая на длинный стол, и стрельнула в меня злорадным взглядом. Значение его мне стало понятно через несколько мгновений, после того как выяснилось, что нас с бабушкой и леди Калианой посадили на самом дальнем конце, напротив восседавшей в высоком кресле королевы.

– Хорошее местечко, – хитро усмехнулась Манефа. – Видно все, что за окнами, и в спину не дует.

– Мне тоже нравится, – кивнула ей, заметив входящего в зал хмурого Райвенда.

Сидеть неподалеку от него не хотелось абсолютно. Успеем еще надоесть друг другу за предстоящий год. Я твердо верила в победу изобретенного Стаем плана и никому бы не посоветовала в нем усомниться.

Служаночки в кокетливых чепчиках, из-под которых не выбивался ни один завиток, быстро и ловко наливали чай, подавали пудинги, ягодные муссы и паштеты. И королевский набор омлетов семи сортов из перепелиных яиц.

Я с удовольствием попробовала все блюда, выбирая самые необычные, а на десерт взяла вазочку охлажденных взбитых сливок, присыпанных меленькими рассыпчатыми печеньками и шоколадной стружкой. Утренние булочки давно превратились в воспоминание, а после пробежки у меня всегда хороший аппетит.

Попутно я обдумывала тонкости ночного боя и не сразу заметила неладное. Мои сотрапезницы как-то многозначительно притихли, и над столом повисла недобрая тишина.

Я окинула соперниц недоуменным взглядом, покосилась на умиленно наблюдающую за мной Манефу и вопросительно приподняла бровь:

– Бабушка, я что-то пропустила?

– Нет, красавица моя! Ты была тут самой живой, непосредственной и завтракала так красиво, что я глаз отвести не могла.

– Да, – приторно улыбнулась королева, – такой здоровый деревенский аппетит, я даже позавидовала.

– А мне он напомнил те счастливые дни, – подпела ее величеству леди Оттавия, – когда я ждала рождения моей милой Бенлетии.

– О да, припоминаю, – с мечтательной улыбкой подхватила Манефа. – Тогда все прятали от тебя пирожные и конфеты, ведь уже в кресло не умещалась!

– Леди Манефа! – нахмурилась ее величество. – Есть вещи, о которых в обществе упоминать не принято!

– Ах, прости уж меня, милочка, – с деланой печалью повинилась бабушка. – Совсем стара становлюсь! Ведь почти запомнила это правило... а прежде, бывало, частенько о нем думала... как живая перед глазами вставала наша ненаглядная Ульсина...

Манефа приложила к сухим глазам платочек и громко вздохнула, а королева внезапно побледнела и стиснула губы.

– Завтрак окончен, – поспешила объявить леди Оттавия. – Все невесты приглашаются в парадную гостиную ее величества. Устроители объявят вам о первом конкурсе.

В большую и светлую гостиную я приплелась последней, оглядела приткнувшихся на краешках стульев соперниц и опустилась в первое попавшееся кресло. Никакого желания выполнять никому не нужные задания и ходить на задних лапках перед сидящими за длинным столом судьями в моем сердце не было и в помине. С гораздо большим удовольствием я расспросила бы сейчас Калиану про спасенных вчера магов или поинтересовалась сынишкой Альмиссы. Да даже потренироваться безошибочно захватывать щитом противника и то интереснее и полезнее! А еще меня ждут непрочитанные книги, последняя выставка картин, рассказы бабушки Манефы и несравненные пирожки Альми. Она выдает их от чистого сердца, никогда не считая, сколько я съела.

Так как знает, что у всех магов хороший аппетит. Особенно после ночных вылазок в поле, когда почти досуха истрачена не только магия, но также душевные и жизненные силы.

– Ну, все в сборе? – с едва заметной ехидцей поинтересовалась королева и обвела нас неспешным взором, в котором светилось непонятное торжество. – Тогда начинаем. Леди Оттавия, объявите задание.

– Прекрасные леди! – старательно не глядя в мою сторону, расцвела сладчайшей улыбкой старшая фрейлина. – Поскольку вы все боретесь за место рядом с его высочеством Райвендом Энтиусом Вадертом, то поясните судьям, какие именно достоинства принца заставили вас сделать этот выбор?

Я замерла, озадаченная последними словами фрейлины. Что значит «я выбрала»? Да никогда об этом и не помышляла! Ренд всегда был вежливо холоден и неприступен и разговаривал со мной ровно столько и такими словами, какие требовались для дела. Он даже имя мое называл крайне редко, чаще кричал «щит!»: «Щит шире – крысаки! Щит мощнее – оползень! Щит, огня, – ледянки!»

И я никогда не обижалась, искренне считая такой стиль командования самым правильным. Его краткость давала мне лишние секунды на осознание приближающейся опасности и установку дополнительной защиты. Но как сказать об этом во всеуслышание, если я пообещала Эстену победить? А королева настрого запретила ночные прогулки?

– У вас есть пять минут на обдумывание ответов, – меж тем продолжала пояснения леди Оттавия. – И первой из невест за смелость будет дана неприкосновенность. Даже если ее ответ судьи признают самым худшим, леди продолжит борьбу за свое счастье. Кстати, опоздавшим такого права не положено за неуважение к устроителям отбора.

Мне оставалось лишь сделать вид, будто я не поняла, в чей огород прилетел этот булыжник. – Должен добавить, – воспользовавшись эффектной паузой, нарочно затянутой Оттавией, буднично сообщил Неверс, – что мы принесли артефакт истины. Цитадель желает помочь своему собрату избежать ошибки. Пока в этой комнате звучит правда, камень останется прозрачным. А если кто-то осмелится солгать или слукавить, все присутствующие сразу это увидят.

Претендентки, поднявшие было в надежде на награду за смелость руки, вмиг их опустили, и не всем хватило хитрости сделать вид, будто это всего лишь поправлялась прическа.

– Ну, кто первый? – За пять минут ее величество пришла в себя и явно что-то придумала.

– Я, – как-то жалко сжавшись, пролепетала Савилла Тюаре.

Ну почему я ничуть не удивилась? Чего-то в этом роде ждала и теперь ясно понимала, для кого изначально было придумано такое странное исключение из правил.

– Смелость дворцы берет, – одобрительно кивнула несчастной овечке королева и важно предложила: – Рассказывайте, леди Савилла.

– Мне нравится его высочество Райвенд за доброе сердце и за скромность, – обреченно начала перечислять девушка явно не ею придуманные добродетели, – за спокойный характер и любовь к животным.

«Особенно к тем, которых он сотнями расстреливает по ночам», – веселилась я про себя.

Камень слегка порозовел, и Савилла растерялась. Но тут же спохватилась и, добела сжав кулачок с нещадно скомканным платочком, зачистила:

– А еще он красивый, стройный и обходительный...

Камень побледнел, видимо, Савилла и в самом деле так считала. И я не находила в этом ничего удивительного: несомненно, Ренд сделал для возлюбленной друга исключение и обращался с ней без обычного ледяного высокомерия.

– Достаточно, – прервала кандидатку в невесты ее величество. – Не пристало юным скромным девушкам слишком расхваливать своего избранника.

Смотреть на лицо Савиллы без куска шоколада я бы никому не посоветовала, до сих пор мне не доводилось увидеть разом столько кислоты. И как-то невольно потянуло взглянуть, как воспринял это Ренд.

Он сидел за одним столом с судьями, но умудрился устроиться с краю и чуть позади важных, как индюшки, фрейлин. И, почти полностью спрятавшись в тени их причесок, небрежно крутил в руках излюбленный бокал, даже не глядя по сторонам.

Вот в этот миг я сделала сразу два неожиданных открытия и на несколько минут опешила, не зная, как поступить. Похвалить себя за наблюдательность или отругать за то, что не догадалась раньше проверить его высочество добытым у Гиммо амулетом. С его помощью даже с моими слабыми ментальными способностями в ауре Ренда ясно виделось багровое свечение злости. Пожалуй, даже бешенства, как будто на него вышел десяток кабаняк, а лучник еще не успел вернуть себе истраченные болты.

Такое иногда бывало: хотя собирал он снаряды не руками, а заклинанием призыва, но каждый раз обратившаяся в бегство стая монстров уносила в своих спинах намертво застрявшие стрелы.

Но второе открытие оказалось еще более ошеломительным. Ренд вовсе не пил вино, прикладывая губы к бокалу, да и не бокал это был, а особый обучающий амулет. Такие можно достать в цитадели, но обычно их создавали в виде браслетов, книг или вееров. И выдавать тайну подобных вещей настрого запрещено. Поэтому я поспешила отвести от него взор и задумалась, пытаюсь угадать, какие науки изучает на балах наш непостижимый командир. И каких вершин достиг в этом деле?

Про соперниц я тоже не забывала, но наблюдать за ними с каждой минутой становилось все скучнее. Уже четвертая кандидатка отчеканила сказанное Савиллой с почти правдоподобной уверенностью, но вредный камень снова порозовел. Впрочем, теперь он краснел регулярно, словно стыдился за устроенное девушками представление. Хотя я вполне понимала их расчет. Ведь если камень у всех окрашен одинаково, значит, проигравших сегодня не будет. Ну или королева добавит мне каверзный вопросик и добьется своей цели – навсегда выставить меня из

королевского дворца. А мне будет жаль лишь одного: она никогда не узнает, что в этом наши желания полностью совпадают.

Но пока этого не случилось, я намерена изо всех сил бороться за овечку, покорно идущую на заклятие.

Карлотта и Аленсия оказались единственными, кто меня порадовал, потому что не повторили ни одного слова из речи Савиллы.

Карлотта посетовала, что не имела возможности часто встречаться с его высочеством, но слышала о нем много положительного и потому решила попытать счастья. А Аленсия, скромно опустив глазки, призналась, что надеется найти в принце мужчину, который заинтересуется ею самой, а не приданым. И амулет им поверил, порозовев почти незаметно.

– Леди Элгиния Горензо!

Едва не пропустив обращение старшей фрейлины, я поспешила подняться с кресла, как все остальные кандидатки до меня.

– Ну и какие качества привлекли вас в моем сыне? – высокомерно осведомилась ее величество, с легким, почти незаметным пренебрежением.

Лучше бы она этого не делала. Такие змеиные выпады из-под гнилого пня мгновенно пробуждают в моем сердце тот самый боевой настрой, который два года назад привел меня на базу.

– Даже не знаю, какие выбрать... – краем глаза поглядывая на коварный артефакт, произнесла я, – боюсь что-либо пропустить. Но главное, думаю, все же талант лидера. Райвенд – прирожденный командир, ответственный и рассудительный. Это же качество не позволяет его высочеству совершать опрометчивых поступков. Но вместе с этим талантом нельзя не назвать другие его достоинства. Такие как обостренная внимательность и неусыпная бдительность, быстота поиска единственно верных решений и полнейшая ответственность за них, хладнокровие и чуткая забота о друзьях. Рядом с ним можно не опасаться нелепых случайностей и незамеченных ловушек.

– Первое место в этом конкурсе получила леди Элгиния, – резко поднявшись с места, с самым непререкаемым видом объявил принц, сделал пару шагов, обернулся к Стайну и холодно добавил: – Второе разделили между собой леди Карлотта Исхарт и госпожа Аленсия Селонте. Всех остальных можно выгнать.

– Но ваше высочество! – воззвала королева к спине уходящего сына. – Ведь она не назвала правильно ни одной черты вашего характера!

– Как выяснилось, к моему прискорбию... – На мгновение приостановившись, Ренд в упор глянул на мать и холодно процедил: – Ваше величество абсолютно меня не знает.

Он уже давно ушел, а королева все сидела с каменным лицом, не в силах сказать хоть слово, и в ее бледной, лишенной магического ореола ауре бушевали оранжевые языки жгучей обиды. Мне было по-человечески ее жаль, но душой я была на стороне напарника, унесшего в сердце острую боль, а в душе – горечь внезапного разочарования. самого страшного, на мой взгляд, – ведь скорбел он по искренности материнских намерений.

– Судьи постановили, – спасая королеву, объявил Стайн, пошептавшись с соседями, – пожелания его высочества принять во внимание как соответствующие истине. И первое место в конкурсе откровений присудить леди Элгинии Горензо, а второе – Аленсии Селонте. Третье призовое, дающее в следующем испытании право остаться на смотринах в случае поражения, получает Карлотта Исхарт. Остальные кандидатки в невесты по правилам должны были бы все вместе покинуть королевский дворец, но мы посоветовались и решили дать девушкам еще один, последний, шанс. Но в другой раз надейтесь на свои силы, юные леди, прощать обманы мы больше не намерены.

Королева покинула гостиную первой, так и не сказав ни слова, но брошенный в меня полный ненависти взгляд подтвердил нехорошие подозрения. Сегодня я приобрела смертельного и могущественного врага, но это я бы пережила. Гораздо хуже другое: теперь ее величество постарается вбить стальной клин в нашу и так уже треснувшую дружбу с Рендом.

И вот это оказалось неожиданно больно до слез. Поэтому я поспешила уйти, но направилась не в свои покои, а к бабушке Манефе.

– Бедная женщина, – выслушав меня, вдруг скорбно вздохнула старушка. – Даже короли не зачарованы от самой страшной боли – потери сыновней любви. Ну и дочерней тоже, но девочки обычно мягче. Хотя всякие бывают. И знаешь, что самое ужасное, Гинни? Она ведь любит его

значительно больше, чем Альгерта. Наследником больше занимался король, в год научил плавать, в два – лазить по веревочной лестнице, а в три посадил на коня. Ютенсия почти не видела сына и всю любовь отдала Райвенду. Ему ни в чем не было отказа, любые прихоти исполнялись мгновенно, за ним ходили по пятам толпы нянек. Ему дарили хорошенекких кудрявых щенят, котят, белок и прочую живность. Наряжали в кружевные рубашечки и розовые бархатные штанишки, а на шею повязывали яркие банты. Он рос очень ласковым и любознательным ребенком и больше любил слушать сказки, чем бегать со сверстниками по парку. И Ютенсия, как и многие до нее, уверовала, что младший сын всегда будет таким: кротким, тихим и покорным, как живая кукла. Не знаю, сам он додумался или кто надуумил, но лет в семь Райвенд взбунтовался. Королева попыталась его уговорить, потом, рассердившись на непривычное упрямство, на день лишила сказок. В ту же ночь младший принц сжег в камине все кружевные рубашки вместе со штанами и бантами и вышел утром в столовую в старой одежде брата. Вещи были потрепанны и слегка великоваты, но снимать их мальчишка отказался наотрез. И этот каприз не прошел за день или два, как рассчитывала ее величество. Она еще надеялась его переупрямить и, когда Райвенд уснул, послала слуг подменить обноски на новенькие наряды. Однако лазутчиков настигла кара. Настроенный на охрану вещей амулет полил их каким-то зельем с невыносимо мерзким запахом. Как вскоре выяснилось, без помощи магистров отмыть его невозможно. Больше никто из слуг не рискнул вторгаться в покои мальчишки, а вскоре и король заметил наконец сидевшего за столом оборвыша и решил выяснить, в чем дело. Вот с того дня игрушку у королевы отняли, и отец взялся за обучение сына мужским забавам. Скакать, рубить, стрелять...

– Но она ведь не сдалась окончательно? – подозрительно уставилась я на бабушку.

– Разумеется, нет. Ведь она его обожала как любимое развлечение, как редкую зверушку.

Скрепя сердце приняла все изменения в жизни сына и начала новую осаду, более тонкую и незаметную. Повара готовили на завтрак его любимые блюда и ставили поближе к вернувшемуся с пробежки принцу, вещи ему по-прежнему шили лучшие портные, но теперь чутко выслушивали все указания его высочества. А книги стали толстыми и красочными приключенческими романами, бередящими мальчишечью душу историями о подвигах отважных героев. Ну и, как водится, дома их всегда ждали преданные матери.

– Откуда ты все это знаешь? – изумленно смотрела я на Манефу.

– Так твои бабушка с дедушкой непременно приглашали нас с мужем на все празднества, и хотя ходили мы не так часто, но сплетни и новости я всегда слушала очень внимательно. Ну не танцевать же нам было с лордами?

Глава десятая

Стай появился в моем будуаре точно в назначенный час, и я сразу шагнула к нему, истово желая хоть на несколько часов оказаться подальше от этого дворца.

Одного дня с лихвой хватило, чтобы раз и навсегда понять, насколько не для меня здешняя жизнь. После обеда, на котором не было ни королевы, ни старшей фрейлины, претендентки на меткие руки и язвительный характер Ренда заметно ожили. Осмелели, разговорились и по горло накормили меня бессмысленными рассуждениями и сплетнями.

Ну, разумеется, доверием они прониклись не сразу, а лишь узрев, как рядом со мной уверенно усаживаются Карлотта и Аленсия. Обе считались завидными невестами, и остальные девушки откровенно искали их дружбы. Хотя и мои родители тоже были далеко не бедными, а право числиться знатными особами получили, как и все маги, перейдя на третью ступень мастерства.

Ну а я – по наследству, и скоро надеюсь и сама достичь третьей ступени, Стай уже подал представление в верховный совет. Но теперь меня это радует только как возможность получить доступ к изучению более сильных и, как следствие, опасных заклинаний и ловушек.

А вот прежние мечты о месте придворного мага одного из герцогов или об открытии собственной мастерской артефактов вдруг резко выцвели, потеряли вкус и притягательность, как подсохшие в вазе вчерашние пирожные. Мне больше не хотелось придумывать эскизы украшений и радовать заказчиков оригинальным размещением защитных чар. Наслушалась

сегодня пренебрежительных отзывов о леди Модене, моей второй наставнице, учившей меня законам созидательной и целительной магии.

Среди моих собратьев она считалась непревзойденным мастером-артефактором, умудрявшимся заложить полноценную защиту в скромное колечко с тремя камушками всего лишь изменением плетения их оправы и добавлением рун. А девушки искренне сетовали, что в ее амулетах оформление не соответствует содержанию. Как выяснилось, все они гонялись за изделиями Фугниса, в которых сияли гроздьи самых дорогих камней.

— По крайней мере, знаешь, за что отдал деньги, — с видом знатока вещала завзятая модница Кетсия Глошант, — и не стыдно надеть хоть в гости, хоть на прием. А леди Модена слепит побрякушку, на какую и вор не польстится, а дерет как за алмазное кольцо.

Мне в тот момент хотелось смеяться в голос над откровенной глупостью этих суждений. Ведь наставница именно этого и добивалась: сделать амулеты неинтересными для воришек и действенными при настоящей угрозе. Но я сумела смолчать и вскоре сбежала с посиделок, придумав какую-то вежливую причину.

— Подождем Райвенда, — неожиданно остановил меня учитель. — На его покои придворный маг сегодня намотал целую сеть дополнительных щитов. Не менее десятка амулетов активировал. Принц, конечно, мог бы их снять, но я отсоветовал. Хочу взглянуть, какой новый трюк они придумали.

— А мне и смотреть не нужно, — развеселилась я, вспомнив подслушанные днем шепотки, — и так знаю. Они считают, что по ночам он ходит ко мне.

— И ты говоришь об этом так спокойно? — Магистр заинтересованно приподнял бровь.

— А я должна кричать? Топать ногами, биться головой о стену? Признавайся, Стай, сейчас ты меня проверял? Тебе ведь прекрасно известно, что в этих слухах нет ни грана правды. И самому Ренду тоже это известно. Еще Эсту, Альми, бабушке, леди Калиане и моим родителям.

В общем, всем самым близким и дорогим мне людям. А мнение сплетниц, считающих поделки Фугниса лучше творений леди Модены, волновать меня не может.

— Совсем? — В его голосе было сомнение, но в глазах таился смех.

— Да. Я сегодня, пока слушала, как они с огнем в глазах обсуждали, какого цвета наряды будут модны этой осенью, приняла решение. Как только выпихну бедную Савиллу с этого проклятого отбора, сразу уйду жить на Харгедор.

— И оставишь принца на растерзание кандидаткам?

— Претенденткам. И не пытайся запутать меня, Стай. Ты и сам сегодня слышал, как Ренд при всех им отказал, лично меня после таких слов через минуту во дворце не было бы. И никакие щиты не смогли удержать. А они рады, что вы продлили им агонию, и каждая строит хитроумный план, как поймать принца в свои объятия.

— А я счастлив, — серьезно, торжественно и чуть-чуть грустно возвестил наставник, — что ты все понимаешь, правильно рассуждаешь и не поддаешься влиянию чужих авторитетов. И значит, я не ошибся, рекомендовав совету перевести тебя в штатные спасатели цитадели. Работа обычным свободным наемником для твоего уровня уже мелковата.

— Но я ведь не могу уйти от напарников, — предупреждая заявила я, не спеша радоваться этой, несомненно, замечательной новости.

— Эстен получит такое же предложение. — Учитель помолчал и суше закончил: — А вот принцу придется сначала уладить свои личные дела. Спасатели должны приходить на дежурство хорошо отдохнувшими и спокойными, полными сил и энергии. А у него пока вся жизнь — испытание. Похлеще, чем у претенденток.

— Стай, это неправильное решение. И я никогда на него не соглашусь. Во-первых, бросить Ренда одного в такой момент — не просто жестоко, это подлость. А во-вторых, разбить сложившуюся тройку — большая глупость, и ты не можешь этого не понимать. Спасатели должны быть сильнее тех, кто не справился с заданием.

— Значит, пока остаетесь в наемниках, — безразлично пожал плечами наставник и вдруг замолчал, прислушиваясь к чему-то, недоступному мне. — В спальню! Раздевайся и в постель. Живо! К тебе идет проверка. Походные вещи сложи сюда...

Он выхватил из кармана редчайшую вещицу — безразмерный кошель — сунул в руки и почти силой выставил меня из будуара.

– Я поставлю тут защиту, но задержит она их минуты на две, поспеши! – донеслось из-за закрывающейся дверцы.

Исполнять его приказ мне не хотелось. Более того, просто противно было хитрить и прятаться, подобно мелкому воришке. Но привычка сначала повиноваться учителю, а потом начинать сомневаться и возмущаться взяла, как обычно, верх. Ибо не раз была проверена делом.

И через две минуты я уже лежала в постели в самой закрытой и целомудренной из своих сорочек, а все вещи, какие можно было принять за броню или неподобающие скромной леди одеяния, прятались в кошеле.

Короткий, вкрадчивый стук раздался как раз в тот момент, когда мне удалось распустить косу и бросить шпильки на столик трюмо.

Я еще раздумывала, пора мне «просыпаться» или рано, как грохот вылетевшей двери решил этот вопрос за меня.

– Кто там? – с нарочитым испугом вскрикнула, вскочив с постели, и бросилась в будуар. – Что тут происходит?!

И замерла, пораженная представшим передо мной зрелищем. Ну и глубиной неприятия наставником подобных выпадов королевы. Иначе он не стал бы закрывать вход в мои покои смоляной сетью такой мощности, какую обычно ставят на самых неуловимых воров и бандитов. Невидимые нити магической паутины становятся черными и липкими, как свежая смола, едва в них попадется добыча. И чем больше пойманная жертва сопротивляется и машет руками, тем сильнее запутывается в тянущихся за пальцами жидких нитях, прилипающих ко всему, чего коснутся.

Сбросить эту пакость не так-то просто, она держится на коже и одежде еще с час после отмены заклинания. Но что смешнее всего – снимать сеть должен тот, кто ее поставил.

– Немедленно... – ее величество взмахнула руками, и через ее лицо протянулось несколько новых клейких полос, – уберите эту гадость! Какое вы имели право притащить ее в мой дом?!

Мне еще не удалось открыть рот, чтобы ответить королеве, а разум уже уловил в ее словах по меньшей мере два нарушения общепринятых правил проведения смотрин. И гостеприимства заодно.

Желание немедленно ринуться на помощь делегации, с упорством самоубийц запутывающихся в паутине, исчезло так же мгновенно, как и возникло. Я повернулась к ним спиной, накинула прихваченный по пути капот, прошла к креслу и спокойно в нем устроилась.

– Элгиния! – воззвала ко мне леди Оттавия, первой сообразившая, что руганью меня не пронять. – Вы поступаете неэтично по отношению к ее величеству... и к нам!

– В чем вы видите неэтичность? – учтиво осведомилась я, показывая готовность побеседовать с ней на эту тему.

В моей душа крепла уверенность, что Стай откуда-то присматривает за происходящим и не придет на помощь дамам и стоящему за их спинами придворному магу до тех пор, пока сам не сочтет нужным.

Тлибер зло скривился и поспешил ответить за фрейлину:

– В том! Вы живете во дворце, а не в харчевне, и должны вести себя учтиво, а не как последняя распутница!

Я изумленно глядела на низенького, толстого мужчину с комично поджатыми, пухлыми, как переваренные вареники, губами и пыталась сообразить, какой из моих поступков можно назвать развратным.

– Доказательства! – Голос Стайна обрушился на мага, как шквалистый ледяной ливень – на пышный куст черемухи.

Всего мгновение, и вместо гордо задравшего голову откормленного боевого индюка передо мной оказался трусливо дрожащий ошипанный цыпленок.

– Н-но в-вот... – начал заикаться Тлибер, выпучил от натуги глаза и смолк.

– Вас давно приглашали, – с ядовитой любезностью сообщил ему учитель, – в гости. Невежливо так долго игнорировать просьбу человека, который за вас поручился.

Магистр открыл портал и как пушинку зашвырнул туда толстячка. И почему-то я не сомневалась, что с этого момента должность придворного мага можно считать свободной.

– Но он мой маг! – забыв про смолу, негодуя уставилась на Стайна королева. – Вы не имеете права куда-то отправлять человека, который служит королеве!

– Он прежде всего служит цитадели, – безапелляционно отрезал учитель, – и не имеет никакого права нарушать наши внутренние законы ради тех, на кого работает по контракту. И один из этих постулатов известен всем. Ни один из нас не должен ни в чем прилюдно обвинять собратьев. Все спорные вопросы и недоразумения между магами разбирает совет верховных магистров цитадели. А теперь я, как наблюдатель за соблюдением правил смотрин, в которых участвуют магии, должен спросить ваше величество, чем вызван ваш ночной визит в покои к претендентке?

– Она поставила на меня ловушку! – Отвечать честно ее величество явно не желала.

– Нет, это не так, – твердо сообщил Стай. – Ловушку делал я.

– Зачем? – раздался хорошо знакомый мне голос, и из сумрака галереи в полосу света шагнул Ренд.

Принц был полностью экипирован для отправки на базу и держал на поводке Боя.

– Ловлю злостного очернителя доброго имени своей ученицы, – жестко отчеканил магистр. – Грязные слухи, которые вот уже несколько дней ползут по дворцу, бросают тень не только на меня и на ваше высочество, но и на всю цитадель.

– Что?! – Принц изумился так искренне, что мне стало ясно – эта новость явилась для Ренда полной неожиданностью. – И о чем «щебечут» знатные бездельницы?

Последние слова он произнес, в упор уставясь на мать, но она гордо задрала вверх нос с оскорбленным видом уверенного в своей правоте человека.

– Оттавия! – рявкнул его высочество тем тоном, который обычно не предвещал ничего доброго приближающимся монстрам. – Если сейчас я не услышу чистосердечный ответ на свой вопрос, то не постесняюсь применить к вам слово господина.

Услыхав это обещание, я легкомысленно хихикнула. Это право – потребовать откровенного признания у любого подданного – было даровано королям в древности и поддерживалось фамильными амулетами. Но не применялось, если мне верно помнится, уже лет триста.

Однако старшая фрейлина явно считала иначе и сделала отчаянную попытку сбежать.

Наивная – удрать от двух решительно настроенных боевых магов смог бы только щитовик с моим опытом. А ей, не имевшей в арсенале ничего, кроме пары безвкусно аляповатых амулетов работы Фугниса, не стоило и пытаться.

Леди Оттавия поняла это почти в тот же миг, как ощутила на своих руках невидимые воздушные путы и приняла единственно верное решение.

– Но при чем тут я? – горячо возмутилась она. – Об этом говорят все кому не лень! И ее компаньонки подтвердили, что каждую ночь юная леди сбегает на свидание к двоим мужчинам сразу. Разумеется, ее величество не могла не проверить этих слухов. Это святая материнская обязанность – уличить блудницу в распутстве и оградить сына от ее грязных посягательств! Вашему высочеству нужна девушка чистая, скромная, строгих правил, ведь ей когда-то придется стать королевой!

На Райвенда словно бочку помоев опрокинули. С минуту он не мог найти ни одного подходящего слова, в прищуренных глазах застыло искреннее потрясение, а твердо очерченные губы искривила горькая обида.

Едва заметив это не свойственное нашему командиру выражение, я поспешила отвести от него взгляд и теперь рассматривала лицо королевы, на котором цвела уверенность человека, только что совершившего великое благодеяние. И ожидающего за это по меньшей мере признания, почитания и похвалы.

– Прежние компаньонки леди Элгинии за ложь, подлость, воровство и грязные интриги уже наказаны по справедливости и будут остаток жизни отрабатывать содеянное зло нелегким, но благородным трудом, – отчеканил Стай строго, как стоящий на кафедре судья.

– Вы просто пытаетесь прикрыть свою любимицу! – Не выдержав, ее величество стрельнула в магистра полным ненависти взглядом.

– Вы неверно понимаете отношения между магистром и его учеником, – холодно отбрил Гесорт. – Но оправдываться перед вами я не намерен. И не обязан. Но о том, какую роль вы играете в травле невинной девушки, каждый день защищающей жизнь вашего сына, немедленно поставлю в известность верховный совет цитадели и независимых советников.

– Сначала докажите мне, что она так уж невинна! – едко бросила королева, презрительно выделив последние слова.

– Докажем, – вдруг жестко усмехнулся Ренд и строго глянул на меня: – А ты почему до сих пор не одета? Мы и так опаздываем.
– Но... – заикнулась я, покосилась на кротко помалкивающего учителя и решительно встала с кресла. – Там переоденусь.
– Интересно, – ядовито прошипела Ютенсия, – где это «там»?
– Сейчас узнаете, ваше величество, – многозначительно пообещал Гесорт.

Глава одиннадцатая

– Не-эт!!! – Полный ярости, отчаяния и ужаса вопль тянулся целую минуту или больше, пока мы проходили через портал.
И звенел еще несколько секунд после того, как во всех окнах вспыхнул солнечный день Харгедора.
– Женщина, перестань вопить! – недовольно прикрикнул кто-то и тут же с укором спросил: – Стайн, зачем ты притащил сюда этих расфуфыренных куриц?
– Сам ты курица, – возмутилась я, припомнив, что явилась на базу в нежно-голубом шелковом пеньюаре.
– Прости, Гина, я не тебя имел в виду, – тут же покаялся знакомый маг-портальщик. – Вас по тревоге могут и в бальном платье вызвать...
– Где тревога? – мигом забыв про все и перебивая его, выкрикнула я одновременно с учителем и Рендом и, не ожидая ответа, ринулась в ближайший свободный отсек.
Там можно было взять стандартную броню, но у меня на шее висел кошель учителя.
– В шестьдесят третьем квадрате... Эстен и Кром уже ждут... – долетело вслед.
Как будто мне хоть что-то говорил этот номер! Зато стало понятно, почему прежде некоторые старшие маги при нашем приближении обрывали разговор. Новички не должны знать о существовании более опасных мест, иначе некоторые горячие головы стали бы рваться туда, оставляя собратьям незащищенные участки.
Когда я через минуту, уже в броне, вернулась к портальной кабинке, в ней остался только Стай со своими бледными, но надменными «гостьями».
– Быстрее, Гина! – дернул меня за руку учитель и еще успел сказать: – На обоз напала стая... – как мир снова на миг потемнел.
В этот раз туманный пятачок был настолько крохотным, что темные тени монстров мелькали всего в паре локтей. Эстен и рыжеватый плечистый Кром уже стояли с мечами наготове, бдительно вглядываясь в них.
– Коты!.. – еще не успел крикнуть Ренд, а я уже прикрыла нас двойными щитами. – Меня повыше!
– Позже, – буркнула я, проделывая для мечей бойницы и заворачивая нижние края щитов внутрь.
Коты не только хорошо бегают и прыгают. Копают норы они тоже очень ловко и быстро.
– Вот видите, ваше высочество! – мгновенно сунула мне под ребра острую шпильку королева. – Она только на словах восторгалась вашей способностью командира и прочими качествами, а на деле не может даже учтиво ответить мужчине, за которого борется!
– Ваше величество, – яростно огрызнулся Ренд, – наденьте накидки и помалкивайте! Неумно злить мага, который держит над вами щит.
– Но она же не осмелится... – Ютенсия уже успела рассмотреть невидимый круг, который не могли пересечь злобные твари, и заметно осмелела.
– Просто забудет на пару секунд, на сколько человек рассчитывать защиту, – не оглядываясь, мрачно пояснил Эстен и сделал молниеносный выпад, пронзив мечом сразу двух тварей.
Раздался душераздирающий визг смертельно раненных существ, брызнули фонтанчиками и потекли по куполу алые ручейки.
Брезгливо зашипела королева, сдавленно простонала, опускаясь на песок, леди Оттавия.
Но даже если бы я и захотела подхватить ее щитом, сделать этого не смогла бы, так как в этот момент поднимала на вершину купола Ренда.

Едва воздушная волна опустила его на пустое с виду место, лучник поспешно огляделся и сообщил:

– Цель – юго-запад, триста шагов.

– Бьем котов! – приказал Стай, и бой закипел с удвоенной силой.

Все маги прекрасно понимали, что ни в коем случае нельзя привести дополнительных монстров к атакуемому обозу. Пока нам неизвестно, успели ли путники собраться в одно место и хороши ли у них щиты, такая беспечность принесет им только лишние беды.

С этого мгновения у меня прибавилось работы. Отряду не так-то просто пробежать триста шагов по равнине, изрытой норами, усеянной валунами, кустами и одинокими кривыми деревьями. Да еще когда за спиной тянется шлейф из недобитых тварей. Ну а если на шее висит груз из двух дам в пышных юбках, шелковых туфельках и с кудрявыми гривами на плечах, то и вовсе невозможно. Поэтому я осторожно меняла форму щита с привычной круглой на вытянутую в сторону ожидавших подмоги жителей сферу, намереваясь постепенно превратить ее в узкий коридор.

Маги сразу поняли мой замысел и перестроились. Теперь мечи выбивали монстров в передней части щита, медленно двинувшегося в сторону обоза, оставив Ренду отстрел отстающих.

А королева с верной Оттавией, за которыми я неуклонно присматривала, понемногу осознав, что лично им пока ничего не грозит, наконец соизволили завернуться в длинные накидки с капюшонами. Конечно, это не совсем броня, воевать и просто двигаться в них весьма неудобно. Зато эти одеяния надежно защищены заклинаниями, отводящими взор самым кровожадным монстрам. Обычно такие накидки охотно покупают богатые торговцы и путешественники Харгедора, зная, что в случае нападения смогут отсидеться под их прикрытием до подхода помощи.

– Не понимаю, – тихо, но недовольно буркнула вдруг Ютенсия, – почему нельзя просто убить всех вокруг каким-нибудь заклинанием? Выжечь, например.

Все ясно, королева наслушалась менестрелей и лицедеев, у которых такие способы весьма популярны. Ведь ни один прекрасноголосый певец не задумывается, как подействует такое заклинание на все окружающее. От всевозможных червячков, бабочек, зайчиков и куропаток до людей, которые могут случайно оказаться поблизости. Да и по самим магам подобные заклинания бьют с не меньшей силой, отбирая здоровье и энергию на усиление щитов.

И не важно, что на Харгедоре запасы магии пополняются намного быстрее. Наш организм – не бездонный сосуд и не каменная печь, в которую можно совать поленья бесконечно. Работа с магией отнимает силы, и не зря цитадель установила непреложное правило, запрещающее находиться в поле больше трех часов. Мы рождены на сравнительно бедном энергией материке, и привыкать к здешнему изобию обязаны постепенно, чтобы не начать превращаться в монстров.

Отвечать на высказывание королевы никто из мужчин не удосужился, смолчала и я. Моя задача – защита, а чем они там бьют монстров – вообще не мое дело. Хотя мне известно, что оружие у всех бойцов усилено заклинаниями, насколько возможно, и даже если монстр получит незначительную рану, выжить ему не удастся. Но пусть Ренд сам объясняет это своей матушке. Лично мне все больше не нравится его внезапная идея привести ее на Харгедор, и я уже не раз порывалась высказать напарнику свое возмущение. Остановило только одно: почему-то в этой авантюре принца поддержал Гесорт. И мне теперь остается лишь ждать результатов их совместного эксперимента.

– Уже три минуты бьем, – словно в ответ на мои рассуждения, недовольно выдохнул Стайн. – Слишком долго. Ги, сворачивай щиты в полную сферу, но оставь мне отверстие.

– А Ренд?

– Забери внутрь.

Я тотчас выполнила его указания с предельной скоростью и точностью, этот маневр мы давно отработали на полигоне. Правда, сферу делали на двоих человек, а не на семерых, но и я с тех пор повысила мастерство на два разряда.

– Ой... – ахнула фрейлина, почувствовав под ногами не каменистый склон, а упругий пол воздушной сферы.

– Гина, в чем дело? – недовольно буркнул скатившийся внутрь Ренд.

– Райви, ты ушибся?! – как клушка, ринулась к сыну ее величество. – Давай руку, я помогу! Бездушные этой грубиянки поразительно... не знаю, как ты ее терпишь! И никакого почтения к командиру я так и не заметила.

Ее величество сильно преувеличивала, яростно выплевывая в меня резкие обвинения. Ушибиться принц никак не мог, я специально опускала его по округлой стеночке, в сторонке от остальных. Ведь в руках у Ренда заряженное оружие.

И я уже подыскивала слова, чтобы поделкатнее пояснить это королеве, но сказать ничего не успела.

– Сегодня здесь команду я, по старшинству, – холодно оборвал королеву Стай. – А вам надлежит сидеть молча, раз Ренд решил показать матери, чем занимается по ночам.

И постарайтесь больше не задевать единственного защитника, сейчас от ее спокойствия и внимания зависят наши жизни. Извини, Гинни, что мы посадили тебе на шею невоздержанную на слова и эмоции женщину, и постарайся не обращать на нее внимания. Готова? Начиная движение и на счет «пять» приоткрой мне окно.

– Тут валуны, а отряд тяжелый... – Я старалась забыть про обидные слова королевы и думать только о сфере, неуклюже скользящей между огромных камней.

– Сколько щитов снизу?

– Три.

– Добавь еще один, магии хватит?

– Не уверена. Но если не пойдет, самых бесполезных оставлю на камушке. – Вот ведь не хотела ничего такого говорить, само с языка слетело.

– Держись, сестренка, – ободрил Эст, и его слова сделали чудо.

У меня на душе вдруг стало легко и тепло. Сфера послушно приподнялась на три локтя выше почвы и понеслась, все набирая скорость, от места побоища. Монстры, не занятые пожиранием павших сородичей, видя и чувствуя учителя через открытое для него в хвостовой части небольшое оконце, ринулись следом.

Гесорт выждал, пока коты собьются в плотную стаю, и швырнул в них свою любимую заморозку. Я тотчас убрала отверстие, но заклинание нас все же догнало. Накрыло на миг стенки сферы седой изморозью, дохнуло в лицо колючим, льдистым туманом, проникающим под броню стылými лапами даже сквозь четыре щита...

– Райвенд! – взвизгнула ее величество далеко не так высокомерно, как выговаривала еще минуту назад. – Что это? Она так мстит?

Последнее предположение заставило укоризненно хмыкнуть даже молчаливого мечника Крома. Ну а Эст зашипел рассерженной змеей и прожег королеву полным ненависти взором.

К счастью, она его не увидела, требовательно всматриваясь в окаменевшее лицо сына. Лишь едва заметно трепещущие ноздри прямого носа выдавали ярость командира, и я не могла припомнить ни одного случая, когда он был так же зол.

– Это я, – кротко, с непередаваемой издевкой, покаялся Стайн, – последовал вашему совету, бросил на монстров замораживающее заклинание. Теперь позади нас ледяная пустыня шагов на сто в поперечнике. Нет ни одной живой мышки, бабочки и белочки. Цветочки тоже стали ледяными. И если бы Гинни нас не прикрывала, все мы сейчас были бы статуями.

– Значит, нужно было огнем! А ваша Гинни, – огрызнулась ничуть не смутившаяся королева, произнесла мое имя с таким выражением, словно говорила о чем-то неимоверно неприличном, – могла бы сделать защиту понадежнее. Вот Тлибер защитил дворец от любых морозов и жары. Маги дружно язвительно зафыркали: все знали, что на зданиях и сооружениях никакие щиты не удержатся долго, если не привязать их к амулетам и камням-накопителям. А Тлибер был всего лишь подмастерьем, ему до мага еще учиться и учиться.

– Ваше величество, – сухо процедил Райвенд, – вы позорите меня своей неосведомленностью. Наш дворец защищен амулетами, и ставили их сильные магистры, Тлибер только меняет накопители, а это работа для ученика. А Гина – лучший щит среди боевых магов и за два года ни разу не пропустила тварей к нам с Эстом.

– Мне понятно, почему вы с Эстом... – Губы королевы сложились в ядовитую усмешку, чем-то напомнившую мне змеиную морду.

На краткое, почти неуловимое мгновение я расстроилась и упустила контроль над щитами. И тут же нас нещадно тряхнуло, едва не вывалив на камни.

– Довольно!!! – рявкнул Гесорт, моментально превратившись в самую властную и неуступчивую ипостась самого себя. – Эксперимент не удался. Эту женщину ничто не прошибет, она не примет никаких доводов разума. Мы зря тратим свои силы и нервы. Извини, Эстен, но она за что-то яро ненавидит Элгинию и никогда не смирится. И будет отравлять девочке каждую минуту этого дурацкого отбора, поэтому я забираю Гинни из того гадючника.

– Ты не прав, – не оборачиваясь ни на миг и не выпуская из-под контроля щиты, твердо возразила я. – Но об этом поговорим на базе.

И лишь краем глаза позволила себе покуситься на королеву. Как выяснилось, ее величество с Отгавией уже сладко спали, привалившись к стенке сферы. Мне оставалось лишь гадать, много ли они услышали и поняли из речи магистра.

Всего через несколько секунд перед нами возник поворот дороги, запруженный беспорядочно стоящими повозками и перепуганными, запутавшимися в брошенных поводьях животными. В основном бычками – здесь, на Харгедоре, это самые надежные тягловые животные. Со своими широкими, как нашлепки, копытами они одинаково легко проходят по песку и болотистым низинкам, карабкаются на холмы и переплывают реки. Но среди бычков и обычных лошадей виднелось и несколько маралов со спиленными рогами. Эти определенно принадлежали состоятельным и знатным жителям, так как ценились за длинные ноги, мягкую иноходь и стоили очень дорого.

А вот людей я заметила не сразу, а лишь в тот момент, когда чуть повернула сферу, чтобы вплотную прижать ее к обозу.

И сразу стало ясно, что на помощь путникам мы пришли не первыми. Здесь уже било монстров не менее двух троек, и над ними радужно мерцал защитный купол.

«Всего лишь двойной», – привычно отметила я и направила сферу на него, вливая свою защиту в подрагивающий, словно от ветра, контур.

– Гина! – крикнул невысокий защитник в приметной ало-золотистой броне и приветливо помахал рукой. – Как вы кстати!

– Лазарт? – изумилась я, но спрашивать давно знакомого бойца, как он здесь оказался, не стала. Не время и не место. Но намерение найти его на базе и задать несколько вопросов в память отложила.

С нашим приходом яростный бой, шедший с переменным успехом, резко сменился на методичное уничтожение стаи винтов. Как позже выяснилось, самка винта умудрилась устроить кладку прямо под песчаным откосом дороги, и ее подростки первыми напали на обоз. Охранники и сопровождавший путников Лазарт их перебили, но на шум и запах крови подтянулась вся стая.

Путешественникам повезло, что защитник, следуя строгой инструкции цитадели, сразу же отправил на базу сообщение о встрече с монстрами. Вскоре на помощь обозу пришла тройка спасателей, но опытные маги сразу поняли, что без поддержки им не справиться. Вот тогда командир тройки и послал цитадели тревожный сигнал. И теперь все свободные спасатели будут идти сюда, пока не выбьют всех монстров.

Все это мне коротко пояснил Стайн, когда стало ясно, что угрозы жизни путников уже нет и мы здесь больше не нужны.

– Я готов выслушать твои доводы, – добавил он, отправляя в портал спящих дам в сопровождении мрачно помалкивавшего принца, – но убедить меня тебе не удастся.

– Поговорим в столовой на базе, – предложила я и получила решительный отказ.

– У меня дома, – отрезал наставник и безапелляционно объявил мечнику: – Эстен, ты с нами. Тот хмуро кивнул, и мне пришлось отвернуться, чтобы не встречаться взглядом с его полными безнадежности глазами.

Глава двенадцатая

– Гинни права, – выслушав обе стороны, уверенно объявила Альми и нежно улыбнулась мужу. – И ты тоже, любимый. Бывают такие вот безвыходные ситуации, и ничего тут не поделать. Чем-то непременно придется жертвовать. Но Гина рассудила по-житейски верно: раз

она хочет переселиться на Харгедор, то какое ей дело до всех сплетниц Тезгадора? И до ревнивой, упрямой женщины, только волей случая ставшей королевой? А вот друзей у нее немного, и оставить их без помощи, испугавшись мнения напыщенных индюшек, было бы по меньшей мере проявлением слабости.

– А подумать о том, что там останутся ее родители и их вовсе не порадуют слухи, которые уже всюю распускают фрейлины Ютенсии, – прищурился наставник, – Гина не должна?

– Мои родители – не бесцельные прожигатели жизни, которые кормятся всякими сплетнями и слухами, – всерьез оскорбилась я. – Они найдут, что ответить грязным языкам и как наказать любителей посмеяться над другими! А ты, как мне кажется, сейчас просто провераешь на твердость мое решение.

– Ты права, я хотел убедиться, – невозмутимо признался Стайн. – Но не в твоей честности и преданности. В них я давно не сомневаюсь, да и нашлись уже желающие устроить тебе жесткую проверку. Лично мне хотелось понять, готов ли твой друг помочь тебе... ну и самому себе.

– Мог бы сказать прямо, – тяжело произнес Эстен. – Хотя я почти потерял доверие Гины, но уже осознал свою ошибку и готов делать все, что потребуется.

– Ну что же, – испытующе глядел на него Гесорт, – посмотрим. Надеюсь, ты наконец повзрослел... хотя совсем недавно действовал как инфантильный подросток.

– Ты вправе ругать меня как угодно, – мгновенно ошетинился Эст, – но изволь сначала пояснить, на чем основаны твои обвинения.

– Это не обвинения, а констатация факта, – сурово отрезал Стай. – И тебе он известен. Только инфантильные мальчуганы могут позволить опытным интриганкам вовлечь себя в позорное лицедейство под названием «отбор». Взрослые, серьезные и здравомыслящие мужчины могут и самостоятельно найти своих любимых. И ищут. А ленивые и слабохарактерные, либо, наоборот, самоуверенные и пресыщенные, сидят на троне и болтают ножками, наблюдая, как толпа незнакомых и неинтересных им девиц выбивается из сил, бегая наперегонки и соревнуясь в пении, танцах и еще бог знает в чем.

– Но я разогнал свой отбор!

– Ну да, после того как туда обманом затащили твою напарницу и цитадель обнаружила кучу грубых нарушений и даже преступление, – съязвил магистр. – А до этого момента наслаждался внезапной популярностью, и не подозревая, что все это подстроено с одной целью – не допустить Гинни в королевский дворец.

– Это я уже понял. – Помрачневший мечник старался не встречаться со мной взглядом. – Но чем я теперь могу им помочь?

– Всем, если не передумаешь, – загадочно усмехнулся магистр. – Так как, согласен?

– Даже не зная с чем? – насторожилась я, зная, насколько неожиданными могут быть идеи учителя.

– Но ведь ради друзей и любимой девушки? – приподнял он бровь.

– Согласен, – твердо объявил Эстен. – Куда идти?

– Вместе с нами... – Стайн немного потянул паузу, – в королевский дворец. Там срочно нужен придворный маг, ты ведь сумеешь менять камни в охранных амулетах?

– Я тебе помогу, – с жалостью посмотрев в ошеломленное лицо Эстена, пообещала я. – И защиту от приворотов на тебя поставлю. Там полные гостиные охотниц за титулами и состояниями.

– Ты его порадовала, – ехидно ухмыльнулся наставник и подмигнул жене: – Не скучай, любимая, я скоро вернусь. Только представлю дворецкому и старшей фрейлине нового придворного мага.

Мне очень не хотелось присутствовать при этой процедуре, и я многозначительно зевнула и помахала Альми рукой.

– Спокойной ночи... Ой, запуталась!.. Спать хочется, ухажу. Поцелуй за меня моего любимого мужчину.

– Это кого? – насторожился Стай.

– Криза, кого же еще, – нежно улыбнулась мужу Альми. – Веди уже ее домой, а то и меня зевками заразит.

Портал вывел меня в будуар, где всего пару часов назад кипели страсти и летали стрелы оскорблений. А сейчас было тихо и чисто, уютно горела прикрытая абажуром масляная лампа, и сидящая в кресле бабушка стремительно вязала что-то крохотное и розовенькое.

– Навоевалась, красавица моя? – глянула она внимательно и заботливо. – Чайку хочешь?

– А с чем? – зная, что отвертеться от разговора не получится, устало вздохнула я.

– С твоим любимым ореховым печеньем, – сняв салфетку, Манефа подвинула ко мне вазочку, – и с малиновым мороженым.

– И что я буду должна за эту вкусноту?

– Ровно ничего. Самое главное – любовь и уважение – ты мне и за просто так даришь, а других вещей, достойных моего печенья, я не знаю, – без ложной скромности заявила старушка, но ее глаза при этом искрились лукавым смехом.

– Действительно, – согласилась я через несколько минут, незаметно для себя сжевав пару пышных, рассыпчатых печений и выпив чашку чая с мелиссой, заваренного именно так, как я люблю. – Но в благодарность могу поделиться последними новостями. Из разряда тех, о которых не будут шептаться по гостиным и будуарам.

– Сердце у меня слабое, – пожаловалась Манефа, – не устоит перед искушением. Так что еще произошло, кроме пинка под зад лживому недотепе Тлиберу?

– О, пинок был в самом начале!.. – Я коротко поведала бабушке про дальнейшие события, ответила на пяток вопросов и сладко зевнула, теперь уже неподдельно.

– Уже ухожу, – кивнула бабушка. – Но сначала хочу предупредить... Ты разъярила змеиное гнездо, и теперь они постараются кусать тебя по каждому удобному поводу и просто так.

И попытаются выжить отсюда, не зря учитель хотел тебя забрать, чтобы уберечь от всей грязи, какую выльют тебе на головушку. И еще... прости великодушно, не хотела о таком говорить... но верные змейки Юты шептались про проверку на девичью чистоту.

– Ничего, не извиняйся, – мне было смешно и одновременно гадко, – эту проверку я пройду легко.

– Пригласили якобы видящую с артефактом. – Бабушка старательно смотрела мимо меня, в чашку с давно остывшим чаем. – Говорят, он показывает даже невинные забавы и поцелуи...

– Боюсь, – хмуро пошутила я, – остаться после этой проверки в одиночестве.

И при этом ничуть не покривила душой. Свиданиями, признаниями и нежностями, на которые так щедра жизнь моих знакомых девушек и немногих подруг, я похвастаться не могу. Даже единственная, совершенно случайная встреча с героем моих девичьих снов обошлась без поцелуя. А короткое прикосновение, несомненно, было случайным, поэтому его и за объятие считать нельзя.

Хотя долгое время я тайне верила в обратное и надеялась на новую встречу. Но наши тропы больше не пересеклись, и теперь убеждена, что это к лучшему.

– Не знаю, – уклончиво вздохнула старушка, оглянувшись на дверь и едва слышно шепнула: – Но леди Калиану я на всякий случай просветила.

– Спасибо, – поблагодарила ее от всей души, и мы расстались, довольные друг другом.

А уже лежа в постели, я вспомнила, что так и не узнала у учителя, каким образом он собирается заставить королеву молчать о ночном приключении.

– Гинни, пора вставать! – Голос леди Калианы был бодр и настойчив, и от него хотелось залезть с головой под одеяло, а сверху поставить не менее пяти непроницаемых щитов. – Сегодня нам спозаранку огласили новое правило смотрин: все претендентки должны завтракать, обедать и ужинать в общей столовой.

– Какая... – я многозначительно побряхтела, – «добрая» душа так о нас заботится?

– И не только обедать, но и гулять, вышивать и все прочее. Ее величество велела объявить, что все проигравшие отбор леди будут назначены фрейлинами невесты.

Эта новость подняла меня с постели надежнее любых увещеваний. Стоило представить, с кем в случае выигрыша придется проводить все дни и вечера, как сон бесследно пропал. Королева оказалась намного хитрее и подлее, чем я считала всю жизнь, и теперь мне больше не верилось так же свято, как еще вчера, что место принцессы у меня уже в кармане.

Зато порадовала предусмотрительность Стайна, так ловко пристроившего Эстена. Ведь придворный маг может почти целый день не отходить от фрейлин. И Райвенд уж точно не будет против.

Через полчаса, умытая и наряженная в шифоновую блузку и полотняную юбку палевых тонов, которые этикет рекомендует надевать знатым леди к завтраку, я в сопровождении компаньонки стояла перед распахнутыми дверями в королевскую трапезную.

– Для камеристок и родственниц претенденток завтрак накрыт в розовой столовой! – Фибиус собственной грудью прикрыл вход перед Калианой.

– Я не камеристка и не родственница, – холодно отрезала магиня и мановением пальца отставила его с пути, – а целительница и наблюдатель от цитадели. И по просьбе лорда Горензо присматриваю за леди Элгинией.

– Плоховато присматриваете, – на помощь дворецкому спешила непривычно бледная леди Оттавия, – она нарушает дворцовые правила.

– Подайте жалобу в цитадель, – сухо посоветовала, проходя мимо нее, Калиана. – Но не забудьте, что за ложь и подтасовку фактов у магов крайне строгие наказания. Леди Анбетт уже очень хорошо это уяснила.

В этот раз табличек с именами возле стоящих полукругом столов не было, и мы с целительницей сели рядом, на ближайшие свободные места.

Молчаливые, хмурые и какие-то запуганные служанки торопливо разносили полезный завтрак: морковные котлетки с капустной запеканкой и оладушки из кабачков. Я их любила и ела с удовольствием, пока на зубах не хрустнуло стекло.

Ну, по крайней мере, так я оценила этот отдавшийся в мозгу и позвоночнике тонкий скрип и ощущение треснувшей льдинки. В мгновение ока в памяти ожили все намертво вбитые в меня наставления леди Модены.

– Не важно, – с нажимом говорила она, строго глядя мне в глаза, – откуда в еде, питье, цветах или вещах может взяться что-то лишнее, чуждое и опасное. В первый момент тебя должно волновать только одно – как не проглотить ни капли, не вдохнуть аромат, не прикоснуться, проверяя, языком или пальцем. Ты магиня и в этот момент обязана думать лишь о своем спасении, потому что оно в твоих руках. Создай локальный щит, собери в него все подозрительное, отодвинь от себя на безопасное расстояние и кастуй на себя все заклинания очищения и регенерации, какие знаешь. Помня только об одном: ни одно действие не может быть лишним, лучше немного перестараться. И одновременно с этим нажимай камень тревожного вызова на именном амулете.

Я проделала все это стремительно и абсолютно неосознанно, начав понимать суть произошедшего только после того, как надкусанный оладушек оказался на одной из свободных тарелок. Кто-то из невест, исподтишка наблюдавших за мной, далеко не деликатно выпучил от изумления глаза, кто-то уронил вилочку, кто-то прикрыл ладонью губы.

– Гинни... – нахмурилась и побледнела сидящая напротив леди Калиана и тотчас, что-то поняв, нажала на камень собственного амулета. А потом непререкаемым голосом громко и как-то особенно властно скомандовала: – Всем оставаться на своих местах, за нарушение приказа – наказание.

Лишь только после этого распоряжения я перевела растерянный взор на остатки оладьи и разглядела обломки крохотного фиала из тончайшего стекла зеленоватого цвета, очень похожего формой на полоску кабачка.

Запоздало осознав, что стала жертвой покушения, поняла я и другое. Подобные вещи наспех не делаются. Ни один аптекарь или стеклодув не изготовит за несколько минут малюсенький флакончик особой формы, не узнав прежде, для чего он понадобился. Значит, мой враг давно точно знал, от какого блюда я не откажусь и буду есть с аппетитом, а не ковыряясь с кислым видом, как избалованное чадо. В таком случае под подозрение сразу подпадают мои бывшие компаньонки, и вся эта поспешная с виду возня с отборами и невестами становится не такой уж глуповатой и необдуманной. Лично мне все не связанные вроде бы события с новой точки зрения видятся надежной канвой для гораздо более серьезной затеи, и первые, малопонятные пока линии этой вышивки очень смутно проглядывают на общем фоне.

Додумать до конца эту мысль я не успела, рядом с нами открылось несколько тревожных порталов, и из них всемогущими богами возмездия проворно шагнули на паркет магистры цитадели. Мне среди них были знакомы только Стай, Модена и адвокат Неверс. Да еще старший магистр Боуренс, проводивший для меня в цитадели ритуал перехода на вторую степень мастерства.

– Элгинии с завтраком дали яд, – бестрепетно рассматривала объедки целительница. – Она действовала по инструкции и ничего проглотить не успела. Но я уже кастовала на подопечную очищение, поэтому мы уходим. Столовую никто не покидал, пришлось бросить «повиновение».

– Хорошо, идите, – приветливо кивнул ей Боуренс. – А яд ты не определила?

– По-моему, «Слюна синей смерти», – тише произнесла Калиана, хотя я уже рассмотрела опоясывающий нас круг из разных щитов.

Больше задерживать меня не стали, и мы поспешно направились в ближайшие гостевые покои. Возвращаться в комнаты второго этажа магиня отказалась категорически.

– Там может быть еще одна пилюля или какая-нибудь другая опасность, – заявила она. – Пока маги не проверят все досконально и не найдут злоумышленника, тебе туда входить не стоит. Спорить и доказывать, что и сама маг, не имело смысла, и я подчинилась властной заботе целительницы. И через полчаса, признанная не пострадавшей и полностью здоровой, снова пила чай, на этот раз принесенный бабушкой Манефой. Она ворвалась в комнаты как ураган всего через пять минут после нашего прихода и поддержала Калиану во всех ее происках во имя моего здоровья.

Теперь они довольно запивали компотом из персиков миниатюрные пирожные не менее десятка видов, щедро насыпанные на огромном блюде. Эти сладости передала мне с оказией Альмисса, добавив на словах, что все проверено и никаких сюрпризов нет.

– Как вы тут? – В гостиную торопливо вошел Стайн, сцапал мою чашку с чаем и бросил в рот сразу два пирожных. – Между прочим, это было угощение в честь дня рождения моих детей.

– Каких еще детей? – потрясенно разинула я рот. – У тебя те еще маленькие!

– Так вот у них и день рождения, – безобидно заулыбалась бабушка. – Малышам до году отмечают каждый месяц. Ведь сейчас они растут быстро, как грибы. Сколько им уже?

– Два, – гордо заулыбался наставник. – Всё уже понимают, такие умные, просто удивительно!

– Поздравляю! – Манефа сияла так счастливо, словно это были ее собственные внуки. –

Поцелуй за них Альми, она замечательная мать.

– Знаю, – кивнул он и посерьезнел. – Гинни, тебя ждут в кабинете. Открылись некоторые тонкости... магистры желают поговорить с тобой, прежде чем продолжат дознание.

– Я иду с ней, – поднялась с места Калиана. – Девушке непросто отвечать мужчинам на личные вопросы.

– А я вообще против того, чтобы она им отвечала, – уверенно объявила Манефа и сердито уставилась на Стайна: – И не смотри так изумленно, красавчик. Бабушка помнит тебя еще шкодливым мальчишкой с деревянным мечом, которым ты гонял по лужайкам возле стен своего дворца коз и деревенских девчонок. И я рада, что из тебя получился уверенный и умный мужчина, но, как вижу, девичьих душ ты до сих пор все еще не понимаешь. Хотя и не отказываешься от подсказок Альмиссы, и за то хвалю.

– Бабушка Манефа! – оскорбленно воззвала я. – Нельзя же так, он же лучший мечник!

– И старший магистр, – подсказала Калиана, опускаясь на свое место. – Но Манефия верно рассудила. Это я была не права. Знаешь, Стайн, давай сделаем по-другому. Ты принесешь вопросы, а мы сами поговорим, и потом я за нее отвечу.

– Я тоже могу, – объявила бабушка. – Я ее знаю, и история эта мне известна. Прости, Гинни, но твои родители очень волновались и приезжали посоветоваться.

– Да откуда они могли знать? – возмутилась я, чувствуя, как огнем опалила щеки досада. –

Я никому никогда не говорила! И вела себя как обычно...

– Но была рассеянна, то бледнела, то краснела, то теряла записи и книги, то пела по ночам, сидя на подоконнике, старинные баллады, – тихо пробормотал Стайн и тоже сел, оставив мою чашку. – Мы ждали, когда ты сорвешься, но ты справилась... Прости, никогда не стал бы это вспоминать, но отравить тебя пыталась именно Ликонтия.

– Но почему? – Потрясенно глядя на наставника, я начинала все яснее постигать всю глубину королевской подлости и мести.

И ощущала себя выполосканной в болотной жиже.

– Юта – просто глупая женщина, – глядя меня по плечам, сочувственно вздыхала бабушка, – и всех судит по себе. А еще ревнивая эгоистка и уже двадцать лет ищет способ вернуть сына в те времена, когда он доверчиво смотрел ей в глаза и, обнимая, говорил, что его мамочка самая красивая и любимая. Маленькие дети обожают родителей так искренне и самозабвенно, как никто другой, и когда они подрастают, матерям начинает очень не доставать этого светлого

тепла, да и отцам тоже. Особенно если рядом с ними нет никого по-настоящему любящего и заботливого. Мудрым и сильным родителям обычно хватает разума бережно хранить эту любовь в душе, переходя в отношениях с детьми на новую ступень доверия и понимания. А вот такие эгоистки, как Юта, не могут смириться с потерей и ищут виновных. Теперь я понимаю, почему она так настроена против тебя... Ей чудилось, будто именно ты сначала помешала ей сделать из Альгерта карманного короля, а потом влезла в доверие к Райвенду.

– Да не могла я ей помешать! – взорвалась в моей душе обида на несправедливые обвинения. – Я и разговаривала с ним наедине всего один раз! Когда меня в семнадцать лет привезли во дворец на бал дебютанток! И он со мной даже не танцевал – очередь не дошла. А потом я пошла погулять, нашла качели... ну и села. И вдруг появился принц... он был мрачен, зол, без свиты и без охраны.

Передо мной как наяву стоял Альгерт, где-то потерявший камзол, в свободной рубашке и со спутанными волосами. День клонился к вечеру, было душновато, и я, помнится, наивно решила, будто он разделся из-за жары.

– Ваша милость заняла мое законное место, – хмуро пошутил он, но усмехнулся так лукаво, что мое бедное сердце забилося пойманной птичкой.

– Тут есть еще одно, – храбро указала я на противоположное сиденье в начищенной до блеска медной лодочке.

– Я люблю качаться выше крон... – прищурился Альгерт, и до меня стало доходить, что говорим мы о разных вещах.

Но отступить, уйти, когда он впервые в жизни оказался рядом, да еще и заговорил со мной, просто не могла.

Поэтому молча пожала плечами и подоткнула подол, чтобы не раздуло ветром.

Он снова улыбнулся, рассматривая меня с любопытством, как белую ворону, и легко вскочил в лодку. Но не сел на дубовое креслице, а встал на него ногами и, упруго выгнувшись, с силой послал качели вверх. От счастья я боялась дышать, но старалась выравнивать дыхание. А чуть позже, когда лодка действительно начала взлетать выше крон, на всякий случай привязала себя к креслу щитом. Второй щит я осторожно поставила вокруг принца, изо всех своих тогдашних умений стараясь сделать его незаметным.

– Ну, смелая юная леди, – через четверть часа остановив качели, вдруг шагнул ко мне наследник, – заслужил я награду?

Я даже дышать перестала, сообразив, что намекает он на поцелуй... предположить нечто большее мне тогда не хватило осведомленности.

А принц завяз в моем щите, не в силах даже рукой пошевелить.

– Что это такое? – нахмурившись, спросил он, и от растерянности я глупо хихикнула:

– Щит. Мне не хотелось, чтобы вы упали.

– Так, значит, леди – магиня? – Альгерт вмиг передумал сердиться, но смотрел на меня с гораздо большим интересом. – Тогда я ваш должник... за заботу.

Легко соскочил с качелей, протянул руки и, сжав ладони на моей талии, без труда снял меня с лодки.

– Был рад знакомству, – усмехнулся и, забыв спросить мое имя, ушел так же стремительно, как появился.

А я после этого еще два года на каждом балу стояла у колонны, затаив дыхание и надеясь получить хотя бы взгляд. Пока не узнала от подружки, собирающей все сплетни и альковные секреты, что наследник никакого внимания не обращает на жену, зато изменяет ей на каждом углу. Но и любовниц бросает легко, как обертки от конфет.

И вот этой участи я вовсе не желала.

– Пойду все объясню! – не глядя мне в глаза, заявил Стайн и сбежал, а бабушка тяжело вздохнула и подлила в мою чашку чаю.

– Видать, кто-то наблюдал... за вашим катанием и донес ее величеству. Но почему она потом не вычеркивала вас из списков гостей, для меня самая большая загадка. Всех его кратковременных фавориток Юта и Ликонтия и близко во дворец не пускают. В этом они заодно, хотя Ликона королеву весьма недолго любит. Но Юта в очередной раз пообещает ей корону, принцесса и смиритесь. Очень уж ей хочется править во дворце.

Королевские интриги и планы были мне чужды и абсолютно неинтересны, волновать меня начинало совсем другое. Весь дворец уже знал о произошедшем, а ни Эстена, ни Ренда пока и близко не было.

Глава тринадцатая

Напарники появились в тот момент, когда мы, вызванные запиской Гесорта, направлялись в королевский кабинет. Они встретились нам на лестнице и, отступив, пропустили вперед. А потом пошли следом, не обращая внимания на жадные взоры придворных и робкие взгляды торопливо пробегавшей прислуги.

– Гина, как ты себя чувствуешь? – тихо шепнул Эстен, заглянув на повороте мне в лицо.

– Жить будет, – огрызнулась за меня бабушка, – но не здесь. Мне добрые люди прочли правила старых отборов, и как выяснилось, претенденткам вовсе не обязательно изображать новобранцев на казарменном положении. Все, у кого есть в столице дома или родственники, прежде ночевали дома и приезжали во дворец к началу состязаний. Если не раздумывали к тому моменту бороться за безвольное существо, безучастно вззирающее на их старания.

– Почему это безучастно? – справедливости ради возмутился Эст.

И попался. Как я догадывалась, именно этого ответа Манефа от него и ждала.

– Так вам ведь все равно, кто победит, – вздохнула она сочувственно и добила: – Лишь бы хорошо бегала, прыгала и пела. Чего ж заранее нервы тратить?

– Вы очень опасная женщина, леди Манефия, – тихо буркнул Ренд, бросив на нее сумрачный взгляд.

– Бабушка, – кротко поправила старушка. – Это высшее звание для женщины, прошедшей долгий жизненный путь и научившейся предугадывать неприятности и подсказывать внукам, как их избежать.

Отвечать ей мужчины не стали, да и не осталось у них на это времени: у распахнутых дверей нас встречали мои наставники.

– Гинни, – пропустив всех в кабинет и крепко прикрыв створку, заявил Стайн, – запомни: ты пострадавшая сторона и не обязана отвечать ни на какие выпады своих отравителей. Это они сейчас ответчики и не имеют никакого права обвинять тебя или допрашивать, хотя еще не очень хорошо это осознали.

– Я тоже не поняла, – призналась я, – почему принцесса поступила так опрометчиво? Почему не отравила меня ночью, подлив яд в воду? Или не подослала служанку с мороженым во время прогулки? И почему она вообще решила отравить меня только через пять лет после той встречи?

– Потому что это была идея королевы, – вздохнула Модена. – Она собиралась одним ударом избавиться сразу от двух неугодных ей женщин. Но ты все поймешь сама... нам пора. Кабинет оказался просторным и величественным, как зал. С первого взгляда на высокие стрельчатые окна, строгие и одновременно роскошные люстры и сверкающую позолоту гербов становилось ясно, что именно здесь принимаются самые судьбоносные указы и решения. Вернее, принимались прежде, лет пятьсот назад, до того момента, как власть на Тезгадоре передали парламенту. Оставив в распоряжении королей организацию всевозможных народных торжеств, праздников и ритуалов.

– Сюда, – леди Модена подтолкнула меня к удобному диванчику, стоящему у окна рядом с маленьким столиком с напитками и сладостями.

Такие же были перед диванами и креслами свободно устроившихся магов. Ничего не оказалось лишь возле стоявшей за решеткой скамьи, на которой сидели две женщины – королева и восемь лет назад выбранная ею жена наследника.

Обе были хмуры и казались растерянными, но на меня глянули с неожиданно жгучей ненавистью.

– Не обращай внимания, – тотчас шепнула бабушка. – Осенние мухи кусачи, да век их недолог.

– Ютенсия Леорена Вадерт, – холодно и равнодушно произнес немолодой магистр, – и Ликонтия Вадерт. Вы обвиняетесь в покушении на убийство леди Элгинии Горензо, магини

второй ступени, соратницы цитадели магов. И поэтому вас будет судить суд верховных магистров.

– Я королева! – метнула в него презрительный взгляд Ютенсия. – И ко мне нужно обращаться...

– Нет, – непреклонно отрезал Неверс. – Это неверно. За тридцать пять лет ты так и не удосужилась прочитать свод законов, хотя вот он лежит, на самом видном месте. Там четко сказано: перед судьями цитадели все равны, и никакие титулы и звания во внимание не принимаются.

– Тогда почему эту дрянь называют леди? – Дрожащий от ярости палец королевы показывал на меня.

– Вина подсудимой Ютенсии отягчается непризнанием в покушении и нанесением оскорблений соратнице цитадели, – ледяным тоном произнес старший магистр. – В наказание за неуважительное поведение перед судьями цитадели подсудимая лишается права разговаривать без разрешения и не по сути.

Ее величество пренебрежительно фыркнула и попыталась ему ответить, но издала только странный звук:

– Ква!

Она побелела и затряслась от ярости, злобно квакнула еще несколько раз, но добила лишь обратного. Кто-то из магистров махнул рукой, и Ютенсия шлепнулась на скамью, не имея сил даже поднять руку. Лишь корчила страшные рожи да дико сверкала глазами.

Райвенд опустил голову и закрыл лицо руками, и мне стало до слез его жаль. Очень страшно вдруг обнаружить, что твоя собственная мать оказалась не самой лучшей и доброй. Но еще ужаснее, когда это видят все вокруг.

– Ренд, – тихо произнес Гесорт, – никто не возразит, если ты не пожелаешь присутствовать на этом суде.

Принц, не отнимая от лица ладоней, с досадой дернул плечом, и следившая за ним королева вдруг притихла, вжала голову в плечи и стала похожа на намокшую курицу.

– Вина Ютенсии и Ликонтии доказана, – сообщил Боуренс, строго глядя на сидевших рядом женщин. – Как выяснило следствие, рано утром королева лично явилась на кухню и отругала поваров за невниманье к гостям. Она велела приготовить для каждой претендентки ее любимое блюдо и оставила список. А позже, когда завтрак уже был расставлен по подносам с надписями, чтобы не перепутать, пришла Жаниста, доверенная фрейлина Ликонтии, и объявила, что ей велено проверить, точно ли исполнено приказание королевы. По свидетельству поваров, они внимательно следили за фрейлиной, пробующей двурогой вилочкой на готовность оладьи и омлеты. Оттого и заметили, как фрейлина что-то быстро сунула в одну из тарелок, но куда точно, определить не смогли, так как стояли в сторонке. Вскоре после этого Жаниста тайно покинула дворец. Она уже поймана, и при ней обнаружено драгоценное кольцо стоимостью в поместье, кошель с золотом и артефакт, меняющий внешность. Женщина во всем призналась и сообщила, что крохотный фиал ей дала Ликонтия, но в нем якобы был не яд, а приворотное зелье... зачем, ей не пояснили. Но на самом деле во флакончике находилось смертельное зелье под названием «Слюна синей смерти», изготавливаемое из очень ядовитой рыбки. Мало кто знает, что купить и продать его тайком просто невозможно. Ни один алхимик или маг не захочет нарушить правило регистрации особо опасных зелий и за это лишиться лицензии на торговлю. Поэтому все фиалы с ним имеют особый знак мастера, причем на каждом новый. И мы сразу нашли покупателя этого фиала. Им оказался дворецкий Фибиус. Хотя приходил он в лавку алхимика под чужой личиной, мастер его опознал. У них имеются свои, секретные способы.

– Фибиуса допросили? – спросил старший магистр.

– Да, лорд Боуренс, – сообщил Неверс. – Он во всем признался. Оказывается, королева не впервые заставляла его добывать запрещенные зелья, и среди ее покупок несколько фиалов редких ядов, зелья полного подчинения и лишения памяти. Сейчас алхимики цитадели проверяют все ее шкатулки, сейфы и тайники.

– Суду все ясно, – кивнул Боуренс. – Но должен напомнить, что это не единственное преступление Ютенсии. Ее уже судили после смотрин для принца Альгерта за использование на сыне сильного приворотного зелья. Тогда за нее заступился сам пострадавший, и мы сочли возможным ограничиться предупреждением. Да еще советом побыстрее передать не положенную ей корону законному наследнику. Однако королева несколько раз отвечала

цитадели невразумительными обещаниями и все тянула время, чтобы, как выяснилось, купить этим символом власти любовь и покорность младшего сына.

– Не может быть! – вскинулась раненой птицей Ликонтия. – Корону она обещала мне!

– Эти обещания не имели никакой силы, – безразлично отозвался Неверс. – Вам же советовали читать законы. На странице второй, пункт третий, сказано, что королем или королевой, имеющими право подавать в цитадель предложения о введении новых либо об изменении старых правил, может быть только урожденный наследник или наследница. После гибели короля цитадель не признала Ютенсию королевой, но устраивать из этого шумиху и тем самым волновать народ никто не собирался. Ей просто позволили тешить свои амбиции, но лишь до тех пор, пока она не преступит законы цитадели. Она это отлично понимала, но, узнав, что большая часть магистров цитадели перебралась на Харгедор, решила взять всю власть в свои руки, раз некому будет поддерживать парламент. Ютенсия даже не догадывалась, что в него входят очень серьезные и умные люди, изучавшие жизнь вовсе не из дворцовых окон, и большинство из них – соратники цитадели.

– Да какая из нее правительница, – жалостливо вздохнула Манефа, – если даже с сыновьями не смогла договориться по-хорошему. Но наказывать ее нужно осторожно, всегда найдутся крикуны, готовые поднять бучу на ровном месте.

– Суд решил отправить Ютенсию в Южный монастырь на целебные источники. Целители считают, что ей необходимо длительное лечение. Сыновья могут навещать мать в любое время, но сама она покинуть монастырь не сможет. Цитадель намерена оградить жителей Тезгадора от ее идей и планов, признанных вредными для общества. А вот Ликонтия, которая могла бы отказаться от участия в замысле свекрови, но добровольно взяла на себя роль палача, поедет в Северную пустошь и будет отбывать наказание наравне с остальными преступницами. Каждый облеченный властью человек должен отвечать за свои действия. И прежде чем сделать шаг, обязан подумать, куда идти, каким путем и с кем.

Не успел он договорить, как за спиной королевы открылся портал и моментально поглотил злобное величество, но радоваться мне почему-то не хотелось. И глядеть на Ренда тоже было неловко, словно это я отняла у него мать.

– Позвольте сказать несколько слов... – раздался вдруг до боли знакомый голос, и я невольно сжалась, как от порыва ледяного ветра.

Но не смотреть не могла и остановившимся взором наблюдала, как с дальнего кресла поднимается неизвестный мне магистр и делает несколько шагов на середину комнаты. И пока он шел, обманчивая внешность стремительно таяла, открывая нашим взорам старшее королевское высочество. Или теперь уже величество?

– Сначала я должен извиниться перед леди Горензо. Простите меня, Элгиния, все ваши беды случились из-за моей неосторожности. Увидев, что королева вычеркнула ваше имя из списков гостей, я не сдержался и пригрозил ей забрать корону и развестись с Ликонтией, если она еще раз так поступит. Мне тогда даже в голову не могло прийти, что мать сделает из этого спора невесть какие выводы и вырастит в душе желание уничтожить вас любыми способами. Это теперь я знаю, что она никому не прощает вмешательства в свои планы. Даже Райвенду.

– Вы ни в чем не виновны, ваше величество, – успев взять себя в руки, твердо ответила я. – Любой поступил бы точно так же.

– Благодарю, – на миг склонил он голову и повернулся к молчащим магистрам. – А теперь просьба к вам. Освободите меня от семейных обязательств в отношении Ликонтии, они никогда не были ни подлинными, ни желанными. И верните ей ее родовое имя.

– Негодяй! – вскочила его жена, но ей не дали больше сказать ни слова.

– Твоя просьба исполнена, собрат, – веско произнес Боуренс. – Отныне ты свободен. Снимите с преступницы королевские браслеты и знаки.

Никто из магов даже не пошевелился: браслеты, амулеты и сверкающая камнями диадема сами сползли с Ликонтии и перелетели в руки короля. Он небрежно сунул их в карман простой походной куртки, даже не посмотрев в сторону бывшей жены, уходящей в темноту портала. Теперь он глядел только на поднявшего голову Ренда, и в его глазах светились неподдельные боль и сочувствие.

– Нам пора, – подхватила меня под руку Модена и открыла портал.

– Куда? – запоздало осведомилась я, уже понимая, где оказалась.

До́ма, на балконе зеленой гостиной, выходящей окнами в сад. На несколько минут я забыла обо всем, рассматривая усыпанные плодами старые деревья, цветущие клумбы и веселые фонтанчики по углам выложенного мрамором искусственного водоема.

– Как замечательно здесь дышится, – с удовольствием объявила у меня за спиной бабушка Манефа, и я поспешила оглянуться.

Как выяснилось, в мой родной дом мы пришли вовсе не вдвоем – кроме бабушки была еще Калиана.

– Гесорт ушел к Эстену, – в ответ на мой слегка растерянный взгляд пояснила леди Модена. – Вернее, открыл мечнику портал и сам отправился вместе с ним. Необходимо было срочно оставить братьев вдвоем, им сейчас не до публики.

– А нам нужно продумать, как тебе выиграть сегодняшнее испытание, – невозмутимо заявила целительница и опустилась в кресло. – Не забывай, среди судей отбора королева была всего лишь почетным наблюдателем, хотя и пыталась всеми командовать.

– Калиана, какой еще отбор?! Все закончено! Больше никто не заставит Ренда жениться на ненужной ему девушке!

– Голубка моя, – печально посмотрела на меня устроившаяся у стола бабушка и потрясла колокольчиком: – Остались у вас слуги или нет? Ты только не расстраивайся, но отъезд бывшей королевы на длительное лечение ничего изменить не может. Во дворце собрано больше двадцати знатных девиц из самых известных семей, и за каждой стоит ее родня, их надежды и планы. Все они будут разочарованы, если Райвенд разом выставит невест из дома, как это сделал Эстен. И это не пойдет на пользу Альгерту, так как совпадет с известием о его коронации и отъезде королевы-матери. Да еще добавится слух про развод... Надеюсь, о твоём отравлении слуги будут помалкивать, они ничего не поняли, а магистры наверняка постарались подчистить их воспоминания.

– Манефия, не желаешь поработать на цитадель консультантом? – пошутила леди Модена, но ожидание в ее взоре было неподдельным.

– Эх, на кого только я в своей жизни не работала! – со смешком призналась старушка. – Но теперь пришло время, когда я могу делать лишь то, к чему тянется душа. А она у меня тревожится за внуков и внучек, за детей и их жен, за их замыслы и планы. Поэтому помогу Гинни выиграть отбор и поеду к среднему сыну, у него дочка ждет малыша, а ее муж где-то потерялся.

– Почему вы сразу не сказали мне? – нахмурилась Калиана. – Я отправлю следователей.

– Не нужно, – категорично отказалась бабушка. – Известно им, куда он поехал. Но ждут, сам одумается или пора вычеркивать из родни. А сейчас лучше подскажите, какое там испытание? Вчера объявляли, что оно начнется сразу после обеда.

– Но ведь Ренду сегодня не до испытаний! – в последний раз попыталась я воззвать к их здравому смыслу.

– А ему и необязательно каждый день там сидеть, – отмахнулась Манефа. – Отбор ведь такое дело – как в ярмарочном барабане: крутнул ручку и жди, что выпадет. Потому-то Стай и называет твоих друзей телятами несмышленными. Ну разве умный мужчина доверит выбор спутницы всей жизни слепому случаю и чужому суждению? Ведь не жениться на победительнице его высочеству нельзя, насмерть обидятся все кандидатки в невесты. Зачем же тогда они так готовились, тратили силы и время, выкладываясь на конкурсах, если главный приз останется ничьим? Да и их семьи начнут возмущаться. Это как на бегах: раз поставил заклад, то хоть тресни, но отдай.

– Если бы знала заранее, – с досадой пробормотала я, – никогда бы не согласилась. А может, мне лучше заболеть?

– Гинни, – бабушка смотрела на меня печально, как на умирающую, – тебе нужно быть бодрой, веселой и полной сил. И победить в сегодняшнем испытании. Поверь старушке, которая тебя очень любит, это очень важно и необходимо твоим друзьям и тебе самой.

– Я тебе верю, но ничего не понимаю.

– Это сейчас не важно, после поймешь. Главное, не отступай от принятого решения, и тогда все будет хорошо, – загадочно заявила Манефа и смолкла, глядя на дверь, в которую входила вереница слуг, нагруженных подносами и чайниками. А когда они, с необычайной ловкостью и предупредительностью накрыв на стол, исчезли как тени, тихонько хихикнула: – Вот никогда не понимала, каким образом слуги узнают новости прежде господ?

– Почтовые амулеты, – вздохнула леди Модена, – продаются свободно. И хотя недешевы, каждый дворецкий и большинство старших слуг считают их необходимостью. Ну а важной информацией обмениваются из профессиональной солидарности. Сегодня ты утаишь важную новость, а завтра тебя не предупредят, что хозяин проигрался вчистую и пора принимать меры.

– Но что можно сделать в таком случае? – озадаченно задумалась я.

– Много, если хозяин неплох и его хочется спасти. У всех дворецких и секретарей обычно есть доверенность и доступ к печати. Узнав о том, что в дом едет новый хозяин, можно вчерашним числом оформить договор продажи дома и всего имущества надежному человеку или тому же дворецкому, был такой случай. Свидетели расписались и в один голос подтвердили, что бывшему хозяину тут теперь принадлежит всего три сундука со старой одеждой, вон они стоят, можете забирать. И не важно, что он и сам об этом забыл, третий день гуляет, разве по нему не видно?

– А теперь вернемся к заданию, – допив чай, строго уставилась на меня Модена. – Оно не такое уж простое. Вам приведут нескольких нездоровых людей, и нужно будет правильно определить болезнь и дать зелье. Это на случай, если вы во время свадебного путешествия забредете на необитаемый остров и молодой муж наестся ядовитых плодов или моллюсков.

– Да Ренд в жизни не возьмет в рот что-то незнакомое! – возмутилась я. – И на необитаемом острове прежде всего отправит тревожный вызов в цитадель!

– Цитадель уже неделю как потеряла все почтовые артефакты, а все магистры слегли с ангиной, – сурово глядели на меня сразу три пары глаз. – Думай, как спасти молодого мужа!

– Первым делом кастовать очищение, снятие болей и регенерацию, попутно проверить амулетом, какой яд был в пище, – сдавшись их напору, наизусть оттарабанила заученные еще в начале обучения правила, – и только после этого давать зелье. Готовить мне ничего не нужно, необходимый набор ношу в личном знаке мага, как все собратья по цитадели.

И это святая правда: несколько крохотных, ярко окрашенных крупинок лежали в гнездах тайника вместе с зельями, придающими силу, выносливость и обострение всех чувств. Цитадель делала все возможное, чтобы ее сыновья и дочери выжили, случайно попав в гораздо более опасное место, чем необитаемый остров.

– Это правильно, – вздохнула Манефа. – Но не потребуют ли от тебя, чтобы ты действовала как обычная девушка? Королевы, конечно, уже нет, но прикормленные ею фрейлины еще остались. В ответ мы возмутились дружно, как одна.

– Если она магиня, то и действовать должна как магиня, – заявила Модена. – Ведь невозможно заставить опытного повара начать готовить, как какая-нибудь знатная неумеха? А менестреля – завывать, словно надутый павлин, под балконом своей возлюбленной? Магия – такой же талант, как прочие, и глупо не использовать все свои умения.

– Тогда я отправляюсь переодеваться, – решительно поднявшись с места, объявила я гостям. – А вы располагайтесь в любых комнатах и требуйте от слуг всего, чего пожелаете, пока они пребывают в обманчивом неведении.

– Может быть, – задумчиво согласилась Манефа. – Хотя обычно у них поразительная интуиция.

Глава четырнадцатая

Во дворец мы с Калианой и Моденой отправились порталом, и меня всерьез встревожила эта неслыханная щедрость цитадели. Обычно маги Тезгатора экономили энергию для переходов между материками и пользовались порталами лишь в редких случаях. Разумеется, я признавала законность желания старших магистров помочь преданным собратьям выпутаться из интриги, закрученной бывшей королевой. Это святое дело, и каждый из нас должен знать, что в подобном случае не окажется без помощи.

Однако какое-то непонятное беспокойство не покидало мою душу и после того, как я рассудительно одобрила действие братьев. И самым странным было отсутствие видимых причин для этой тревоги. Лишь какие-то смутные подозрения твердили, что в этом деле все не так просто, и не зря компаньонки следуют за мной неотступно, как охранники – за Аленсией Селонте.

Едва это осознав, я открыла было рот потребовать объяснений... но засомневалась и покрепче сжала губы. Если потребуется, они и без вопросов все объяснят, а раз молчат, значит, не могут ничего сказать. Или и сами ничего пока не знают.

В светлом зале-галерее, куда выходили двери гостиной, где сегодня ждали нас испытания, уже собрались все претендентки, и мне сразу бросились в глаза изменения, произошедшие в их внешности.

Большинство знатных леди сделали прически попроще, и почти все отказались от чересчур пышных, многослойных юбок в пользу строгих нарядов более темных цветов.

– Элгиния! – искренне обрадовалась моему появлению Аленсия. – Почему вас не было на обеде?

– Сегодня мы ели дома, – честно призналась я. – Моя бабушка выяснила, что претендентки не обязаны столоваться и ночевать в доме жениха.

– Но никто из них не откажется от его гостеприимства, – указав мне взглядом на наших соперниц, тихо фыркнула она в ответ. – Втайне все надеются ночью заблудиться.

– Зачем? – вырвался у меня изумленный вопрос.

– Ох, простите... – неожиданно смутилась Селонте. – Я не предполагала, что вы так наивны. О вас ходят совсем другие слухи.

Наверное, в этот момент мое лицо стало слишком озадаченным, так как девушка, не выдержав, весело хихикнула. Но тут же прикрыла рот платочком, сделав вид, будто чихнула.

– Будьте здоровы, – пожелала я машинально, начиная догадываться, о чем идет речь. – А разве принцев не охраняют?

– Ну, охранники ведь тоже люди, и никто не откажется на секунду отвернуться за колечко с алмазом...

– Но так его могут убить! – Искреннее возмущение заставило меня говорить чуть громче.

– Чем? – сделав знак помалкивать, шепнула она. – Ведь ночью никто не ходит в юбках... просто негде спрятать фиал или нож. Да и его младшее высочество опытный воин... вы так красочно его вчера расхвалили.

Вот теперь я представила это зрелище как наяву и на минуту потеряла дар речи. Стало быть, ночами возле покоев Ренда толпами бродят претендентки в полупрозрачных батистовых сорочках и одаривают стражей бриллиантами, чтобы только попасть в его спальню? А что потом?... Ох я наивная. Но тогда зачем ему вообще жениться?

А потом сообразила, что такие прогулки непременно будут продолжаться и позже, когда я уже буду числиться невестой Ренда, и едва не взвыла. Настроение резко испортилось, заболела голова и нестерпимо захотелось домой. Ведь как объяснила мне Модена, об этих шалостях будет знать не только весь дворец, но также столица и все королевство. И можно не сомневаться, после слухов, распространенных королевой, никто меня не пожалеет и даже слова доброго не скажет. Лишь родные да несколько друзей не станут смеяться над моей наивностью, переходящей в откровенную глупость. Зато будут тайком сочувствовать, и неизвестно, что больше...

– Очаровательные леди претендентки, вас ждет новое испытание! – звучно выкрикнул одетый в костюм дворецкого незнакомый мужчина и широко распахнул двери парадной гостиной, превращенной на сегодня в лазарет.

Мы потянулись туда, спеша осмотреть сделанные приготовления и будущих пациентов. О том, что пробовать яды на женихе никто не будет, мне шепнула на ушко отправившаяся со мной Калиана.

Увиденное меня успокоило – никаких кроватей здесь не было. Лишь ряд кресел, на которых сидели набранные из слуг и гвардейцев добровольцы. Они были одинаково одеты и смутно похожи, и отличить своего пациента можно было только по белому номеру, вышитому на плече темной рубахи.

– Сначала каждая из вас, милые леди, возьмет номерок, затем по сигналу вы пройдете к своим пациентам. Они при вас выпьют из стакана приготовленную жидкость, а вам останется помочь несчастному. Разумеется, дозы не смертельные, и за вашими действиями будут следить целители, но постарайтесь не ошибаться. Победит та претендентка, которая справится с заданием первой, – объяснила непривычно вежливая и скромная леди Оттавия.

Я пока не понимала, почему она не последовала за своей покровительницей. Но ни на миг не усомнилась: если бы у цитадели хватило против нее прямых улик, старшей фрейлины в этой комнате сейчас бы не было.

Мы стояли рядом, оглядывая сидящих перед нами мужчин, и я пыталась понять, как должна действовать в таком случае. Попутно привычно разглядывала зал и устроившихся за столом судей. И изумленно выдохнула, обнаружив рядом со Стаем обоих принцев. Как интересно... неужели Альгерт тоже решил присмотреть себе невесту? Или просто пришел поддержать брата?

Затем я заметила сидящего поодаль Эстена в наряде придворного мага и наконец встретила взглядом с Калианой. Поймала ободряющую улыбку, вспомнила ее совет и как-то внезапно успокоилась. Я магиня и буду действовать так, как мне положено по правилам цитадели. Номерки лежали в вазе темного стекла, через которую невозможно было разобрать написанное на них, и мы поочередно подходили и совали внутрь руки. Мне достался номер семнадцать, и едва раздался звонок, я направилась к пациенту, готовясь спасти его от отравления. Но остановившись напротив добровольца, у которого на плече белели цифры один и семь, и рассмотрев его совсем юное, простодушное лицо, вдруг отчетливо осознала всю неприглядность этой ситуации. И уже ни на миг не сомневалась, что изобретали это испытание королева с Оттавией и Ликонтией и вряд ли не подготовили для нежелательных претенденток хоть одной подлой ловушки.

А все их змеинные проделки так мне надоели, что никаких сомнений в том, как нужно действовать, у меня не возникло. Не дожидаясь, пока добровольцы протянут руки к стоящим на столиках стаканам и на наших глазах начнут травиться, я приступила к их спасению. Мгновенно создала малый щит, как сетью, собрала им все бокалы и аккуратно, стараясь не пролить, перенесла на стоящий передо мной столик.

И в завершение для надежности накрыла их мощнейшим куполом.

Все ошеломленно замерли, только раз за разом обшаривали взглядами пустые столики напротив всех пациентов и мой, плотно уставленный бокалами.

– Гина? – впервые в жизни забылся лорд Эстен Денлуа. – Что это значит?

– Вам решать, – отчаянно заявила я, открыто глядя на озадаченных судей. – Но спокойно смотреть, как люди пьют яд, я просто не могу. И вообще, этот конкурс либо неправильно продуман, либо изначально жесток.

– Bravo, ученица, – довольно вздернул голову Гесорт, – я тобой горжусь! Меня и самого что-то настораживало в этом испытании, но обдумывать до конца, что именно, я не стал, поверив опыту устроителей. И это мне урок.

– Непонятно, – тихо и разочарованно прошипела леди Оттавия, – что же тут такого страшного? Ведь яд слабенький! По-моему, мужчинам должно быть приятно смотреть, как за ними ухаживают красивые девушки.

– Ну, тогда выпейте зелье из любого стакана, леди, – вдруг холодно приказал король, глядя на фрейлину сузившимися от ярости глазами. – Я обещаю, вас будут лечить самые привлекательные из находящихся здесь магов. Ну? Я не шучу!

– Но ваше величество... – растерявшаяся леди тихонько отступила назад, – это не имеет никакого смысла...

– А какой смысл имеет испытание девушек корчащимися от яда людьми? – с ненавистью процедил он. – Кто вообще это придумал?

– Испытания берутся из составленного для устроителей смотрин перечня, – отступила она еще на шаг. – Каждый раз новые... ради справедливости.

– Не вам о ней вспоминать, – оборвал интриганку Райвенд и, недобро усмехнувшись, добавил: – Кстати, его величество уже подписал указ – все фрейлины королевны-матери получают отставку. Матушке их услуги для излечения не требуются.

– Но мы назначены устроителями смотрин, – не желала сдаваться побледневшая Оттавия, – и должны закончить свою работу...

– Смотрины проведут оставшиеся судьи, – снова вмешался король. – Их тут вполне достаточно. Да я и сам присмотрю, счастье брата для меня важнее всего.

«О каком еще счастье он говорит, – тайком вздохнула я, – если тут нет ни одной девушки, к которой Ренд проявил хоть чуть больше интереса, чем к остальным?» Хотя... вполне возможно, я чего-то не знаю. Ведь есть же еще эти... блуждающие по ночам.

– Судьи считают испытание законченным, – веско объявил Гесорт. – Победила леди Элгиния. Все остальные претендентки считаются прошедшими проверку на готовность оказать помощь. Завтра после завтрака вас ждет новое испытание, но какое – пока тайна. Мы вежливо склонили головы и поспешили уйти.

– Спасибо, леди Элгиния, – подхватив меня под руку, шепнула Аленсия, – вы спасли меня от поражения. В целительстве, а особенно в ядах, я ничего не понимаю. А покинуть дворец очень не хотелось бы – после известия о том, что его величество теперь свободен.

– Вам нравится король? – изумилась я.

– А кому он не нравится? – загадочно усмехнулась Аленсия. – Но все знают, что он разочаровался в женщинах после предательства своей возлюбленной.

– Наверное, вам покажется это смешным, но я не знаю, – призналась ей со вздохом.

– Могу рассказать, если хотите, леди.

– Хочу, но у меня есть просьба... надеюсь, не слишком дерзкая. Можем мы разговаривать попроще, без церемоний?

– С удовольствием, – расцвела девушка искренней улыбкой. – Я ведь по рождению не леди, и у нас дома все зовут друг друга на «ты».

– А я магиня, мы между собой разговариваем кратко и без расшаркиваний. Меня все зовут просто Гина или Гинни.

– А почему не Элни?

– Так меня зовет мама... но я не имею ничего против, если и тебе это имя нравится больше.

– Спасибо. А меня все зовут Ленси, я привыкла. Куда пойдем поболтать?

– Хочешь ко мне в гости? – вспомнилось мне намерение Калианы вернуться после испытания в мой дом. – Отдохнешь от толпы. Или... ты тоже блуждаешь по ночам?

– Нет... вернее, в гости пойду с удовольствием. А блуждать мне нельзя, братец приставил телохранительниц, вон они, идут следом с сердитыми рожами. Непонятно только, на что снова злятся?

– Наверное, на мои щиты, – сразу сообразила я. – Ставлю по привычке от подслушивания. А их не нужно предупредить? Сейчас подождем леди Калиану, и я сама скажу.

– Скажи, – подумав, согласилась Ленси. – Тобой они командовать не будут. Однако леди Калиана, выслушав наш план, на переговоры с телохранителями решила отправиться лично. А вернувшись через пару минут, молча подхватила нас под руки и увела в темноту моментально открывшегося портала.

Вскоре мгла сменилась полумраком незнакомого помещения, и несколько мгновений я непонимающе оглядывалась, прежде чем решила спросить:

– Где мы?

– На Харгедоре, – взглядом активировав магический светильник, устало ответила целительница. – На территории цитадели. Это один из свободных домов, его решили подарить тебе за заслуги по очищению материка от монстров. Вещей здесь пока немного, но после завтрака Альми собиралась привезти самое необходимое. Сейчас тут раннее утро, еще только светает. Но вы хотели поболтать? Я вас оставляю, схожу проверить лазарет. И словно не заметив моего изумления, исчезла в очередном мгновенном портале.

– Ты знала? – Подойдя к окну, Ленси вгляделась в седой туман.

– Про дом? Впервые слышу.

– А про Харгедор?

– Смотря что. Хотя уже два года бываю тут каждый день, но о том, что магистры строят на Харгедоре новую цитадель, узнала только два дня назад. Как выяснилось, это было тайной, – честно призналась я, начиная догадываться, что эта тайна скоро перестанет быть таковой.

– А тебя не накажут? Наверное, нельзя было рассказывать мне? – испытующе смотрели на меня светло-карие глаза новой подруги.

– Цитадель никогда не наказывает своих братьев, – чувствуя неловкость, тихо призналась я, понимая, что прозвучит это как похвальба.

Аленсию, как выяснилось, брат держал в повиновении с помощью телохранителей, а я всегда была свободна в выборе занятий и друзей. Хотя, если вдуматься, меня всегда хранили в рамках благоразумности советы матери и доверие отца.

– А у меня нет никаких способностей.

– Это не совсем верно. – Мне очень хотелось утешить Ленси, но пообещать ей невозможное было бы жестоко. – Способности есть у всех, только не у каждого они магические. Вот взгляни на бабушку Манефу, она тоже ни грана не магиня, но ничуть от этого не страдает. Наоборот, к ней тянутся люди, и сколько я помню, она одним помогает, других мирит, третьим дает советы или просто выслушивает. Это ведь так важно, чтобы тебя кто-то выслушал, понял и посочувствовал.

– Я бы тоже хотела с ней поговорить, – невесело вздохнула моя гостья, тряхнула головой и другим, бодрым, тоном спросила: – А тебе не хочется осмотреть свой новый дом?

– Хочется, – поняла я намек и, создав ветерок, распахнула двери: – Идем? Но не жди, что это будет дворец... да он мне и не нужен.

Домик действительно оказался небольшим, всего два этажа. Наверху – три спальни и умывальня, внизу – просторная кухня с очагом и обеденным столом, кабинет и гостиная, откуда открывались широкие стеклянные створки на дощатую веранду. Мы обошли его за несколько минут, отмечая, что с мебелью и в самом деле скудно. Зато дом пах чистотой и смолой, светился свежим деревом новехоньких дверей и полов, гулко передразнивал каждое слово. Наконец мы устроились на кухне, где Аленсия очень ловко разожгла простую печурку и поставила кипятиться чай.

К нему у нас была только найденная в новом, как все вокруг, буфете подсохшая булка и половина горшочка меда. «Наверное, перекусывал кто-то из плотников», – подумалось мне.

– Ты хотела узнать про наследника... – глядя в огонь, задумчиво начала Ленси. – Я знаю эту историю от горничной, у нее сестра служит во дворце. Через год после того, как погиб наш король, его старшее высочество влюбился.

Сделав мысленно нехитрые подсчеты, определила, что в тот момент мне шел тринадцатый год, и заинтересовать Альгерта не было никакой возможности. Да я тогда ни о каких принцах и близко не мечтала, если честно. И вообще, каждый юноша старше шестнадцати казался мне страшно взрослым и скучным.

– Его возлюбленная не имела ни способностей к магии, ни приданого, – только несколько поколений знатных предков да небольшой особняк на окраине столицы. Точно известно, где его высочество с ней встретился, – в лазарете, куда заглянул проведать пострадавших на охоте друзей. Леди Изеттия как раз в этот момент пришла к одному из них, доводившемуся ей кузену. Они столкнулись в палате... и, как говорят, между ними вдруг расцвел лунный эдельвейс. А через несколько дней об этой любви узнала вдовствующая королева и объявила смотрины.

– А девушку не позвали? – попробовала догадаться я.

– Как раз наоборот, – невесело усмехнулась Ленси. – Ее бывшее величество только тем и заманила старшего сына на этот отбор. И постаралась всячески унижить гордую Изеттию, но та ничего не замечала. Или не хотела замечать, потому что верила любимому...

– А что с ней стало потом? – Мне больше не хотелось слушать эту печальную историю, от несправедливости которой заныло в груди и появилось желание сделать нечто эдакое... бунтарское.

– Сначала, – со вздохом поправила гостья, – ей подстроили свидание с одним подлецом. Никто не знает, что было в записке, но слуги шептались, будто, получив ее, девушка светилась как солнышко и, принарядившись, почти бегом помчалась в беседку.

– И Альгерт их увидел? – Теперь во мне созрело ярое желание добраться однажды до бывшей королевы и покатать ее в щите над пропастью.

Визг и вопли как-нибудь перетерплю.

– Увидел кто-то из его друзей и донес. Принц не поверил, помчался туда... и застал любимую в объятиях другого. Как выяснилось позже, принесенную ей записку посыпали приворотным порошком.

– А потом? – Теперь боль за Альгерта стала почти невыносимой. И к ней добавился стыд за собственные неверные суждения, я ведь считала его просто распутником, а он так боролся с собой... и с предавшей его женщиной.

– Изеттия уехала из дворца, едва начали спадать чары. Исчез и ее подставной любовник, к счастью, не решившийся перейти все границы. И вовсе не из благородства или жалости. Просто рассмотрел полный ненависти взор принца и сообразил, в какую гадость вляпался. А наследник проснулся наутро в чужой спальне и не стал спорить насчет свадьбы.

– И где она сейчас? – затаив дыхание спросила я, вдруг сообразив, что мне вовсе неспроста рассказывают эту историю.

– Живет под «отводом глаз» в доме друзей, но взяла с них клятву никому не открывать ее тайну.

– Вот как... – Наконец все встало на свои места, и последняя, слабая и глупая, надежда тихо скончалась в моем сердце. – Извини, Ленси, непонятно только одно – зачем ты рассказала эту историю мне? Вернее, почему именно теперь?

– Слышала про твою любовь к его высочеству, – открыто глядя мне в глаза, призналась Ленси, – и захотела предупредить. Ты девушка совестливая и искренняя, я немного в людях разбираюсь. Если сейчас ошибешься, потом будет очень больно. Фрейлины и знатные ветреницы, попытавшиеся его приворожить, позже горько плачут. С вечера наследник обычно навеселе, а по утрам зол и неразговорчив. И не помнит по имени ни одной из любовниц. Но хуже всего другое... в моменты нежности он всех зовет Зетти.

– Бедный! – невольно охнула я и смолкла, раздумывая, можно ли довериться Аленсии, так легко открывшей мне эту тайну.

Вовремя вспомнив про амулет Гиммо, поспешила с его помощью тайком взглянуть на подругу. Аура Аленсии светилась оранжевым ожиданием и фиолетовой тревогой, золотистым сочувствием, сквозь которое пробивался отсвет синеватого сожаления. «Нет, люди с такими чувствами не лгут и не строят интриг», – успокоилась я и вдруг поняла, чего она так опасается. Что слишком рано и опрометчиво открыла чужой секрет.

– Ленси, – невесело вздохнула я, глядя в полные надежды глаза, – можешь не беспокоиться. Ни за меня, ни за них. Это была детская любовь, и скорее к придуманному рыцарю, а не к живому принцу. При нашей единственной случайной встрече в парке он это как-то понял и не дал мне ни малейшей возможности совершить ошибку. За это я ему от всей души благодарна. В моей жизни была светлая и чистая любовь, но не было предательства и боли. Но это чувство уже угасло, и хотя я пока не нашла своего истинного рыцаря, но и к прошлому больше никогда не вернусь.

– Я так рада! – искренне выдохнула девушка, смущенно усмехнулась и вдруг выпалила: – И прости меня ради всех богов за рассказ о претендентках, блуждающих около комнат принцев. Мне точно известно, что попасть туда невозможно ни за алмазы, ни хитростью. Попытались некоторые, мои телохранительницы проследили. Но даже в крыло королевской семьи пройти не смогли, там стоят не охранники, а магическая защита, и чужих она и близко не пускает.

– Тогда зачем?... – изумилась я и смолкла, уже осознав, ради чего она мне все это говорила. Хотела проверить, не клюну ли я на заманчивую идею попасть потихоньку в спальню молодого короля. – Прощаю. Но за это прошу права как-нибудь случайно рассказать о той леди своим друзьям. Пусть Райвенд сам решит, нужно ли говорить об этом брату.

– Хорошо, – посомневавшись всего секунду, твердо кивнула Ленси и смущенно улыбнулась: – Давай пить чай? Что-то у меня от волнения во рту пересохло.

Глава пятнадцатая

Мы пили чай с собранной возле дома мятой и мазали душистым медом сухой хлеб, который пришлось ломать руками. Ножей не нашлось, а попытка разрезать булку ровными ломтиками при помощи щита закончилась неудачей, заставившей меня искренне пожалеть о пробеле в изучении бытовых заклинаний.

А за окнами, лишенными даже намека на занавеси, вставало ясное солнце, уже второй раз за этот день.

Ленси постепенно оттаяла и стала простой и насмешливой девушкой, чуточку похожей на моих кузин, внушек Манефы. Мы виделись с ними редко, так как жили на разных концах материка, но эти встречи всегда оставляли ощущение праздника. И постепенно мне начало казаться, будто Аленсия мне каким-то образом родня по двоюродной бабушке.

– Если захочешь, – объявила я ей, спеша сохранить это удивительное тепло, – пожить тут во время отбора, буду рада. Но учти, иногда я уйду на задания, и в это время тебе придется развлекать себя самой. Но зато здесь спокойно и нет никаких правил этикета. И, разумеется,

безопасно, никто не обидит и не обманет. Но на всякий случай я дам тебе амулет тревожного вызова и закрою дом щитами.

– А где можно будет гулять? – осторожно осведомилась Ленси.

Меня и саму это интересовало, и мы отправились проверять. Сначала на веранду, потом на лужайку, где недавно искали мяту, потом по пологому склону к каменистой речушке, впадающей в прозрачную заводь, окруженную похожими между собой домиками. Лишь башни над ними разнились по высоте и форме. Но если присмотреться внимательнее, можно было найти отличие в цвете стен и крыш, форме клумб и беседок.

– Вот они где! – настиг нас возмущенный возглас Альмиссы. – А я весь дом обежала. Иди, хозяйка, принимай мебель, все как заказано... чем расплачиваться будешь?

– Проси чего хочешь, ничего не жаль, – засмеялась я. – Только, боюсь, выбор у меня маловат. Дружба и преданность и так уже твои, любовь к самому милому мужчине – тоже. Защиту ставлю всем нуждающимся по необходимости, в поле ничего интересного взять не могу, не до того.

– Как скучно ты рассуждаешь, – шутливо фыркнула Альми. – А ведь могла бы догадаться, что мне больше всего интересны новые люди, особенно те, с кем смогла подружиться ты. Ну, так познакомишь с очаровательной леди или мне самой придется выяснять ее имя?

– Извини, Альми, но я не могла и предположить, что ты не знакома с Аленсией Селонте.

Аленсию, это Альмисса Гесорт, жена моего наставника Стайна Гесорта. И мать двух чудесных малышей, один из которых покорило мое сердце.

– Меня можно звать Ленси, – открыто улыбнулась моя новая подруга, – и я очень рада познакомиться с вами поближе. Хотя мы и встречались раза два на праздничных приемах во дворце, но представлены не были. Нас обычно сажают в соседней трапезной.

– И вот это самая большая ошибка старого этикета, – заявила Альми, умевшая мгновенно менять шутливое настроение на серьезное, – делить людей не по их собственным делам, а по заслугам предков. Вот и сидят порой в главном зале никчемные прожигатели наследства, не имеющие за душой никаких достоинств, кроме знаменитых прадедов или отцов. Которые уже сгорели бы от стыда, глядя на тех, ради кого когда-то отдали жизни. Но больше о них не будем: надеюсь, Альгерт исправит эту несправедливость. Сейчас я приглашаю вас в гости, пока команда бытовиков расставляет вещи и наводит порядок. Они умеют делать это лучше нас.

– Как только закончится этот отбор, – вслух пообещала я, усаживаясь в летающую лодку, какие были у магов только здесь, на Харгедоре, – засяду за изучение бытовых заклинаний. Сегодня я даже булочку не смогла порезать.

– Могу только порадоваться, – засмеялась подруга, выше крыш поднимая управляющим амулетом похожую на синий огурец лодку. – Но хлопотуху все-таки не выгоняй, иногда без нее не обойтись.

– Какую хлопотуху? – дружно уставились на Альмиссу мы с Ленси.

– А вы ее не нашли? – вот теперь изумилась и Альми, ловко повернув назад.

А подлетев к крыльцу, достала висевший на цепочке свисток и поднесла к губам. Дунула раз, другой и, нахмурившись, попыталась вылезти из лодки. Но у меня в мозгу уже сработали намертво заученные инструкции, и мгновенно созданный щит накрепко прижал Альмиссу к сиденью.

– Гинни? – В ее глазах расцветало истинное изумление, но я уже нажала на тревожный камень именного амулета.

– Извини, но там что-то нечисто. Кстати, а бытовики уже прибыли?

– Обещали сразу за големами, те разгружают повозки у веранды... – Не договорив, Альми тронула свой амулет.

Мы плавно полетели вдоль стены дома, завернули за угол и замерли, ошеломленные невероятным зрелищем. Големы слаженно отступали, прикрываясь креслами и столиками, а один лежал поперек прохода в дом, наполювину поглощенный чем-то серым, как пепел.

– Назад! – рявкнул кто-то снизу так яростно, что мне не сразу удалось опознать знакомых магов.

– Гина, щиты! – тотчас четко скомандовал Стай, и, успокоенно выдохнув, я накрыла щитами лодку вместе со стоящими под ней магами.

В подобных ситуациях нет ничего лучше командира, который понимает смысл происходящего и точно знает, что и кому нужно делать.

– Альми, опускай лодку, – продолжал он уверенно отдавать приказы. – В доме кто-нибудь есть?
– Мы гуляли, – быстро отчиталась я, глядя сверху на дом, подернутый радужно переливающимися щитами. – А там должны работать бытовики.
– Они еще не пришли, – послав запрос, успокоил он нас через несколько мгновений.
– А хлопотуха? – вспомнила Альми, плавно сажая лодку на траву. – Я отправила ее сюда сразу, как ты передал.
– Я? Передал хлопотуху?! – Гесорт был ошарашен, как новичок, но тут же спохватился: – С кем?
– Посылкой... – пробормотала Альмисса и начала стремительно белеть.
А ее дрожащие пальцы уже лихорадочно крутили камни управляющего амулета.
– Стой! – рывком выхватил меня из лодки и белкой взлетел на мое место. – Гина, выпускай! И держи щиты!
Последние слова донеслись уже с неба, куда стремительно удалялся синий огурец.
– Гина, сделай мне небольшое оконце! – Вот теперь я узнала этот голос, который когда-то мечтала услышать рядом.
– Зачем? – покосившись на его величество, с изумлением рассмотрела довольно хорошо знакомую синевато-серебристую броню. Только светлой безликой маски на нем сегодня не было.
– Щитам не положено задавать вопросы, – с легким разочарованием упрекнул он.
– Только командиру, – уверенно возразила я, – и только проверенному. Остальные должны объяснять свои действия.
– Хочу попробовать их поджарить, – недовольно нахмурился король. – Заморозки у меня нет.
– Бесплезно, – и не подумала я исполнять его приказ, – это нечисть. Огнем ее не пробить, а мой домик пострадает. Подождем магистров. А вы откуда тут так вовремя?
Ответить Альгерт не успел – раскрылось сразу три портала, и из них высыпало с десяток магов.
– Гина? – удивленно окликнул кто-то. – Это хорошо. Накрой нас парой щитов.
– Уже – отозвалась кратко, исполнив эту команду до того, как она прозвучала. – Но мой домик постарайтесь не жечь.
– Так это твой дом? – потрясенно присвистнул кто-то и тише буркнул: – У твоих врагов длинные руки.
– Но мозги короткие, – огрызнулся явно задетый за живое Альгерт. – Ей кто-то передал хлопотуху, якобы от Гесорта. Альмисса без сомнений переслала.
– Хлопотухи в доме не было, – добавила я. – Мы свистели. Зато полный дом нечисти.
– Уже видим, – мягко успокоил старший магистр Терент. – Сейчас придет приманка.
Клетку с яростно скалящими клыки дикими котами опустили на полянку с летающей лодки, и маги немедленно отступили, оставив кровожадной, но тупой нечисти заманчивое угощение.
Я поспешно отвернулась, хотя привыкла к таким методам и не имела желания жалеть жестоких хищников. Но и безучастно смотреть на их гибель тоже не могла.
Оглянувшись лишь через минуту, услышав от вернувшегося Стая приказ усилить щиты. Клетки видно не было – только покрытая изморозью куча похожих на пепел крупинок. Да почерневшая травка на месте зеленой полянки.
– Как дома? – волновал меня только один вопрос.
– Все в порядке, Альми отправила посылку, не открывая, – успокоил учитель. – Но я не усну, пока не найду эту гадину.
– Одно можно сказать точно, – вздохнула я в ответ. – Это маг, и он хорошо разбирается в делах цитадели. И в монстрах Харгедора.
– А еще он полнейший дурак, если надеется, что теперь его не будут искать все сыщики цитадели, – веско заявил появившийся из портала магистр Боуренс. – И найдут непременно. Отныне это вопрос времени.
Последние слова чем-то зацепили меня, заставили вспоминать какую-то важную вещь, о которой я недавно думала. О чем же это было? А, о девушке, которая живет в доме господина Селонте, если мои предположения верны.
– Стайн... – мне казалось, будто я шепчу очень тихо, но оглянувшись сразу трое магов, – я должна что-то сказать... но лишь тебе и ему, – показала взглядом на короля, что-то негромко обсуждавшего с верховным магистром. – И не здесь...

– Идем! – Ни секунды не сомневаясь, он подхватил меня под руку, притянул к нам воздушной петлей Альгерта и открыл портал.

Мне казалось, что мы очутимся в его доме, но вокруг высились мрачные стены тренировочной площадки для мечников, судя по изрубленным деревянным големам.

– Сейчас тут никого нет, – сообщил учитель торопливо и выжидающе уставился на меня: – Говори.

Вовсе не так хотелось мне сообщить эту новость королю. Сначала – подготовить его осторожными намеками, бросить успокаивающее заклинание... но невидимый палач смешал все планы.

– Это очень похоже на месть, – пробормотала я. – Но кому именно, пока непонятно. Возможно, даже королю, за то, что пошел против воли матери. Поэтому теперь я очень беспокоюсь за одну девушку... она живет у друзей под чужой личиной уже восьмой год. Мы с Ленси о ней как раз разговаривали, а посылка в это время лежала где-то в доме. Если в ней было следящее...

– Где?! – перебил меня Альгерт, вмиг став синевато-белым, словно из него разом ушла вся кровь. – Где она, Гинни?

– Ленси точно знает, – заторопилась я. – Это они с братом ей помогают.

– Идем! – снова сцапал нас Стайн и открыл портал.

А через миг, оставив меня посреди столовой своего дома, наставник стремительно ушел в портал вместе с Аленсией и королем.

– Ты можешь объяснить, что это было? – едва рассмотрев меня, почти безнадежно осведомилась Альмисса.

– Могу, – вздохнула я и устало опустила на стул. – Они пошли спасать Изеттию, если ей и вправду что-то грозит. Но меня почему-то не взяли.

– Извини, Гинни, – помолчав, Альми села рядом, – но это он правильно сообразил. Злые языки могли и ей принести грязную сплетню, а им сейчас со своими ошибками разобраться бы.

– Но я же им о ней и сказала! – вспыхнула праведным гневом и тут же смолкла, признавая ее правоту.

Да и, в конце концов, разве важно, кто ему сказал? Главное, он о ней думал, волновался и, вероятно, пытался найти. Только потихоньку, тайком от матери и ненавистной жены. И вряд ли это было легким делом. Ведь у королевы состоял на побегушках придворный маг, хотя и со слабыми способностями, зато щедро увешанный мощными амулетами. И имеющий поддержку и помощь хитрого, пройдошливого дядюшки-дворецкого.

Разумеется, и принцы не так просты: все рожденные в королевской семье дети неизменно получают магические способности, это часть старинного договора, по которому пятьсот лет назад король Роланд передал власть парламенту и магам. Мне не совсем понятно, как магистры умудряются выполнять это условие, но о том, что все короли и принцы – одаренные, знает каждый житель королевства и соседних материков.

Однако учат их высочеств обычно только защитной магии, и о том, что Альгерт теперь – боевой маг и мечник, а Ренд – лучник цитадели, явно позаботился их отец. И, стало быть, неверно я прежде судила о погибшем короле, хотя он, несомненно, постарался все для этого сделать.

– Ты правильно поступила, – узкая ладошка Альмиссы мягко гладила меня по волосам, – и я тобой горжусь. Между ними вставать бесполезно, после будет очень больно.

– Да нечем тут гордиться, – не выдержав, хихикнула я. – Правда, Альми! Я его не люблю и не думаю о нем уже давно. Просто остался в душе след, и я рада, что он светлый. А им рада была помочь, пока он совсем не спился.

– Ему это не грозило, – облегченно засмеялась подруга, вскочила со стула и потянула меня за собой: – Идем в детскую, сейчас мальчишки проснутся.

– Почему? – спрашивала я вовсе не о детях.

– Так ведь королевские амулеты защищают не только от огня и других проявлений стихий, но и от любых ядов. Конечно, короли и принцы это скрывают, чтобы всякие убийцы не придумывали других способов, но вина и настойки, как и любая другая отравка, лишь на некоторое время дурманят им голову. Но если бы он не давал себе спасения в самообманах – давно сошел бы с ума от отчаяния.

– Великие боги! – ахнула я, представив ад, в котором почти восемь лет жил когда-то нежно любимый мной человек, и внезапно почувствовала, как в душе прорвалась невидимая плотина.

Рыдания колотили меня и захлестывали, грозя поглотить с головой, как внешний поток – неосторожного пловца, отпуская лишь на краткие мгновения, глотнуть воздуха и какого-то зелья, принесенного перепуганной Альмиссой. Она трясла меня и уговаривала, плескала в лицо водой и всхлипывала из солидарности, обнимала мою голову и держала изо всех сил, стараясь успокоить.

Но утихла я сама, сумев наконец убедить себя успокоиться самым простым доводом. Все плохое для них закончилось, и значит глупо теперь оплакивать пережитые страдания.

Радоваться нужно, и я это заслужила.

Не поверив, что плакать я больше не буду, Альми все же заставила меня выпить свое зелье, потом отправила купаться и наконец уложила спать в маленькой спальне, где я жила, еще когда была ученицей.

Глава шестнадцатая

Голоса бубнили и бубнили, спорили то громче, то тише, почти насильно заставляя вырваться из оков сна. На удивление яркого и мирного, где мы с родителями вместе что-то готовили к празднику, составляли букеты, выбирали наряды, рассматривали украшения и амулеты.

– Обязательно возьми путеводный, – настаивал отец. – В парке вечером так легко заблудиться!

– Папенька, – как маленькая укоризненно хлопала я ресницами, – меня в цитадели научили заклинанию поиска, я даже на Харгедоре еще ни разу не потерялась!

– Что такое «Харгедор»? – недовольно смотрела мать. – Чем ты там занимаешься? Нечего там делать нежной юной девушке!

– Я магиня, щит. Без меня друзьям будет плохо... – уверяла я, оглядываясь в поисках часов. –

А сколько времени? Я не опоздала?

Вспыхнувшая в душе тревога окатила холодной волной, заставила распахнуть глаза и взглянуть в окно. Уф... Светло, солнечно... день в самом разгаре... а где это я?

Так ведь на Харгедоре, у Альмиссы! И раз здесь день, то там, дома, глубокая ночь, и мне давно пора на дежурство. Или они решили меня сегодня не брать?

– Альми, – донесся словно издали приглушенный защитой голос Эстена, – ну хоть просто спросить ее можно? Она же сама потом обижаться будет!

Мгновенно слетев с постели, я подскочила к двери, приоткрыла и, снимая защиту, во весь голос крикнула:

– Выйду через три минуты!

– Ну вот, – недовольно буркнула подруга. – Добились своего, разбудили девочку! Но без чая я ее не отпущу, и не мечтайте!

Чай и в самом деле стоял на столе, когда я спустилась в столовую. И печенье с булочками стояло, и мед, и разные десерты. А еще за столом сидели мои хмурые напарники, дружно уткнувшись носами в свои чашки.

– Мы сильно задержались? – не обращая внимания на их настроение, строго осведомилась я.

– Да куда вы не опаздываете, – успокоила Альми, недовольно глянув на моих друзей. – Вы ведь теперь спасатели. Может, за всю смену ни разу и не вызовут. Ешь спокойно.

– А может, вызовут прямо сейчас, – не стала обольщаться я, точно зная, как дорога в таких случаях каждая секунда.

И ела торопливо, стараясь откусывать кусочки поменьше, чтобы не давиться, если придется спешно прыгать в портал. Хотя рядом с нами пока не обнаружилось ни одного порталщика или старшего магистра. Однако моих друзей это вовсе не волновало... интересно почему?

– А кто нам откроет путь, если поступит вызов? – не выдержала я минут через пять.

– Мне выдали амулет, – коротко известил Ренд.

– Он выучил заклинания перехода и выдержал все испытания на мастера-портальщика, – с гордостью просветил меня Эст.

– А, – сообразила я, сосредоточенно промазывая кремом булочку. – Так вот что он учил на балах. Поздравляю.

– Хм... – подавился чаем Ренд, – а откуда... ты это взяла?

– Догадалась, – пожала плечами в ответ: выдавать тайну своего ментального амулета я пока никому не собиралась.

Мне еще перед матерью отвечать за него, вернее, за ушедшее на обмен кольцо. Правда, Гиммо пообещал никому его не продавать, но разве можно верить таким прожженным торговцам?

– Повезло нам, щит смысленный достался, – внезапно развеселился Эстен. – Насквозь видит все тайны.

– Только не может понять, – никакого желания поддерживать его шутки я не испытывала, – кому понадобилось натравить на мой дом нечисть? Ведь всем известно, что щиты у меня сильные, и этих мурашей – или кто они были? – моя защита никогда не пропустит.

– Там не все так просто, – вздохнула Альмисса и неожиданно строго предупредила: – Но пока дознание не закончено, вслух эту тему лучше не обсуждать.

– А о чем тогда говорить? – отодвинула я тарелку и задумчиво оглядела друзей. – Подскажи?

А кстати, Ленси так и не вернулась?

– И не вернется, – кратко сообщила Альми, покосилась на меня и с едва заметной неохотой добавила: – Его величество пожаловал Мартису Селонте титул лорда, и сейчас Аленсия занята выбором гербов, драгоценностей и нарядов к завтрашнему балу.

– Какому еще балу? – не поняла я. – У нас же испытание!

– Испытание на завтра отменили по случаю торжественного приема и бала, – так же мягко пояснила подруга.

Я с недоумением глянула на напарников и только теперь обнаружила, что они присмирели и сидят тихо, как мышки, обнаружившие неподалеку кота. И даже взоров не поднимают от чайных чашек. Пустых, к слову.

– Добавь гостям чаю, – попросила я выглядывающую из-под стола хлопотуху и мечтательно улыбнулась: – Ну хоть одно хорошее известие за последнее время. Тогда я после дежурства иду домой, отдохну денек от проклятого отбора.

– А на бал? – невинно осведомилась Альми, и напарники заинтересованно насторожились.

– Шутишь? – пренебрежительно фыркнула в ответ. – Когда это я рвалась на балы? Да и что там делать? Нет уж, пусть веселятся без меня.

– И ты даже не спросишь, по какому поводу праздник? – не выдержав, провокационно улыбнулся Эстен.

Лукавые ямочки на щеках сделали его красивое, мужественное лицо обольстительно милым, но слегка нагловатым, и я ответила укоризненным взглядом:

– Никогда не строй мне таких рож, а то забуду однажды прикрыть твою спину от крысаков.

А спрашивать не стану по трем причинам. Первая – мне просто не интересно. Вторая – я и сама могу догадаться, в честь чего толпа придворных выпьет не менее сотни бутылей лучших королевских вин. И третья – от причины праздника мое решение не изменится. Все.

– А можно, – Ренд смотрел на меня испытующе, но его губы были напряжены, как в самых сложных ситуациях, – услышать твои догадки? Просто из любопытства?

– Мало ли чего мне хотелось бы услышать из любопытства, – проворчала я недовольно, но вредничать не стала. – Причин может быть сколько угодно, но самых вероятных все же две. Прием по случаю коронации Альгерта или празднование его помолвки с Изеттией, если ему, конечно, удалось ее найти.

– Удалось, – бесцветным голосом подтвердила Альми и тише добавила: – Это твоя заслуга, Гинни. Если бы ты не сказала, что беспокоишься за ее жизнь, боюсь, он бы еще не скоро осознал, как не прав был, обвиняя девушку в недоверии.

– Так он еще и обвинял ее в недоверии? – нахмурилась я, сразу пожалев незнакомую мне беглянку. – И к кому, к нему? А откуда ей было знать, вдруг это матушка переубедила его? Или принц сам сменил свое решение? Ведь все остальные невесты были богаче, наряднее и ухоженнее!

– Поэтому ты и должна идти на бал, – сделала неожиданный вывод Альмисса. – Если не хочешь, чтобы все уверились в правдивости распускаемых сплетницами злых слухов.

– Альми... – не сразу нашелся у меня убедительный ответ, но сдаваться я не собиралась, – никому и ничего я не должна. И никому доказывать свою невиновность не собираюсь. Мне не интересно мнение тех, кто готов за глаза облить грязью незнакомого человека. И не смотри так укоризненно, испытывать мои решения на прочность тоже бесполезно. Завтра у меня день отдыха от всяких дворцов, приемов и отборов.

Прозвучавший сигнал тревоги спас меня от продолжения спора, в котором, как я позже осознала, Альми была на моей стороне.

В этот раз место было нам знакомо, квадрат двадцать девять. А точнее, тропа меж каменистых холмов, по которой жители небольшого городка ездили заготавливать лес. Когда-то она была ухоженнее и шире, но харгедорцы давно перестали чистить дороги от осыпавшихся камней и убирать нанесенный ветрами мусор. Да и в лес ездили все реже, предпочитая покупать небольшие чугунные печурки, работавшие на магии. Накопители были, конечно, недешевы, но жизнь все же дороже.

Однако отряды наемников дежурили тут регулярно, выбивая гнездившуюся в камнях нечисть и крысаков. Нечистью магистры звали странных существ, появившихся после открытия источников. Некоторые виды насекомых, плесени и грибов мутировали так стремительно, что за несколько лет прошли сложный путь от преобразования разрозненных особей и стаяк в сложные рои, постепенно превратившись в простейших существ с примитивным разумом, но с невероятно мощной способностью к выживанию и всеядностью. Вблизи каждого источника нечисть была своя, особая, и магистры не успевали ее изучать и описывать.

Сегодня отряду зачистки сравнительно повезло – на них напала огромная стая вечно голодных крысаков, и командир, едва осознав, что сами они не справятся, не стал геройствовать, а вызвал подмогу.

Ренд высадил нас почти рядом с куполом наемников, и я сразу же закрыла отряд прозрачными щитами. И, не дожидаясь команды, подняла командира на вершину купола в специально созданное для него гнездо. Это новшество было моей тайной гордостью, пришлось поломать голову и не один день провести на тренировочной площадке, прежде чем гнездо стало получаться именно таким, как хотелось мне. Если бы я добавила ему цвета, оно стало бы похоже на узкий стакан в половину человеческого роста, легко поворачивающийся в любую сторону от легкого толчка.

Эсту я оставила открытой широкую бойницу, на всякий случай защищенную вторым щитом, никого не пропускавшим под купол извне. Зато изнутри меч проходил свободно и доставал пронзырливых тварей, не ожидавших нападения из пустоты. Одновременно я понемногу двигала свой купол в сторону вызвавших нас бойцов и уже через четверть часа вплотную прижала его к чужим щитам.

– Открой нам проход, – готовясь соединить купола, потребовала у незнакомого защитника, но он вдруг глянул на меня злобно, как на врага.

– В чем дело? – зычно крикнул наемникам Эстен. – Под одним щитом будет удобнее.

– Нас сожрут, пока мы к вам перейдем, – мрачно ответил чужой мечник, пытаясь достать юрких крысаков через узенькую бойницу.

«Значит, их защитник не может держать в своих щитах больших окон», – сообразила я и начала расширять свои щиты, собираясь накрыть ими купол наемников. Он предсказуемо оказался очень небольшим, всего три шага в поперечнике, и лучнику приходилось стоять на булыжнике, чтобы не попасть под размах оружия мечника.

– Прекратите бой! – строго скомандовал им Ренд, как обычно, мигом угадавший мой замысел. – Мы берем вас под свой купол. Щиты без команды не снимайте.

Они сразу опустили оружие и неверяще, но внимательно следили, как волна беснующихся тварей отступает, словно отесненная невидимой гигантской рукой. А я, рассмотрев вблизи слабые, истончившиеся стенки чужого купола, все быстрее растягивала поверх него свою защиту. И всего за несколько секунд до того, как щитовик пошатнулся и осел на истоптанный песок закрытого им пятачка, все-таки успела сомкнуть края своего щита.

– Харст? – с тревогой оглянулся на друга лучник, и в этот миг их купол неслышно исчез.

– Дай ему восстанавливающее зелье, – приказала я и показала взглядом мечнику на зеленоватый квадрат в стене своего купола: – Твоя бойница.

– А они... – начал было он, оглянулся на Эстена, увлеченно кромсавшего крысаков, и решительно перехватил меч поудобнее.

Через несколько минут тварей поубавилось, и они больше не рвались внутрь купола, а пожирали своих собратьев.

– Откуда их тут столько берется? – пробормотал лучник, которому я открыла бойницу возле большого валуна.

Посадить еще одного стрелка наверх не позволил Ренд, одним взмахом ладони отклонив мой безмолвный вопрос. И я его понимала: когда стреляешь так стремительно, как он, каждую секунду поворачиваясь в другую сторону, непросто уследить за безопасностью сидящего рядом собрата.

– Приходят из тех мест, где уже всех съели, – хмуро ответил Эстен, и это было правдой.

Быстро размножающиеся монстры двигались по материку лавиной, как саранча, оставляя после себя пустые леса и равнины. И все ближе подбирались к городам, тревожа неизбежностью столкновения всех, кто умел видеть общую картину за частными явлениями.

– Вам придется вернуться на базу, – объявил Ренд наемникам еще через четверть часа, когда от стаи осталось лишь несколько торопливо разбежавшихся тварей. – На запахах крови скоро подоспеют либо кошки, либо кабаняки... а может, и нечисть появится. Без щита вам не выстоять.

– А добыча? – огляделся мечник.

– С крысаков много не возьмешь, – отказал принц, – но можешь просить премию за уничтожение большой стаи. Тут не менее полтысячи было. Нас не упоминай, запиши все на себя. И ищите другого щита или отправьте этого учиться. Ведь его купол мы не снимали – сам распался.

Воины побледнели, только теперь осознав, что могли бы сегодня на базу и не возвратиться, и безропотно пошли в аварийный портал, открытый по вызову Ренда.

А мы вернулись в цитадель, в башню для дежурных. Наша смена еще не закончилась.

– Справились? – появился через несколько минут Стайн и поставил на стол блюдо с горячими пирожками. – Альми передала. И велела узнать, почему вы пошли на базу, а не к нам?

– Я открывать пути не умею, куда привели – туда и пришла, – честно ответила я и подозрительно глянула на учителя. – А ты пришел уговаривать меня отправиться завтра на прием?

– А ты хочешь, чтобы тебя уговорили? – ответил заинтересованным взглядом Стай.

– Нет, – отказалась не раздумывая. – Но если это нужно, чтобы сделать из меня приманку для того мага...

– С чего ты решила, что он маг?

– Он знал, что мне дали дом, – загнула я один палец. – Знал, что у меня ничего нет. Знал, что ты можешь достать хлопотуху. Знал, что тебя нет дома... Мне все сильнее кажется, что он все время был где-то рядом.

Пальцы на моей руке закончились, и я вопросительно уставилась на учителя, ожидая подтверждения своих выводов.

– Тебе кажется правильно, и все же это не маг, – разбил он мои догадки одной фразой. – Хотя о наших делах был осведомлен очень хорошо. Это господин Кизони, младший брат бывшего дворецкого Фибиуса. Он занимал весьма выгодную должность королевского ключника. У него есть двое сыновей, и оба имеют магические способности. Не очень сильные, но один был придворным магом, а второй работал в лаборатории старой цитадели... еще три часа назад. Он и послал тебе капсулу с образцом нечисти, случайно попавшей ему в руки год назад. Ее нужно было всего лишь положить на солнце, чтобы пробудить. Но все задумал и рассчитал его отец, первым осознавший, скольких благ их семья лишилась после коронации Альгерта. Ведь он был у королевы в фаворе... прости, Ренд, за подробности.

– Но почему этот Кизони решил убить именно меня? – поспешила я увести разговор в сторону.

– Чтобы припугнуть короля и сделать ему больно. Поверил измышлениям ненавидевшей тебя Ютенсии. Но теперь у него будет время подумать о своих ошибках. И у многих бывших придворных и слуг – тоже. Альгерт с вечера часа два диктовал указы, перевернул весь дворец. Как выяснилось, человек он очень внимательный и на память не жалуется, а большинство дворцовых сплетников и интриганов считало его безобидным гулякой и пьяницей. И потому за языками особо не следили. Ну, еще не появилось желание пойти на бал?

– Наоборот. Еще сильнее хочу хоть ненадолго забыть про все эти происки и сплетни. Отдохнуть от фрейлин и отбора, посидеть с книжкой, поговорить с бабушкой... тем более ночью ведь снова на дежурство.

– Цитадель даст тебе на день выходной, твоим друзьям завтра ночью будет не до дежурств.

– Щит всегда найдет себе работу, – упрямо возразила я, вспомнив сегодняшних воинов. –

Пойду с любым отрядом.

– Хорошо, тогда я заберу тебя заранее, – не стал больше испытывать мое терпение наставник, кивнул примолкшим напарникам и ушел.

Через несколько минут нас вызвали помочь уничтожить семейство винтов, вылезших неподалеку от деревушки из-под обвалившегося моста. Там уже было две тройки, и мы только приблизили их победу. А перед самым концом смены пришлось идти спасать рыбаков. Им повезло, что старшина артели имел тревожный амулет, какие цитадель продавала по весьма приемлемой цене. Мне удалось подвести щиты под рыбацкую шхуну и закрыть их в сферу, так как стая мелких кровожадных рыб с острейшими зубами буквально переливалась в суденышко через борта.

– Аж обрадовались, как вытащили сеть... – морщась от прикосновений лекаря, рассказывал позже немолодой рыбак. – Полнехонька... в трюмы не влезет. А они прямо из сети ринулись на нас... Робу все лицо вмиг обгрызли.

– Так ведь висят уже везде объявления, – с укором глянул на страдальцев целитель. – Чего вы медлите? Ждете, пока эта пакость нападет на ваших детей? Им ведь не объяснить, что в море купаться все опаснее. Да и как малышам удержаться, если вот оно – теплое, знакомое? Не будете после вихры на себе рвать?

– Так ведь родное все, еще дедово и отцовское... – с тоской пробормотал рыбак и опустил голову.

Однако жалеть его мне не хотелось. Какие могут быть разговоры, какие сомнения, если речь идет о жизни детей?

– Все равно ведь бросите, – сказала сердито, и не важно, что вышло резковато. – Другого выхода нет. Но сначала и сами хлебнете горя, и семьи им накормите. Не жаль женщин и детей? Тех, кого оставить придется под камнями? Если еще будет что под них класть.

– Молода ты еще, – буркнул рыбак с неожиданной ненавистью, – учить нас!

– Может, Гина и молода, – резко оборвал его Ренд, – но сегодня вас спасла именно она. Это ее щиты закрыли всех от прожорливых монстров. Вам давно пора уяснить: пока мы не найдем очаги заразы, пока всех не уничтожим или они сами друг друга не пожрут, вам тут делать нечего. И чего только упрямитесь, непонятно! Я сам смотрел поселки для переселенцев – домики удобные, земли неплохие, леса есть, рыба в море тоже обычная. И унести разрешено по три больших мешка на человека, не считая инструмента.

– А лодки? – выкрикнул кто-то из рыбаков.

– Шхуны уже идут. Крупное перевезем, лодки на буксире поведем. Но долго думать не советую. Спасать вас все труднее, а расплачиваться магами за вашу глупость и нерешительность цитадель не намерена.

Я увела сферу подальше от опасной стаи и выпустила шхуну на свободу. Понаблюдала, как она решительно повернула к берегу, и тихонько вздохнула. Сегодня у их семей на столе будет соленая рыба.

– Идем домой, – объявил Эстен и зачем-то объяснил: – Наша смена уже полчаса как закончилась.

Вернувшись на базу, я сразу отправилась в свой отсек переодеваться. И уже через три минуты стояла в порталном кружке и набирала код родного дома, больше всего желая как можно скорее окунуться в его мирное, размеренное спокойствие.

Даже воинам – а может быть, им больше всех остальных, – хочется иногда забыть про все тревоги и беды окружающего мира, поверив в его доброту и безмятежность.

Глава семнадцатая

День начался именно так, как я любила.

С распахнутых навстречу летнему теплу окон, с легкого ветерка, шевелящего кружево занавесок, с ароматного чая, румяных пирожков и булочек всех мастей, горками возвышающихся в вазах.

Я сидела за столом в высоком отцовском кресле, верная детской традиции беречь его место, пока он в отъезде, и наслаждалась домашним теплом и уютом с жадной путника, три месяца пробиравшегося дикими тропами.

Бабушка Манефа устроилась напротив, пила чай, смешно отливая понемногу на блюдечко, и внимательно слушала мой рассказ о событиях минувшей ночи. И о тех новостях, которых пока не знал никто в королевстве.

Рассказывать ей было приятно и интересно, она понимала мое возмущение и обиды с полуслова, охала и радовалась именно там, где я от нее этого ждала, и смотрела на меня с восхищением, какого мне так не хватало после отъезда родителей. Я давно уже, еще с тех пор когда мечтала о внимании старшего принца, поняла одну важную вещь. Человеку просто необходимо, чтобы его понимали и хоть изредка им восхищались. Или хотя бы хвалили. Тогда у него прорезаются крылья и готовность терпеть любые разлуки, обиды и разные неприятности. – Ваша милость, письма. – Новая горничная, аккуратная и учтивая, поставила возле меня поднос с конвертами.

– Унеси в кабинет, – велела я, стараясь даже краем глаза не смотреть на внушительную кучку, поверх которой лежал синеватый конверт с золотым тиснением. – Разберу в свободное время.

– Но посыльный предупредил, что это письмо нужно прочесть немедленно, – виновато хмурясь, пролепетала она.

– Никогда не спорь с хозяйкой, – строго прикрикнула на нее бабушка. – Не видишь, у ее милости руки в креме? Вот позавтракает, умоется и прочтет. Ступай.

Я мгновенно сунула палец в крем и со вздохом напоказ облизала.

Горничную как ветром сдуло, а Манефа лукаво улыбнулась и подлила мне чаю.

Позавтракав, мы перебрались на южную веранду, помогать кухарке, затеявшей земляничное варенье, перебирать ягоду. Сообразительная женщина тут же убежала спасать пригоравшие пироги, а мы с бабушкой, подвинув ближе широкую корзинку, принялись за работу. Земляника была лесной, купленной у деревенских ребятишек, сбегавших в лес по холодку, и потому мелкой. Зато невероятно душистой и сладкой, и далеко не все ягоды попадали в медный тазик. Бабушка лакомялась наравне со мной, успевая спрашивать о волнующих ее вещах и слушать ответы. Особенно ее заботили переселенцы с Харгедора: вопрос, чем они будут зарабатывать, был главным в череде остальных.

– Цитадель все просчитала, – пояснила я. – Если им отдать пустующие земли на западе, они и себя прокормят, и в города будут продавать излишки, поэтому цены на некоторые продукты станут ниже. Купцы, конечно, не обрадуются, но их небольшие убытки сполна покроет спрос новичков на инструменты, ткани и посуду. Во всех случаях цитадель будет следить и помогать всем, чем сможет.

А могла она очень многое, и Манефа знала это не хуже меня, потому и кивнула одобрительно. Время близилось к обеду, и уже устав от земляники, я собиралась пойти погулять у фонтанов, но прибежавшая служанка сообщила, что прибыли посетители и просят их принять.

– Переодеться бы? – засомневалась, оглядывая подол простенького муслинового платья с узором из редких синих цветочков, между которыми виднелось несколько брызг земляничного сока, но решила, что не стоит.

Я в гости никого не приглашала и не ждала, а потому наряжаться не обязана.

– Зови.

– Сюда? – осторожно осведомилась горничная, и я поняла, что мне снова не повезло и прислугу придется менять.

Слишком глубоко засели в ее мозгу вычурные, лицемерные правила и порядки столичной знати, где она служила раньше. А в нашем небольшом городке, одном из двух, подчиняющихся герцогу Таринскому, жизнь намного проще, хотя до столицы отсюда полдня езды.

– А куда же еще? – с укором глянула на нее Манефа, и девчонка исчезла так поспешно, словно имела порталный амулет.

– Мира и достатка этому дому, – учтиво произнес от дверей первый гость знакомым до мельчайших интонаций голосом.

Широко распахнув от изумления глаза, я взглянула на него и поразились еще сильнее. До сих пор никогда еще мои напарники не появлялись здесь в это время, тем более вдвоем, к тому же разряженные, как на бал.

И если судить по кружеву манжет и алмазам на поясах и ножнах, именно туда они и собрались, нехотая вспомнив про королевский прием, сама ответила я на свой же незаданный вопрос.

– Мира и спокойствия, – повторил Ренд... точнее, принц Райвенд.

– Благодарим, ваше высочество, – с достоинством наклонила голову Манефа. – Спасибо за привет, ваша милость. Чудесный сегодня день, не правда ли? Но уже жарковато. Не желаете присесть, я прикажу принести холодных напитков?

– Спасибо... – Они дружно обошли стол с разных сторон и устроились по бокам от меня, беря в невидимые клещи.

– Хотите ягод? – Я подвинула ближе оставшуюся землянику, выбрала самую крупную, оборвала черешок и бросила ягоду в рот: – Мм...

– Пожалуй, я тоже останусь здесь. – Последовав моему примеру, Эст захватил целую горсть, пачкая соком белоснежные кружева.

– Не подлизывайся, я же вижу по твоей хитрой ухмылке, что вы пришли не просто поесть земляники. И кстати, ты должен сейчас сидеть возле своей Савиллы.

– Они рассорились, – предупреждающе глянул Ренд.

И это было неслыханной щедростью с его стороны, до сих пор друзья никогда не делились со мной такими секретами. Все, что касалось их личной жизни, всегда было под негласным запретом.

– А причина-то хоть важная? – бесцеремонно влезла в разговор бабушка, и я была благодарна ей за это.

У меня самой не хватило бы смелости задавать подобные вопросы.

– Причина? – Эст нахмурился, помолчал и нехотя сказал: – Она не хочет уходить со смотрин. Дала отцу клятву, что победит в отборе. Королева обещала помочь, она выкупила у кредиторов долги Филипа Тюаре и отдала ему расписки. Но взамен взяла с него слово дворянина, что Савилла выполнит все ее указания. Вся родня Сави уже видит ее принцессой, и компаньонки бдительно следят за ней, не позволяя разговаривать со мной.

– Еще бы, – сердито усмехнулась бабушка. – Из нищеты да сразу в королевский дворец.

– Я тоже не беден! – вскинувшись, сверкнул гордым взгляд Эстен.

– Но твоего состояния хватит только на жену и детей, – не впечатлилась его оскорбленной физиономией Манефа. – А они надеялись всей семьей пристроиться под крылышком у королевы. И пока не верят, что она уехала надолго. Все знают, какой неумный у нее характер и сколько хитрых задумок в запасе. Вот станет ей завтра на юге нехорошо, и вскоре окажется, что жить она может только во дворце.

– Вряд ли Альгерт поверит в такие хитрости, – мрачно буркнул Ренд, и я вдруг вспомнила, что говорим мы о его матери.

– Бабушка, – попросила Манефу, послав ей укоризненный взгляд, – неужели нет никакого способа убедить Савиллу?

– Уломать-то можно и медведя, – уклончиво ответила она, – да толку в том мало. С вечера уговорит, а утром она одумается, вспомнит про клятвы и совесть и от всего откажется. Или хуже того, сочтет себя предательницей родичей и что-нибудь над собой сотворит. Бывали и такие случаи. Самый простой способ – оставить ее в покое, но не молча, а растолковать все по-хорошему. И ждать, пока ты победишь в этом отборе. Вот тогда они сами ее Эстену на подносе и с бантом доставят.

– Не удастся ей ничего объяснить, – помрачнел еще сильнее Эст. – Они как тюремщики следом ходят, меня и близко не подпускают. Ренд их задержал, я пытался поговорить, но она трясется, плачет, ничего слушать не желает. Да и не хочу я никого на подносе и с бантом... Она должна сама решить, кто ей нужен. Я или родичи и Ренд. Может, Гина попробует ей объяснить, что Ренд все равно на ней не женится, даже если она победит? Хотя без королевы и леди Оттавии на этот счет можно не волноваться.

– Стало быть, верно я угадала, – печально вздохнула бабушка. – Вы примчались за Гиной. Нашли ей задание, неприятное и неблагодарное. Разочаровал ты меня, мальчик, я тебя взрослым воином считала, а в тебе еще детские привычки живучи – спихнуть важное дело на кого-нибудь из близких. Раз нет матери или старшего брата, то на друга или подругу.

– Манефа! – вмиг возмутилась я. – Ты что такое говоришь! А для чего тогда друзья, как не помочь в трудную минуту? И он не виноват, что никого из родни нет, а жить одному действительно нелегко. Когда не с кем поговорить, спросить совета, да хоть просто знать, что есть человек, которому безразличны твои беды!

– Все верно ты сказала, – кивнула она, и в прищуренных глазах мелькнула плутовская искорка. – Только вспомни, к кому сама побежала, когда тебе было плохо и обидно?

К наставнику и его жене, вот они – такие друзья, которые не предадут и не оттолкнут в трудную минуту.

– Бабушка... – я огорченно смотрела на нее, не находя слов и пытаюсь понять, ради чего она вспоминает самые обидные для меня моменты, – ты хочешь нас поссорить?

– Нет, – уверенно качнула она головой, – не хочу. Да и не так просто разорвать боевую дружбу. Но о том, что пора вам поговорить начистоту, а не плести за спиной у друзей интриги, могу сказать открыто и прямо. Они ведь по извечной мужской логике считают девушек дичью и пытаются орудовать испробованными методами. Ставить силки, готовить приманки и ловушки. И не понимают, что ты уже вышла из того наивного возраста, когда это действует безотказно. И не спорь! – прикрикнула Манефа на пытавшегося что-то сказать принца. – Иные женщины до старости наивны как подростки, падки на банальную лесть и дешевые комплименты. И никогда не поймут, почему раз за разом наступают на те же грабли. Удел у них такой. А некоторые девушки взрослеют быстрее других, и причины у всех разные. Немного сохраняют душевную ветреность сироты и те, кто всецело занят непростым ремеслом. Всегда серьезнее других – маги, у них от малейших ошибок зависит жизнь, и люди, взявшие на свои плечи заботу о более слабых.

– Леди Манефия! – не выдержав нравоучения, прервал ее Райвенд. – Вы, несомненно, правы в некоторых деталях, но не все знаете...

– Ошибаешься, мальчик, – с неожиданной силой стукнула сухим кулачком по столу Манефия. – Все я вижу и давно все знаю. И говорю в последний раз, ты выбрал неверный путь. Подумай об этом, пока не поздно. Элгиния очень честный и чистый человек, и с ней можно разговаривать только откровенно. Твой брат этого не понял и чуть не сжег ей сердце. Модена и Стайн с Альмиссой едва ли наизнанку не вывернулись, ее вытаскивая, а вас тогда рядом не оказалось. Я не скажу вслух того, о чем вы и сами хорошо знаете. Но сейчас идите на свой бал и спасайте своих подружек. Да не забывайте, что юные девушки – существа нежные и ранимые. И даже самые стойкие и терпеливые из них не могут все время себя к чему-то принуждать. Гинни тоже такая хрупкая девушка, и сейчас ей просто нужен отдых.

Несколько секунд они сидели молча, пряча взгляды, а я лихорадочно пыталась сообразить, чем можно сгладить подобную вопиющую бестактность бабушки. Хотя Манефа уже в том возрасте, когда людям прощаются некоторые чудачества и странности, но сейчас она перешла все допустимые границы сумасбродства.

– Извините, – наконец отмер Ренд, резко встал, ухватил за руку ринувшегося к нему Эстена и открыл почти такой же мгновенный портал, как мои наставники.

– Бабушка... – сумела я выдать лишь через минуту после их стремительного ухода, скорее похожего на бегство, – за что ты их так ненавидишь? Разве они сделали тебе что-то плохое?

– Ничего не сделали, цветочек мой лазоревый, – ласково улыбнулась старушка, и у меня появилось настырное желание проверить, а одна ли это женщина? Не подменяли ли ее пару минут назад на злющего двойника?

– Тогда зачем ты с ними говорила так грубо?

– А иначе никак нельзя было, – смотрела она на меня чуть виновато и снисходительно, как на малыша, которому приходится объяснять взрослые заботы. – Они ведь оба росли не в доверии, как ты, и приноровились жить по совсем другим правилам. Ни на кого не надеяться, никому до конца не верить... всех держать на расстоянии, своих планов и намерений никому не раскрывать, ничего прямо не просить, все нужное добывать интригами и хитростью.

– Ты сейчас говоришь о каких-то других людях, злых и пронырливых! А Эст с Рендом не такие... – не хотелось мне соглашаться, хотя некоторые черты были подмечены бабушкой очень верно.

– Не такие, – охотно согласилась она. – Они сумели остаться добрыми и честными мальчиками, но прячут это от всех под личиной. Под такой толстой невидимой броней, чтобы не пропустить ни ядовитых укусов придворных блюдолизов, ни безразличия родни. Хотя герцог Таринский вовсе не равнодушен к сыну и старается снабдить Эстена всем самым лучшим, но втайне, чтобы не слушать упреков жены. А Ютенсия хоть и любила сына, но деспотичной любовью эгоистки, которая желает видеть предмет своего обожания покорным, как дрессированная собачка. Поэтому обоим юным лордам пришлось отвоевывать себе уважение и свободу с боем, и я говорю не про ваши походы на Харгедор. Но в этих битвах закалились их мужские характеры.

Лишь одно они пока делают неверно – не стараются... вернее, не решаются отбросить прежние привычки и предрассудки.

– Ну так ты сама сказала, что это жизнь заставила быть такими! – подумав, возразила я. – Чего же тогда от них требовала?

– Недоверчивым людям трудно вдруг начать полагаться на других, – согласно кивнула бабушка, – но само по себе это не беда. Самое страшное, когда чрезмерная осторожность мешает понять самых дорогих людей, открыться им, и даже может навсегда сломать жизнь. – Мне непонятно, о чем ты говоришь, – призналась я, обдумав ее слова. – Ты не могла бы привести примеры?

– Не могу, лапонька. Я свое слово всегда держу, ты сама слышала, как я пообещала не открывать их секретов. Могла только подтолкнуть, а объясняют все пусть сами. Но если я верно рассудила, то один из них придет еще сегодня... не ведаю лишь когда.

Я смотрела на нее ошеломленно, пытаюсь понять, не шутка ли это? И зачем Эст пойдет сюда, если во дворце, просто кишасщем ради праздника придворными ловеласами, бравыми гвардейцами и важными лордами, падкими на юных прелестниц, у него останется любимая девушка? А Ренду тем более нечего тут делать в такой знаменательный день, когда брат празднует одновременно коронацию и помолвку.

Скорее всего, бабушка ошибается, но говорить ей об этом я не стану, незачем расстраивать старушку. Наоборот, подыграю, пусть ей будет приятно.

– Тогда придется идти менять платье и заодно умыться, у меня от ягоды руки липкие, – покладисто объявила ей и отправилась в свои комнаты.

И действительно переделалась – в светлое и легкое летнее платье без рукавов, но с пышной шифоновой пелеринкой в цвет оборкам юбки. Украшала ее крохотная атласная розочка, которую я сменила на живой белый бутон. Волосы заплела свободной косой и уложила пышной короной, оставив лишь несколько кокетливых локонов. И только в тот момент, как начала аккуратно подкрашивать губы нежно-розовой помадой, вдруг отчетливо осознала, что наряжаюсь старательно, как для встречи гостей.

Хотя никаких гостей не будет, я же это точно знала. Но стереть помаду с губ, а пудру со щек, предательски алеющих от предвкушения, все же не решилась.

Так и сидела в своем кабинете, перебирая от безделья кучу накопившихся писем и с тоской думая, где взять хорошего секретаря. Лучше всего женщину, не очень молодую, серьезную, сообразительную, ответственную и честную, чтобы можно было доверить печать и не оказаться в новой ловушке. Но где же такую найти? А других мне не нужно.

Синеватый конверт, какие рассылала только королевская канцелярия, гордо лежал в сторонке, притягивая и в то же время отталкивая. Хотелось прочесть послание и убедиться, что меня и в самом деле позвали на коронацию, и в то же время в сердце закрадывалось подозрение, что в письме может быть просьба посидеть сегодня дома и не тревожить душу гордой королевской невесты. И я с одинаковым пониманием отнеслась бы к любому варианту, но не хотелось оказаться в глупом положении.

Ведь нет смешнее и глупее человека, рьяно отказывавшегося идти на прием, куда его заранее попросили не приходить?

– Гиночка, красавица моя, что же ты сидишь тут в духоте, когда в саду так хорошо? –

Появившаяся в кабинете Манефа мгновенно развеяла все мои сомнения и тревоги.

– Пытаюсь письма разобрать, – вздохнула я утомленно и вдруг сообразила, что искала секретаря абсолютно не там. – Манефа, а у тебя случайно нет подходящей женщины на место секретаря? Или экономки, но письма разбирать – ее обязанность. Мне хочется женщину не очень молодую, спокойную и надежную. Скоро я буду почти все время проводить на Харгедоре, и нужен человек, которому можно доверять.

– Я подумаю, – кивнула она. – Может, и найду. А пока сама разберу, а ты иди гулять. Садовник говорит, там начинает спеть твоя любимая ранняя груша медовка.

– Правда? – обрадовалась я и воспользовалась случаем улизнуть от злосчастного письма.

В саду было тенисто и прохладно, струилась по желобам стекавшая из пруда светлая вода, зеленела коротко стриженная бархатная травка, что-то лениво высвистывала невидимая в кроне пичуга. Я добралась до раскидистой, высокой груши и убедилась, что садовник был прав: некоторые плоды уже призывно желтели сквозь гляцевую листву. Но все они почему-то росли

на самых верхних ветвях, а те, которые я могла бы сорвать, оставались пока темно-зелеными и жесткими, как камни.

Несколько минут я ходила вокруг груши, прикидывая, как лучше поступить. Сходить переодеться и влезть на дерево или попытаться достать несколько плодов маленьким щитом. Второй способ, несомненно, был проще и быстрее, но меня мучили сомнения. Сумею ли я отсюда выбрать самые спелые груши и не оборвать заодно половину урожая, нанеся сердцу старого садовника непоправимый урон? Был и третий способ, но он требовал значительных затрат магии. Хотя... Стай ведь пообещал забрать меня на Харгедор пораньше? А там запас энергии восстанавливается намного быстрее.

Не сомневаясь больше ни секунды, я сотворила узкий и высокий купол и забросила себя на его вершину, не забыв создать перила, как для Ренда. Вот теперь усыпанные плодами ветви были рядом, только протяни руку, и я принялась обрывать самые спелые груши в прихваченную корзинку.

– Гина, ты что там делаешь?! Неужели в вашем доме больше некому залезть на дерево?! Я потрясенно смотрела на младшее высочество, возмущенно взиравшее на меня с дорожки, и пыталась сообразить, по каким признакам бабушка догадалась о его приходе.

– Гина? – Райвенд подходил все ближе, и я начинала понимать, какую картину он видит. Меня, висящую меж довольно тонких и хрупких ветвей.

Похоже, сбор фруктов пора прекращать.

Воздушная лапа уверенно подхватила меня и поставила на травку вместе с корзиной, в следующее мгновение растаял не нужный больше купол. А потом смерчем налетел встревоженный Райвенд, схватил меня на руки и куда-то потащил. И лицо у него при этом было таким обеспокоенным, словно на нас с трех сторон шли кабаняки, винты и коты.

– Ваше высочество, – учтиво, как на приеме, произнесла я, – не будете ли вы так любезны поставить меня на травку?

– Головой ударилась? – на миг замедлил он шаг и нахмурился еще сильнее. – И как тебя только угрозило туда ползть?..

А потом помчался еще быстрее.

– Ренд! – рывкнула я и создала круговую непроницаемую защиту, осознав, что сейчас его больше ничем не остановить. – Я ничем не ударялась и не падала!

– Я сам видел! – Он уперся в невидимую преграду, попытался ее обойти и наконец замер, прижав меня к щиту и сердито сверкая глазами.

– Это был купол. Такой, на каком ты стоишь в бою. Только маленький, – терпеливо объясняла я, вглядываясь в нахмуренное лицо друга. – А теперь отпусти меня, а то груши помнутся.

– Ты могла сразу сказать про щит? – не спешил он выполнять мою просьбу.

–

Сразу

я с него спустилась. – Оправдываться не хотелось, но командир тревожился за меня всерьез, и неожиданно это тронуло до глубины души. – Ты же знаешь, я всегда действую по первому намерению.

– Только не знал, что ты изводишь магию на щиты, – вздохнул он, и я мгновенно убрала защиту.

Ренд был прав, не стоило тратить столько энергии.

– Ну, теперь ты меня отпустишь?

– Может, все-таки донести до беседки? – учтиво осведомился напарник, но в его голосе скользнула незнакомая горечь.

– До какой? – завертела я головой. – Так это же далеко! Я и сама дойду. А ты можешь взять корзинку.

Он как-то криво усмехнулся, поставил меня на траву, забрал корзину и не оглядываясь направился к выбранной беседке. А мне ничего не оставалось, кроме как брести позади, недоумевая и злясь.

Вот ради чего он пришел, спрашивается, если даже не желает со мной разговаривать? Или... нам предстоит беседа на какую-то неприятную тему? Но на какую? О новом короле? Об Эстене? Или Ренд задумал какую-то интригу?

Напарник прошел в беседку, постоял секунду, оглядывая накрытые ковриками и покрывалами широкие скамьи с удобными спинками, и сел в угол, даже не догадываясь, что именно этого я от него и ожидала. Двух последних лет мне с лихвой хватило, чтобы наизусть выучить каждый жест и не высказанное еще намерение командира.

Наблюдательность и умение предугадывать действия монстров и напарников – главные, необходимые защитникам качества. Без них очень трудно вовремя выбрать нужный щит и почти невозможно уберечь напарников от ран.

– Садись, – поставив перед собой корзинку, то ли пригласил, то ли велел лучник, хотя приказывать мне в моем собственном доме не имел никакого права.

Но спорить или артачиться я не стала, точно зная, что сгорю потом от любопытства, если он встанет и уйдет, так ничего и не объяснив. Просто подошла и села слева, на расстоянии вытянутой руки. Подложила себе под бок подушки, устроилась поудобнее и вытащила из корзины самую спелую грушу.

– Угощайся.

– Зачем ты полезла на купол сама? – Взяв плод, принц бдительно оглядел его и, вытерев о рукав, осторожно откусил.

– Не «зачем», а «почему». Просто рядом не было никого, кто не побоялся бы стоять на невидимом куполе и рвать груши. Но если бы мне сообщили, что ты придешь, то, несомненно, подождала бы тебя.

– Ты намекаешь на то, что я должен был предупредить о своем приходе? – поднял он бровь. – Хотя сама даже не читаешь королевских писем?

– Откуда ты знаешь?.. – вмиг насторожилась я и тотчас нашла сразу две лазейки, оправдывающие мою непочтительность к королевским конвертам. – Впрочем, ты прав. Мне неинтересны витиеватые поздравления, приглашения и признания в дружбе, которой никогда не было. В нашем доме их читают компаньонки и дворецкий, но я намерена взять секретаря. Так как сама в последнее время читаю лишь письма, посланные с магическими вестниками, они приносят по-настоящему интересные мне сообщения.

– Хорошо, – помолчав, кивнул Райвенд, – это ты объяснила. А почему не достала груши воздушной петлей или малым щитом? Ты же прекрасно это умеешь?

– Как выяснилось, умею, но недостаточно хорошо. – Я готова была объяснять что угодно, лишь бы отсрочить неприятную новость, в этом теперь не было никаких сомнений. Хорошие известия Ренд выкладывал сразу, буквально с порога. – Спелые груши слишком нежные, их нельзя ни сжать посильнее, ни уронить. К тому же они растут рядом с еще недозрелыми, а те нужно постараться не сбить.

– Почему?

– Так ведь они еще поспеют, попозже. Этим и хороши большие деревья: плоды спеют неравномерно, и можно почти три декады каждый день кушать свежесорванные.

– Да? – Принц изумился вполне искренне. – А я этого не знал.

А вот я уже давненько подметила, что наш сообразительный и находчивый командир иногда не знает обыденных вещей, известных, как мне казалось прежде, каждому человеку. В первый раз это произошло, когда я прихватила в поле горячие пирожки, только что нажаренные кухаркой Альмиссы. Тогда нас еще посылали в самые спокойные квадраты, и в ожидании появления монстров мы успевали перекусить.

– Какие странные печенья, – сказал тогда Ренд. – Я таких никогда не видел.

– Это пирожки, – объяснили мы с Эстом в два голоса.

– Нет, – уверенно возразил лучник. – Пирожки я ем каждый день, они совсем другие.

После жаркого спора мы объяснили напарнику, лица которого я никогда не видела, что пирожки бывают печеные и жареные, и он, судя по всему, ел только печеные. Если бы я в те дни задала родителям или всезнающей Манефе вопрос, как такое может быть, то узнала бы, что жарить пирожки на сковородах настрого запретила ее величество, невзлюбившая их так же яро, как и меня.

И вполне могла сообразить еще два года назад, с кем хожу на монстров.

– Тебя просто не допускали к сбору плодов, – сочувственно улыбнулась я, и друг снова помрачнел.

– Меня много куда не пускали, – фыркнул еле слышно и с досадой стиснул губы. Но почти сразу взял себя в руки, подавил вздох и неожиданно очень серьезно произнес: – Я давно хотел тебе сказать, но откладывал...

Мне вдруг стало очень страшно. Таким – тихим, строгим – тоном он всегда объявлял самые дрянные новости, вроде сообщения о том, что нас окружили три стаи кабаняк, а болты у него остались только легкие. Но сейчас мы не в поле, и монстров тут не бывает... но могут найтись самые неожиданные несчастья вроде тех, что так щедро сыплются на меня в последнее время. Необходимо было что-то срочно сделать, чтобы избежать этой беды. Например, вспомнить про неотложное дело или почувствовать себя плохо. А лучше всего и вовсе упасть в обморок, отсрочив плохие вести дня на два... или навсегда. А я сидела и упорно грызла грушу, зная, что Ренд мгновенно раскусит подобные уловки и потом всегда будет посматривать на меня презрительно, как на попавшихся на мелкой лжи фрейлин.

– Но теперь молчать больше нельзя... да и бабушка твоя...

– Вот вы где! – прервал ненавистное мне объяснение голос учителя, и я послала горячую благодарность всем богам всех храмов за своевременное спасение. – Ренд, ты очень кстати. На Харгедоре объявлено чрезвычайное положение, на городок Мезот напали полчища крысаков. Все наши уже там, но щитов не хватает.

– У меня резерв не полностью, – поспешила я предупредить учителя, но он отмахнулся:

– Не важно, возьмешь накопители. Мы к подобным нашествиям готовились. И еще два года назад предложили харгедорцам начинать перебираться к нам. Но люди ведь упрямые: пока не прочувствуют беду на своей шкуре, никому не поверят. Готовы? Идем.

Глава восемнадцатая

Портал привел нас на базу, и я помчалась переодеваться, но краем глаза успела заметить мелькнувшую во взгляде напарника тоску.

И невольно думала о нем, пока небрежно швыряла в шкаф нарядное платье и натягивала самую легкую броню. Ведь идем мы не в поле, и мне придется много двигаться.

Но все посторонние мысли исчезли, как зыбкий утренний туман, едва мы оказались на месте.

Ночной городок, охваченный ужасом и паникой, – не самое лучшее место для размышлений над секретами и загадками, даже если они связаны с самыми близкими людьми.

Меня с рук на руки передали магистру Ларенту, занимавшемуся восстановлением уничтоженной монстрами городской защиты, и он тотчас выдал мне сумку с амулетами и большой накопитель.

– Задание простое, – помогая застегнуть усыпанный камнями пояс, торопливо пояснил Ларент. – Начинаешь с любого восстановленного куска и идешь вдоль стены в ту сторону, где защита прорвана, пока не столкнешься со встречным отрядом. Потом ищите новую прореху. Я лишь скептически усмехнулась – действительно, как просто-то. Если не знать, что через незащищенные стены оголтело прут голодные твари, а вокруг мечутся, разыскивая близких, обезумевшие от горя и неожиданности жители.

– Отряд поведу я, – раздался уверенный голос Ренда, и из темноты к нам шагнул принц, неизвестно когда успевший нацепить свою непроницаемую серебристую маску.

На душе сразу стало теплее и спокойнее. Самой сложной частью задания для меня была необходимость ходить по этому хаосу с незнакомыми воинами.

Спорить хмурые младшие маги, вооруженные жезлами и мечами, не стали, послушно выстроились вокруг нас. Но Ренд, бросив в ночное небо яркий летучий светлячок, сделал мне знак, приказывающий закрыть отряд малым куполом и отправить его наверх.

– А как нам их бить? – обнаружив мой щит, проворчал один из магов и получил ледяной ответ командира:

– Как обычно. Этот купол пропускает направленные на монстров удары. Внимание! Вижу несколько тварей.

Тонко блеснув, прыснули вперед смертельные молнии болтов, и тьма перед нами взорвалась громким писком раненых крысаков. Я ускорила движение щита, и мы оказались перед шевелящейся серой кучкой кого-то доедавших монстров.

– Ренд! – ахнула невольно. – Там человек!

– Лошадь, – хмуро отозвался он, продолжая осыпать крысаков болтами. – И ей уже ничем не помочь.

– Среди людей жертв мало, – яростно полосую живую кучу длинным клинком, пояснил старший воин. – Стража успела подать сигнал. У многих дома охраняются амулетами, а для бедноты мы давно приготовили защитные убежища. Некоторые там ночевали постоянно, в последнее время крысаки рыскали под стенами огромными стаями...

– А перебираться к нам отказываются? – продолжая расстреливать монстров, непринужденно беседовал принц.

«И откуда только разговорчивость такая появилась? – отстраненно усмехнулась я, продолжая неуклонно шагать к стене. – Недавно, помнится, полчаса мялся, но так и не объяснил, ради чего приходил».

Между домами мелькнуло светлое зарево то ли пожара, то ли костра, и, спеша выйти к тому месту, я вмиг забыла про свои личные дела. Вскоре перед нами распахнулась небольшая рыночная площадь, за которой поднималась городская стена. Неподалеку от нее горел костерок, вокруг которого сидели какие-то люди, а чуть дальше, под присмотром пятерки воинов, маг в серебристой форменной броне возился с охранным амулетом.

– В какую сторону идешь? – окрикнула, не доходя до него несколько шагов, и он стремительно оглянулся:

– Гина! Вот это повезло.

– Чем? – резко вмешался в разговор Ренд.

– Никак не успеваем замкнуть защиту, – удрученно пожаловался не заметивший этого Пагерт, – маловато нас. Пока растянем с одной стороны города, с другой твари как лавина врываются. А сильные заклинания использовать нельзя, по подвалам и чердакам жители прячутся. Иди влево, там большой кусок свободен, я тут закончу, приду.

Влево так влево. Влив свой щит в активированную Пагертом защиту, я почти побежала вдоль стены, ища бронзовые ячейки для амулетов. Знакомая и привычная работа, давно доведенная до автоматизма. Открыть крышку, вынуть пустой амулет, сунуть взамен заряженный, активировать, растянуть щит выше стены и, продолжая его держать, бегом двигаться к следующему.

Не забывая поглядывать под ноги и по сторонам, чтобы не нарваться на стаю тварей.

Ренд легко бежал рядом, стараясь держаться хоть на шаг впереди, и вскоре перехватил у меня часть работы. Теперь именно он открывал ячейки и забирал использованные амулеты, оставляя мне лишь установку. Дело пошло быстрее, и одетые в тяжелую броню воины, прежде успевавшие перевести дух, пока я возилась с очередной ячейкой, пыхтели все громче.

– Можете идти потише, – на миг оглянувшись на них командир. – Под стеной щит уже работает.

– Нет уж, – тяжело дыша, отказался старший. – Вдруг на монстров выскочите...

Дальше договаривать он не стал, сберегая силы, но мне и так все уже было понятно.

Разделиться в подобных условиях – действительно не самое умное решение. Но и от запаленных бегом магов тоже толку мало, и прикинув, что мне проще сделать, добавить им сил или дать немного отдохнуть, я выбрала второе. Создала щит-сеть, собрала в него бойцов и, подняв, как в сфере, над выложенной камнем отмосткой стены, потащила за собой на воздушном поводке.

Сил такая невидимая корзина почти не отнимала, ведь я тащила только сам щит, весивший не больше детского надувного шарика. Остальное несла магия.

– Эй-эй! – беспокоились маги. – Гина! А тебе не трудно?

Ренд на миг оглянулся, и они резко стихли, но когда я сумела на него посмотреть, с виду был совершенно спокоен и невозмутим.

Проклятая маска. Никогда не знаешь, что он думает и чувствует на самом деле. Хотя иногда движения его полного особой грации тела очень красноречивы... иначе маги не поняли бы невысказанный им приказ помалкивать.

«Он ведь всегда был в ней...» – вдруг некстати вспомнилось мне.

С самого первого раза, когда Эст объявил, что теперь вместо Лазарта с нами в поле будет ходить его друг. Ренджер, а коротко – Ренд. Я еще, помнится, пошутила: «Меч» – от слова «мечник», «щит» – от слова «защитник» и «лук» – от слова «лучник». Но спорить или требовать объяснений не стала, я всегда считала, что друзьям нужно верить безоговорочно. Иначе они не

друзья. Кто угодно – приятели, сотрапезники, попутчики или соратники... не важно. Друг – это как брат, может спорить и обижаться, ошибаться и сердиться, но никогда не предаст и не обманет.

А Ренд, выходит, меня обманывал? Или все же просто не допускал в свои тайны? Ведь это совершенно разные вещи. У каждого человека есть в душе такие закоулки, куда не хочется пускать абсолютно никого и никогда. Там хранятся нерасцветшие цветы невстреченной любви, разбитые надежды и смешные, но от этого не менее острые детские обиды.

Возможно, и у него был такой уголок, и если я правильно рассуждаю, именно один из этих секретов Ренд собирался мне открыть. Но теперь я категорически не желала это знать. Потому что очень боялась разочароваться в друге. Пусть он немногословен и суров, скрытен и категоричен в суждениях, зато надежен и умен, хладнокровен, внимателен и заботлив. И хоть и без извинений, но признает свои ошибки и старается загладить... иначе с чего бы вдруг начал так настойчиво отнимать у меня мою работу?

– Гина! – Сердитый шепот оторвал меня от этих рассуждений и монотонных, привычных движений. – Ты меня слышишь?

– Да, – ответила честно, глядя в то место маски, где должны быть его глаза. – Но раньше не слышала. Задумалась.

– И о чем только можно думать в такой обстановке? – возмутился напарник.

– О тебе. Точнее, о том, как ненавижу эту маску, – наконец-то сложилось в слова чувство, которое исподволь отравляло мне настроение в наших вылазках.

Ренд заметно подавился приготовленным нагоняем и ничего не говорил еще минуты две, только бежал теперь на два шага впереди, не давая сократить дистанцию.

Но когда я ставила очередной амулет, вдруг словно невзначай спросил:

– И давно?

– С первой минуты.

– А почему молчала? – Отступив, принц пристально рассматривал мое лицо сквозь непроницаемую извне маску.

– Всем воинам и магам следует уважать анонимность знатных лордов, решивших пойти в наемники, – ответила я пунктом из правил базы.

Ренд снова надолго смолк, и я уже начала забывать об этом разговоре, к тому же продольная улица, вдоль которой мы двигались, закончилась возле угловой башни. После нее пошли склады и небольшие торговые площади, куда выходили освещенные фонарями улочки и переулки. Отряды воинов и магов, зеленые палатки целителей и коричневые полевые кухни стали попадаться все чаще – видимо, мы подходили к центру.

– Гина! – заволновались сидящие в сфере воины. – Отпускай нас, мы отдохнули.

– Как хотите, – фыркнула в ответ и, посадив спутников на каменную скамью, развела щит.

Сделала еще несколько шагов и вдруг почувствовала, как напряглась, натянулась полоса только что активированных мною щитов.

– Назад! – крикнула, разворачиваясь, но тут же вспомнила про Ренда и команду, мигом собрала всех в сферу и, подняв ее над щитами, помчала по ним, как по дороге, ища взглядом серую лавину монстров.

Но ее пока нигде не было видно, хотя щиты по-прежнему гнулись, словно под тяжестью стада кабаняк. И это было очень странно и абсолютно неправильно. Мне много раз доводилось наблюдать, как нападают крысаки, никогда не бегущие по головам друг друга, пока не запахнет едой. Они всегда шли широким фронтом, бдительно отслеживая все попадающиеся на пути предметы, готовые в любой момент свернуть в нужную сторону.

– Что случилось? – Ренд уже стоял у меня за спиной, держа наготове боевой посох, выпускающий разом по сотне мелких магических игл. Они были настроены на тепло и ауру мелких животных и потому никогда не промахивались и не попадали в людей.

– Щиты, – рассеянно проворчала я, спешно добавляя защите новые и новые порции энергии. – Гнутся, как будто три сотни винтов лезут... но никого не видно...

– Гаденыш! – с внезапной яростью прошипел напарник и выхватил из-за пазухи незнакомый мне амулет. – Не спеши... чуть левее, еще... вот он... под невидимостью.

Закинув за спину висевший на шнуре посох, принц мигом снял с плеча арбалет, прицелился и выпустил в совершенно пустое место несколько легких болтов.

Сначала раздался тонкий, оглушительный визг, и мне показалось, будто Ренд подстрелил какого-то неизвестного прежде монстра. Но вслед за этим начали сами собой выправляться и набирать силу щиты, давая возможность перевести дух и осмотреться. Первым делом я увидела темные капли, словно ниоткуда возникающие на желтоватых плитах песчаника; потом, как бы собираясь из тумана, начали темнеть крепкие ноги в фасонных сапогах; и наконец возник край легкого доспеха, в котором я с ужасом узнала форму наемников цитадели.

А затем появились руки, лихорадочно крутящие очень непростой и недешевый амулет.

– Что произошло? – Мои недавние пассажиры, незаметно взяв нас в клещи, очень подозрительно смотрели на Ренда.

– Это диверсант, – резко прикрикнула я на старшего. – Пришел под невидимостью и пытался прорвать поставленные мной щиты, но не догадывался, что я их еще держу.

– Кому вы верите? – Из тумана окончательно вылепился плотный мужчина средних лет и с презрением уставился на воинов. – Девке пропойцы Альгерта?

Больше он ничего сказать не успел – Ренд метнулся вперед безжалостной молнией, нанес несколько стремительных ударов, и диверсант свалился нам под ноги безжизненным мешком.

– Сдай оружие, собрат, – строго приказал командир наших охранников. – Иначе мы вызовем старших магистров.

– Я сам их уже вызвал, – холодно рявкнул Райвенд и уставился на беспомощно повисших в воздухе спутников, спеленатых непроницаемым щитом. – Зря ты их так, Гина.

– Ничего с ними не случится, – во мне ключом кипели обида и ярость, – целее останутся. Им вообще нельзя доверять такие задания, раз не умеют разбираться в людях и в ситуации.

– Более опытных не хватает, – вздохнул принц. – Приходится выпускать в поле подмастерьев и даже учеников. А тот тип мне знаком – один из помощников градоначальника, имеет небольшие способности на уровне ученика, благодаря им и попал на это место.

– Но амулеты у него не по чину, – заметила я, разглядывая валявшуюся на камнях вещицу. – Значит, он не одиночка.

– Так ведь боятся, дураки, уходить с Харгедора, вот и создают разные отряды и тайные команды. – Принц говорил с досадой и незнакомой мне жалостью. – Думают, если отправят простолюдинов на Тезгатор, а сами соберутся в Кархенте, то переживут нашествие монстров. А когда те сожрут друг друга, то поделят золото и баронства.

– Дурацкий план. – Создав подкрашенную синевой воздушную скамью, села на нее и приглашающе кивнула Ренду: – Отдохнешь?

– Уже идут...

Договорить он не успел – рядом открылось окно портала, и оттуда выскочили Стайн с Ларентом.

– Что у вас?

– Гина почувствовала диверсанта – рвал поставленный ею щит, – сухо отчитался Ренд. – Я его отследил и слегка ранил, чтобы снять невидимость. Но он попытался сбить с толку воинов, пришлось усыпить.

– А их? – кивнул в сторону наших притихших спутников Ларент.

– Пытались нас арестовать и разоружить, – буркнула я. – Вот и сунула в мешок.

– Людей не хватает, – огорченно повторил Ларент слова принца. – Почти необученных в городах держим. Ну, вояки, какие у вас претензии к собратьям?

– Так ведь велели подчиняться ему, – старший кивнул в сторону диверсанта, – в случае чего.

– Кто велел? – прищурился Стайн.

– Градоначальник.

– Проверим. Но вы слушаетесь только магистров цитадели. Отпусти их, Гина, и получи новый амулет. Недавно передали из цитадели. За спасение тех наемников ты получаешь звание мага третьей ступени. Поздравляю, ученица.

– Спасибо. – Я брала холодный платиновый амулет бережно, как птичку, ведь следующим было звание магистра. – А ритуал?

– В цитадели. Сходим позже, как наведем тут порядок.

Воины хмуро стояли в сторонке, пока Стайн передавал мне новые накопители и указания:

– Вам навстречу идет Пагерт, как встретитесь, сворачивай на запад, к харчевне «Золотое блюдо», там большой прорыв. А он пусть идет к банку, начнет оттуда. Остальные прорывы

мельче. Как только защитники их закроют – пойдут отдыхать, они почти падают. А вам на помощь пришем первого щита, какой появится.

– Ясно, – кивнула я, одним махом собрала свою команду в сферу и помчала к тому месту, откуда пришлось возвращаться.

– Гина... – виновато пробормотал старший из охранников, когда магистры растаяли в предутренних сумерках. – Извини нас... кто ж знал...

– Раз не знаешь наверняка, то должен был подумать. Как бы мы его нашли, если он не трогал щитов? – холодно усмехнулся Ренд и еле слышно с горечью добавил: – И видел, с кем говорит. «Ну да, – сообразила я, – если бы Ренд был без проклятой маски, то помощник градоначальника вряд ли решился бы меня оговорить и попытаться улизнуть. И скорее всего, на подобный крайний случай у него было припасено какое-то средство или оружие, никто не ходит на такие дела с одним амулетом».

Может, все же принцам маски необходимы?

Долго размышлять на эту тему мне не пришлось: мы добрались до очередной ячейки и помчались дальше в уже привычном режиме. Теперь воины покорно сидели в сфере и больше не рвались совершать подвиги. Но когда мы наконец встретились с побледневшим, осунувшимся Пагертом, за которым тащились такие же измученные воины, Ренд невозмутимо предложил магу обменяться сопровождающей стражей.

В сторону харчевни мы мчались в сфере с новыми охранниками, неверяще ошупывающими ее невидимые, упругие стенки.

– А наш защитник так не умел, – тихонько вздохнул самый молодой.

– Научится, – веско заявил Ренд. – Магия всем дается по-разному. Но если упорно учиться и тренироваться, любой со временем может стать магистром. Сами по себе способности растут только в детстве.

И это было правдой. Но очень немногим хватало упорства и терпения день за днем повторять заученные действия, вызывая огонь, воду или воздушные потоки, чтобы когда-нибудь получить алмазный амулет магистра.

Глава девятнадцатая

Наставник не дал мне даже слова сказать, когда нашел нас возле места последнего прорыва. Сам торопливо поставил завершающий круг амулет, сам проследил за тем, как городок накрывает видимый только защитникам купол, и, решительно подхватив меня под руку, отправил в портал.

– Деспот, – оглядываясь, возмущенно пробурчала я и успокоенно выдохнула, рассмотрев давно знакомые и любимые вещи.

Больше всего не хотелось бы оказаться во дворце. Хотя здесь за окнами властвует глубокая ночь, там, в столице, сейчас вовсю идет веселье, а у меня нет ни сил, ни желания слушать звуки доносящейся до всех спален музыки, рвущийся в окна грохот салюта и непременно следующие за ним женский визг и взрывы смеха.

Далеко на востоке, в маленьком харгедорском городке, уже залитом щедрым солнечным светом и горькими слезами жителей, потерявших в ночной схватке близких и дорогих им людей, мне казалось, будто я еще полна бодрости и энергии.

Но здесь, дома, едва добравшись до умывальни, несколько минут сидела, глядя в уже налитую купель и придумывая хоть какую-нибудь причину, по которой сегодня можно туда не лезть. Все решило понимание, что утром все же придется отправляться на проклятый отбор, и на купание может не хватить времени. Поэтому зажмурила глаза и воздушной лапой решительно посадила себя в воду. А потом чуть не заснула в ней и выбралась только чудом или, вернее, благодаря натренированной обязательности.

А уже оказавшись в постели, неожиданно для себя вспомнила, как, провожая меня в портал, Ренд вдруг на миг снял маску. И лишь теперь с оглушающей отчетливостью сообразила, почему он до сих пор старался прятать от меня глаза.

Сердце облило ледяной волной, потом горячей. Сна как не бывало. Не помню, как вскочила и натянула пеньюар, как бежала по дому в кабинет отца.

Помню только, как удивилась, обнаружив, что в кабинете светло, а за большим письменным столом в отцовском кресле сидит бабушка. И перед ней лежит тот самый альбом, который мне так необходим.

– Так он тебе все-таки рассказал? – печально спросила она и подняла на меня утомленный взгляд.

– Не успел... – Я подтянула к себе альбом и заметила торчащие из него закладки.

Торопясь, рывком, распахнула на первой и замерла, дотошно изучая когда-то нежно обожаемое лицо старшего принца. Светло-русые волосы, гривой падающие на плечи, крупноватый прямой, породистый нос, слегка припухшие губы... и чуть прищуренные серые глаза в ореоле каштановых ресниц. Очень, почти до боли знакомые и абсолютно не его. Не моего любимого.

– Милостивые боги! – охнула я и отдернула руки, пытаюсь остановить, вернуть то мгновение, когда моя жизнь еще была безмятежной, как вода в пруду. – Не может быть...

– Я тут успокоительного чайку заварила, – Манефа ловко подсунула мне серебряный бокал, и я машинально сделала несколько глотков, – да сон-травы туда добавила. Тебе сейчас поспать нужно, сон – он все на свои места ставит. А утречком подумаешь, как поступить.

– Бабушка... – вздохнув, решила развееь ее надежды, – мне сегодня выдали новый амулет. Мага третьей ступени.

– Это замечательно, поздравляю, – засияла она праздничным фонариком. – Вот поспишь, а за завтраком и отпразднуем. Встану пораньше, велю кухарке твой любимый торт-мороженое сделать. И хрустящих вафель к нему напечь.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила ее, – но я не усну. На магов третьей ступени не действуют никакие зелья, кроме тех, какие они приготовили сами. Лучше объясни... как мне теперь жить?

– Так ты еще второй портрет не глянула, – резонно заявила Манефа.

– Зато его самого недавно видела – рядом, как тебя сейчас. И он впервые посмотрел в упор...

– Неужели прежде не сделал ни одной промашки? – непритворно изумилась она.

– Сама удивляюсь... – Я вернулась к столу, стиснула зубы и осторожно, уговаривая свое сердце не замирать пойманным зайчиком, приоткрыла второй портрет.

«Его высочество принц Райвенд», – было написано четким почерком со всеми положенными завитками.

И Ренд на картине был точно таким, как и положено принцу. В темно-синем, с фиолетовым отливом камзоле, белоснежный ворот рубахи сколот фамильной брошью, из-под которой выбивалось тончайшее кружево. Изящные длинные пальцы полускрыты такими же манжетами, а более темные, чем у брата, чуть выющиеся волосы собраны в строгий хвост, скрепленный черной бархатной лентой. Нет, на портрете ее не видно... но я точно знала, что она есть.

Лицо, на которое пришлось взглянуть, хотя я и оттягивала этот момент как можно дольше, – тоньше и выразительнее, чем у старшего брата, но не менее мужественно. А вот глаза у братьев почти одинаковые, но у Райвенда они больше и чуть вытянуты к вискам, а серый цвет темнее, насыщеннее. И еще у них разные ресницы. У младшего принца они черные и пушистые.

От этого глаза Ренда кажутся загадочными и колдовскими, как лесные омуты, и однажды в них утонула наивная шестнадцатилетняя дурочка.

– Нет! – резко захлопнув альбом, отскочила от стола и, схватив бокал, в два глотка допила настой.

– Гинни...

– Нет! Неправда! Я не могла так ошибиться!

– Гинни, послушай...

– Не хочу. Все это неправильно... и невероятно глупо. Просто я плохо рассмотрела...

– Пусть будет так, – покладисто согласилась бабушка. – Тем более ты его уже не любишь.

– Вот именно. Но мне одно непонятно... Манефа, ты же не маг и не дикая колдунья? Откуда же ты могла знать, что я сюда приду?

– Да не знала я, боги с тобой, цветочек лазоревый! Просто ждала тебя... уснуть не могла... и вдруг вспомнила... ты ведь его рисовала. Только не все лицо, а одни лишь глаза. А родители собирали эти листы и прятали, от беды подальше. Сжечь-то у них рука не поднялась...

– Где? – требовательно уставилась я на старушку.

– Вот... – Виновато вздохнув, она вытащила из-под себя толстую папку.

Я листала их торопливо, словно вокруг гудел яростный пожар, и не могла сдержать горестного стога. Все, буквально все мои лаконичные наброски походили на Альгерта. Но глаза были его младшего брата.

– Как такое могло случиться, ума не приложу, – рассмотрев несколько листков, сокрушенно вздохнула старушка и аккуратно вернула их на место.

– Зато я точно знаю... – Взвесив папку на руке, оглянулась на камин.

– Послушай меня, Гинни, – тихо попросила Манефа, – оставь картинки в покое. Это просто бумага, и поверь моему опыту, ничего плохого она тебе не сделает. Давай я спрячу туда, где взяла, тебе ведь они больше не нужны.

Посомневавшись несколько секунд, я нехотя отдала ей альбом и бдительно проследила за тем, как бабушка прятала его в самый нижний ящичек и запирала на ключ.

– Вот и умница, – с облегчением выдохнула она, справившись с этим делом. – А теперь идем, провожу тебя в спальню. И посижу рядом, как в детстве.

Я молча согласилась, это была наша маленькая тайна. Манефа спасла меня от боли и отчаяния, когда в одночасье не стало моей любимой бабушки. Просто пришла вечером в спальню и сказала, что любила сестру так же сильно, как и я, и потому мы можем помолчать о ней вместе. Или поговорить... если захотим. И мы молчали, а потом говорили. Обо всем и обо всех, а когда темы кончались, Манефа рассказывала сказки и тоненьким голоском тихонько пела старинные песни.

Но сегодня мне не хотелось лежать и слушать сказки, в душе кипела горькая обида, а голова пухла от вопросов, сомнений и подозрений.

– Но почему... скажи, бабушка, почему он ничего мне не сказал?

– Думаю, никак не мог, – печально, но уверенно заявила она. – И ты знаешь, что мне кажется? Ему ведь было намного хуже и обиднее, чем тебе. Он то ли пошутил, то ли случайно так вышло, а после столько лет крутится возле тебя, а признаться не мог. Ты же не поверила бы... да и какой прок, если уже по уши была влюблена в Альгерта?

– Ты считаешь... – Только теперь до меня полностью дошел весь ужас случившегося. – Но ведь он ухаживал за девушками...

– Чтобы отвести от тебя внимание своей матери. Но она, как мне теперь ясно, обмануть себя не дала. Да и докладывал ей все ее маг карманный, потому-то Юта точно знала, куда сын уходит каждую ночь. Вот за это она тебя так и ненавидела, а вовсе не за Альгерта. Это ты отняла у нее любимого сына и его внимание. А за Альгерта злилась его жена, и ее королева натравливала нарочно, чтобы растоптать тебя наверняка. Но про них нужно забыть, змеи с вырванным жалом не опасны. А обо всем остальном спокойно подумаешь завтра. Сейчас нужно спать, тебе ведь утром во дворец.

– Не пойду. Не могу. Скажи, Манефа... как мне теперь смотреть ему в глаза? Он ведь все знал. И на что-то надеялся...

– Вот утром об этом и поговорим, – решительно прервала она мои страдания. – Ложись и считай облака, только, чур, не лукавь.

Улыбнулась ласково и ушла, оставив меня следить за воображаемыми облаками, медленно проплывающими мимо центральной башни. И я выполняла это задание честно и старательно как никогда, чтобы случайно не отвлечься и не нырнуть в черный омут воспоминаний о фатальной ошибке.

Как я могла так обмануться?

Почему, вернувшись домой, не взяла тот самый альбом и не рассмотрела портреты королевской семьи? Хотя тогда они были другими, совсем юными и более похожими между собой... но ведь эта разница не появилась позже?

И как только додумались поменяться одеждой? Впрочем, о чем это я? Шутка, вполне достойная новогоднего карнавала.

Перед моим мысленным взором как наяву распахнул широкие двери огромный бальный зал королевского дворца, поплыли под сводами сотни крохотных разноцветных светильничков, отражающихся в зеркально натертом паркете. И кружащаяся по нему в танце толпа причудливо разряженных юных лордов и леди, на головы и плечи которых медленно опадали и таяли призрачно сияющие звезды и снежинки.

Сердце привычно защемило от воспоминаний о восторге и ожидании, завладевших мной на пороге этого зала. И о первом танце с незнакомым лордом, одетым пастушком, если, конечно,

пастухи носят шелковые рубахи и бархатные штаны. А потом были другие танцы, и я забыла обо всем, отдаваясь во власть чарующей музыки и общего веселья. Старший принц, выбравший костюм черного рыцаря, почти не танцевал, оживленно беседуя о чем-то со своим секретарем, но бдительно поглядывал в зал сквозь узкие прорезы черной с золотом маски.

Я не раз ловила на себе эти загадочные взоры, и они волновали и пьянили сильнее, чем легкое шипучее вино, которого юным леди, коим еще не повезло оказаться в числе дебютанток, этикет позволял всего один бокал.

Но когда, раскрасневшись от очередных комплиментов и просьб о свидании, выскользнула в полумрак закрытого балкона, вдруг попала в плен прохладных рук и мгновенно подняла ближний щит.

– Не нужно так пугаться, – насмешливый шепот раздался почти возле уха. – Я всего лишь хотел подарить вам это...

Моей руки коснулись нежные лепестки полураскрытой белой розы, до этого мига украшавшей плечо принца, а рыцарь пристально глянул мне в душу колдовскими глазами, опущенными стрелами черных ресниц, и настойчиво посоветовал:

– И не давайте пустых надежд юным лордам... тсс...

Он исчез так же незаметно, как и появился, а я, движимая неясным пока предчувствием, поспешно сунула подарок в вышитый жемчугом бальный кошель.

И вовремя: на балкон выплыла одна из фрейлин королевы, бдительно оглядела каждый уголок, потом меня и, недовольно скривившись, проследила, как я покидаю место, где на мое бедное сердце сокрушительной лавиной обрушилась первая любовь.

На глаза невольно навернулись слезы, и я заплакала, тихо и безнадежно. Но вскоре уснула, даже не заметив как.

А проснувшись утром и обнаружив, что солнце уже поднялось над садом и щедро заливает его жаркими лучами, не сразу вспомнила, что именно так огорчило меня ночью. Бабушка снова оказалась права: утром новые заботы, тревоги и дела решительно потеснили в моем сердце боль старых тайн, неожиданных открытий и уже прошедшей любви.

В столовой меня ждал обещанный слоеный торт из трех пластов разного мороженого, хрустящих вафель, с жареными орешками и охлажденной ягодой. Сверху он был полит густым желе из красной смородины и украшен шоколадной сеткой и ломтиками сваренных в меду фруктов.

Мне было отлично известно, сколько времени обычно возится с ним кухарка, и раз она успела вовремя, значит, Манефа встала затемно, чтобы помочь.

– Спасибо, – расцеловав старушку в щечки, благодарно заглянула в ее глаза, – я твоя должница. Хочешь, покатаю по саду на сфере?

– И не жалко тебе будет, если я испугаюсь и начну заикаться? – лукаво засмеялась она. – Нет, такие развлечения не для старушек.

– Тогда чего ты хочешь? – спросила ее, проглотив первый, бесподобный на вкус кусочек, примиривший меня со всеми печальми.

– Ну, даже не знаю... – притворно задумалась Манефа. – Сама придумай.

– Хитришь, – вздохнула я, допив чай, и расслабленно откинулась на спинку стула. – Все ты знаешь, только хочешь, чтобы я сама сообразила. А подсказать не можешь? Или добрый совет дать?

– Упаси милостивые боги! – замахала она сухими ручками. – Это самое неблагодарное дело.

Я после одного случая узелок на память завязала никому ничего не советовать и не подсказывать. Свои ошибки каждый должен делать сам. Я ведь не провидица и не могу точно обещать, что мои слова исполнятся. И если случайно промахнусь, то и подругу потеряю, и обвинений наслушаюсь.

– То есть мне ты тоже совета не дашь, – правильно поняла я ее намек. – Но к кому тогда идти? К Альмиссе или к леди Модене?

– Зачем к ним идти, скоро сами за тобой придут, – безмятежно успокоила меня бабушка. –

Утром письмо прислали. Кстати, секретаря я тебе нашла, к вечеру приедет. И еще... Мне нужно уехать, цветик мой. Но не смотри так несчастно, не рви старухе душу, это не сегодня.

– А когда?

– Завтра к вечеру. Но я буду тебе писать каждый день. Да и ты ведь магиня? Значит, сможешь навестить меня в любой момент.

– Это так, но как я буду без тебя сейчас... когда открылись такие тайны?

– Да ничего особого там не открылось, – как-то легкомысленно отмахнулась она. – Ты и прежде знала, что Альгерт на тебя внимания не обращает. Но теперь хотя бы ясно почему.

– Почему? – немедленно переспросила я.

– А сама ответить не можешь? – искренне изумилась Манефа. – Ты же все теперь знаешь и можешь сложить правильную картину. Тебя же Стай считает очень сообразительной.

– Да? – задумалась, глядя, как она неспешно кладет в рот маленькие кусочки торта. – Боюсь, учитель мне сильно польстил. Ничего понятнее не стало. Наоборот, как-то запуталось.

– Каждый клубок имеет начало, – глубокомысленно заметила Манефа. – Оттуда и начинают его распутывать.

– А! Ну так тот маскарад и был самым началом. Я решила, будто понравилась Альгерту, и мгновенно в него влюбилась.

Даже теперь, через четыре с половиной года, очень непросто было это произнести, а тогда я молчала как рыба на все расспросы матери и отца.

– Это всем известно. Но нас ведь интересует Райвенд? Ну, ради чего он изображал на балу брата, теперь я могу сказать с уверенностью, – прикрывал того от матери. Ты же сама мне поведала, что наследник упорно искал свою любимую, а для этого ему необходимо было незаметно исчезать из дворца. А с младшим он всегда ладил, и смерть отца их очень сплотила. Ну а самого Райвенда прикрывать не было нужды. Все знают, что с тех пор как принц увлекся асгардорской росписью, он все свободное время проводит в мастерской и никого туда не пускает, кроме старого слуги. А тот предан хозяину, как пес, – за последние пять лет ни разу не польстился на посулы и не дрогнул перед угрозами.

«А ведь действительно», – задумалась я. Об этом известно всем, только мне до этого времени и в голову не пришло связать увлечения младшего высочества с Рендом. Но взамен тут же возник новый вопрос:

– Зачем тогда он пришел за мной на балкон? Подарил розу и запретил отвечать на ухаживания лордов?

– Этот вопрос посложнее, но ты ведь помнишь, когда он подружился с Эстеном?

– Ну да, – уверенно начала я и резко смолкла.

Милостивые боги, и о чем только думала раньше?! Ведь до того знаменательного маскарада он уже полтора года дружил с Эстом, хотя я знала об этом лишь из случайно услышанных сплетен. Да и не интересовало меня в то время, с кем из лордов проводит время друг, с которым мы встречались не так уж часто. Иногда не виделись по две-три декады. Но ведь это не значит, будто принц ничего не знал обо мне?.. Нет, не мог он не знать. Помнится, я сама как-то обратила внимание Эста на молодого лорда, наблюдавшего за нами с мостика через ручей.

– А, это мой друг, – небрежно бросил тогда бастард, и я, успокоившись, тотчас забыла о незнакомце.

– Вот именно, – мягко улыбнулась Манефа. – А если припомнить, как ты сама описывала мне напарника, то можно уверенно сказать, что на жестокие шутки или действия он не способен.

– Это несомненно. Но почему тогда поступил так странно?

– Гинни, ты сегодня на редкость несообразительна! – раздался от дверей звонкий голос, и в комнату ворвалась Альмисса. – Каюсь, я наблюдала за вами целых пять минут, девичье любопытство никуда не денешь. Хочешь, за это буду отвечать на твои вопросы и расшифровывать подсказки бабушки Манефы?

– Я хочу понять, почему ты раньше не открыла мне глаза?

– Чтобы стать твоим смертельным врагом? Ну уж нет, я слишком ценю тебя и спокойствие твоих родителей. Ты ведь тогда за имя Альгерт могла убить как за знамя и никому бы не простила свержения идола.

– Фу, как мало ты меня знаешь! Тебе я никогда не смогла бы причинить и малейшего вреда.

– Зато перестала бы доверять маленькие тайны... Нет, это во всех случаях неравноценная замена. Так слушаешь ответ или будешь думать сама?

– Конечно, первое. Слушать тебя мне намного приятнее, чем копаться в собственных обидах и ошибках, – пошутила я и с ожиданием уставилась на ее милое, живое личико.

– Я рада. Значит, вы дошли до того, что Райвенд полтора года изучал тебя со стороны... хотя, может, и больше. Это известно лишь ему. И с его наблюдательностью не узнать тебя на том маскараде принц просто не мог. Ну и всех кавалеров, спешивших очаровать хорошенькую

нимфу, он, разумеется, знал как облупленных. И теперь мы можем только гадать, какое чувство заставило его тайком пробраться за тобой на балкон, рискуя попасться на глаза шпионкам королевы. Желание предупредить о коварстве придворных льстецов или обычная ревность? Но уж точно не намерение подшутить.

– Ревность, – выдала Манефа вердикт, как сам собой разумеющийся, и я резко повернулась к ней, ожидая объяснений. – Ну да, ласточка, судя по подарку, в тот день принц наконец осмелился открыть тебе свои чувства. Не думаю, что это решение далось ему легко. Он же умен и видел, как мать расправилась с возлюбленной наследника. И, конечно, сообразил, что королева и ему намерена выбрать жену по своему вкусу. Но тогда Райвенд еще не знал, что шпионы все уже разнюхали, сделали верные выводы, и Юта ждет лишь удобного момента отлучить тебя от двора. И потому все его старания сохранить свою тайну запоздали. Ну а про Альгерта... Судя по всему, к этому времени и он знал секрет брата. А его поступок на весеннем балу дебютанток можно пояснить по-разному. Может, хотел рассмотреть тебя поближе, а может, даже собирался убедить, что недостойн твоего внимания.

– А рассмотрел мою влюбленную рожицу и сбежал, – с невольным вздохом закончила я ее предположение.

– Но позже впервые восстал против воли матери и не дал ей вычеркнуть тебя из всех списков, – встала на сторону короля Альми. – И делал это вовсе не для себя. Ради твоей репутации и, несомненно, ради брата. Ренд неслабый маг и все время упорно учится. Неизвестно, какой погром он мог бы устроить во дворце, узнав про выходку матери. Тогда он, безусловно, еще верил ей, хотя уже не так безоглядно. Ведь любовь детей не исчезает мгновенно.

– Вы уверены, что все распутали, а не запутали еще больше? – обдумав их слова, с сомнением осведомилась я.

– Конечно, – светло улыбнулась мне бабушка. – Чего тут непонятного? Обычная человеческая история: кто-то не так понял, кто-то не то услышал или увидел, и события пошли вовсе не так, как задумывалось и желалось. Вот считаешь историю и в ужас приходишь, узнав, сколько в древности войн возникало из-за неверно растолкованной фразы, сколько счастливых семей распалось из-за сущего пустяка, оплошности, чужой записки или превратно понятого взгляда! Сколько тысяч детей росли без родителей из-за пустого подозрения отцов, как много городов пало из-за глупой ошибки одного человека. А ты просто обманулась в толчее карнавала, да еще бокал игристого с непривычки...

– Как ты не понимаешь! – вскипело в груди возмущение. – Я же влюбилась в Ренда! Но считала его Альгертом и потом сама себя в этом убедила.

– Все Манефа понимает, – мягко взяла меня за руку Альми. – Это ты еще не хочешь осознать, что ничего не потеряла. Ренд ведь не женился и не завел невесту? И каждую ночь уходит в поле именно с тобой. Зато ты получила редчайшую возможность выяснить спокойно, на самом деле он тебе нужен и важен как единственный в мире мужчина или ты попалась на обаяние его красивых глаз.

– Как ты себе это представляешь? – потрясенно смотрела я на подругу. – Это самое выяснение?

– Ну ты же борешься за него на отборе? И намерена победить? Значит, у тебя будет сколько угодно времени, чтобы узнать его получше и прислушаться к собственному сердцу.

– Как-то скучно и обыденно это звучит... и расчетливо, совсем как «отбор»... – Сомнения захлестывали меня штормовыми волнами. – И ничуть не похоже на любовь.

– Леди Элгиния, – постучавшись, в комнату скользнула горничная, – прибыл его высочество Райвенд и просит его принять.

– Проводи гостя в зеленую гостиную, – опередила меня бабушка. – Леди придет через пять минут.

Глава двадцатая

Этого времени мне едва хватало, чтобы бегом добежать до своих комнат, надеть платье, сколоть распушившиеся локоны в простенькую прическу и припудрить горевшие от волнения щеки. А я то и дело застывала в растерянности, не зная, смогу ли спокойно говорить с другом, чьи надежды когда-то нечаянно разбила, фатально обокрав и его и себя.

И как смотреть в глаза, которые мне столько лет снились? Теперь я еще сильнее ненавидела магические маски, гладкие полусферы серебристого цвета, столько времени прятывшие от меня сокрушительную правду.

Вновь спохватившись, поспешно оправила юбку простенького муслинового платья глубокого сиреневого цвета и, глянув на себя в зеркало, обреченно направилась в зеленую гостиную.

Она называлась так вовсе не из-за цвета стен, просто комната была угловой и имела широкий эркер. И во все окна рвалась буйная зелень росших у дома кустов сирени и калины, отчего в гостиной всегда властвовал зеленоватый сумрак.

– Светлого дня, – войдя, пожелала я, оглядывая диваны и стулья.

В этой гостиной стоял работающий на кристаллах клавесин, и моя мать любила сидеть тут в свободное время, слушая печальные мелодии старинных баллад.

– И тебе, – отозвался из эркера Ренд.

– Что-то случилось?

– Почему ты спросила? – насторожился он.

– Хорошие новости ты рассказываешь сразу, – пояснила, проходя в эркер, и решительно опустилась в кресло, даже не пытаясь гадать, чем он намерен меня огорчить.

Все равно ничего хуже ночных открытий уже не будет.

– Да? – С минуту принц размышлял, потом вздохнул: – А мы не можем поговорить в той беседке... где груша?

– Можем, – кротно согласилась я, надеясь на отсрочку, – до груши идти минут пять.

Но напарник поступил по-своему. Распахнул окно, наклонился, подхватил меня на руки и шагнул в темноту.

– По-моему, не промахнулся. А ты как думаешь? – оглядывал принц белый мрамор ступеней и стройные колонны.

– Откуда мне знать? У нас все беседки одинаковые, дед любил во всем порядок, – рассуждала я, устраиваясь в плетеном кресле и старательно скрывая смущение. – Но это все равно... только мороженое принесут не сразу, а когда нас найдут.

– Я могу нарвать груш, – предложил Ренд, но никуда не пошел, а сел напротив и заглянул мне в лицо: – Гина... я тебя никогда ни о чем не просил...

– Да, – уверенно подтвердила я. – Ты всегда мне приказываешь.

На миг его взгляд из хмурого стал ошеломленным, потом резко помрачнел.

– Это же в бою. А я говорю про обычную жизнь.

– А в обычной жизни ты со мной вообще никогда не разговаривал, – снова согласилась, искренне удивляясь собственному нахальству и вредному упрямству.

– Да, – еще сильнее помрачнел он, – так нужно было. Тогда я еще считал, что ее можно уговорить, переубедить, переупрямить, в конце концов! Сегодня ночью она сделала попытку сбежать, и это ей почти удалось... Как выяснилось, матушка носила на шее настоящие артефакты – два мага из ее охраны лежат в лазарете. Но хуже другое... У нее была почтовая шкатулка, и из нее отправлена чуть ли не сотня писем. Цитадель ищет, куда они ушли, но людей не хватает. Я хочу тебя попросить... откажись от отбора.

– А сам его отменить ты не можешь?

– Обязательно отменю. И претенденток разгоню. Но сначала уйди ты... по своей воле. Можешь устроить скандал, обвинить меня, устроителей, кого угодно... я со всем соглашусь.

– Так меня поэтому сегодня туда не забрали? – догадалась я.

– Нет. Просто после бала все еще спят, испытание начнется на закате.

– И какое?

– Сначала будет проверка, – нехотя выдал принц. – Фрейлины заявили, что на балу некоторые невесты вели себя... не совсем достойно.

– А потом?

– Еще они устроили ночью состязание танцовщиц и выбрали победительницу. Теперь требуют, чтобы те, кто не танцевал, либо показали свое умение сегодня, либо ушли с отбора.

– Вот как. И кого, кроме меня, там не было?

– Трех. В их числе Аленсия. Она вернулась домой еще до полуночи.

– Значит, сегодня мне нужно там быть, – больше ни грана не сомневалась я. – А потом уйду. И даже уже знаю, кому устрою скандал. Но ты пока не рассказывал, как дела у Эстена?

– Плохо. – Принц поджал губы, явно не желая ничего рассказывать, но я молча ждала, вдруг осознав, что больше не хочу быть просто напарницей.

Пусть у меня не будет любви, пусть строят козни все старые интриганки, но друзей я хочу иметь настоящих, без камней за пазухой и секретов, известных всем, кроме меня.

– Она с ним поговорила... очень жестко. Заявила, что ошибалась и вовсе его не любила.

А обожает только меня и просит не мешать ее счастью.

– Он не выяснил – ее ничем не опоили?

– Все проверил, даже девушку на подлинность, – зло усмехнулся Ренд. – Думал, кто-то действует под ее личиной. Нет, это настоящая Сави, и зелий особых не пила, только успокаивающее. Мы забрали флакон, в цитадели проверят. И ее тоже – на воздействие ментала, хотя никто из них на такое не пойдет, с цитаделью договор подписывают.

– Значит, родственнички постарались... – задумалась я. – Или кто-то из фрейлин припугнул. Ведь кому-то из них наверняка пришло письмо. Ренд, а ты не знаешь, у вашей матери нигде не припрятаны деньги или драгоценности?

– Теперь знаю, – помолчав, неохотно произнес он. – Есть, и немало. Вернее, было до сегодняшнего дня. Мы с Гертом даже не ожидали. Впрочем, мы много о чем и подумать не могли. Ведь наедине с нами она совсем другая – добрая, нежная, веселая... и очень слабая. Едва на что-то обиделась – на глазах сразу слезинки, губы дрожат... мы в детстве всегда больше всего боялись ее огорчить. Я только в семь лет поднял бунт, и то после того, как увидел откровенные ухмылки юных лордов и услышал, как они меня дразнят.

– Мне рассказали, – тихо призналась я и вздохнула: – Недавно. Ренд, а что могут сделать ее друзья?

– Нет у нее друзей, – снова мрачняя, процедил он. – Только толпа прикормленных и подкупленных шакалов. Как только чувствуют, что попались, начинают лить грязь на всех и вся и сдавать бывших поделщиков. Гина... ты собиралась уйти на Харгедор? Это хорошее решение. Поживи там, пока мы их не выловим.

Мне хотелось напомнить командиру, что я тоже маг, воин и вполне могу кого-нибудь выловить. И даже очень хочу, потому что ненавижу именно этот тип людей – мелких, продажных и трусливых подхалимов.

Но тут на дорожке показалась торопливо идущая в нашу сторону горничная, и я смолкла, наблюдая, как изящно она управляется с большим подносом.

– Позволите? – кротко спросила девушка у меня, поднявшись по ступенькам в беседку, и премило улыбнулась принцу.

И все время, пока в ответ на мое позволение расставляла по столику посуду, резала торт и красиво раскладывала по тарелкам, – посылала Ренду чуть смущенные, но неотступные взоры. Принц, полуотвернувшись, упорно рассматривал пруд и фонтаны, а мне очень ясно вспоминались приемы, на которых он сидел со своим бокалом, равнодушно поглядывая сквозь стекло на порхавших перед ним кокеток. В душе росла непонятная обида, смешанная с острым сожалением и горечью невозвратной потери, и постепенно врожденная ветреность новенькой служанки начала казаться не просто незначительным нарушением правил, а возмутительной наглостью.

– Приятного аппетита, – томно выдохнула горничная и, явно злясь на его равнодушие, послала Ренду последний, самый дерзкий взгляд.

А в следующий миг, тонко визжа от ужаса, уже летела над кустами, клумбами и дорожками к пруду, чтобы завершить свое путешествие в чаше дальнего фонтана.

– Гина?! – Напарник смотрел на меня так изумленно, словно никогда раньше не видел. – Это ты? За что?

А действительно, за что? Как объяснить принцу странную злость, вдруг ожегшую меня незнакомым огнем и заставившую на миг забыть о самообладании? Ведь учитель не раз твердил, что маг должен держать свои эмоции в кулаке и ни при каких обстоятельствах не позволять себе поддаваться чувствам. Исключения могли быть только для случаев, когда разум сам среагировал на заученную ситуацию.

– Меня же несколько лет тренировали, – буркнула словно нехотя, втайне радуясь найденной лазейке, – без раздумий и рассуждений мгновенно устранять всех, кто хоть чем-то показался опасным для напарников. А она вела себя слишком странно для горничной, вот и мелькнули какие-то подозрения. В такие моменты я действую неосознанно.

– Ну да, – пряча взгляд, кисло поморщился Ренд. – Этого они не учли.
– Кто «они»? – Вот теперь я чувствовала себя гончей, вставшей на след.
– Магистры цитадели. Эта горничная – одна из трех наблюдателей, – неохотно объяснил напарник.
– Зачем мне наблюдатели? Да не скрипи зубами, объясни нормально!
– Я не скриплю, – он почему-то не обиделся, а развеселился, – хотя объяснять мне никто не разрешал. Но так и быть: если что, скажу, что ты заставила меня силой. Когда начали выясняться некоторые планы нашей матушки, Стай собирался запереть тебя в цитадели. Однако потом согласился оставить здесь, если цитадель приставит к тебе постоянных наблюдателей. «Вот оно что», – вновь задумалась я, краем глаза наблюдая за горничной. Магиня к этому моменту выбралась на берег, бытовым заклинанием высушила на себе одежду и, не оглядываясь на нас, удалилась, гордо задрав голову.
– Гина?
– Да?
– Ты обиделась? Но пойми, иначе нельзя было. Ведь подкупленный убийца мог появиться в любой момент, когда ты занята обычными делами или спишь. Разумеется, щиты ты ставишь мгновенно, но и они не дураки. И способны на любую гадость. А наблюдатели вооружены особыми амулетами и заняты только одним – следят за встречающимися с тобой подозрительными людьми.
– Ну, тогда я точно знаю, кто самая ненадежная личность из всех видевшихся со мной за эти дни, – не сдержавшись, съязвила я. – Это ты.
– Почему... – начал принц и смолк. А через минуту, досадливо усмехнувшись, вдруг признался: – Я таких навязчивых давно не замечаю. Хотя одно время самоуверенно считал, что абсолютно все юные леди готовы броситься мне в объятия, стоит заглянуть им в глаза. И однажды жизнь очень наглядно и сурово доказала, как сильно я ошибался. Девушка, которой я подарил первый в жизни цветок, на другой день меня даже не узнала, хотя я на целую минуту снимал «отвод глаз».
– Она была сильно испугана, чрезвычайно смущена и немного пьяна! – обиделась я на это обвинение. – И даже представить не могла, что у принцев может хватить наглости обманывать весь дворец, разгуливая под чужой личиной.
– Значит, уже знаешь, – глухо буркнул он и вдруг как-то отчаянно добавил: – Тогда должна понимать, почему я прошу тебя уйти с отбора. Если ты победишь, у меня не хватит сил выполнить условие.
Резко встал, остервенело дернул ворот рубахи и открыл портал.
Давно растаяла мимолетная тьма прохода, унесшего напарника, упрыгали по мраморным ступеням его драгоценные пуговицы, а я все сидела в оцепенении, пытаюсь понять, как мне жить дальше.
Но появившуюся на дорожках Альми заметила издали и чуть отрешенно следила, как она по обыкновению стремительно движется в мою сторону, придерживая рукой разлетающиеся оборки ярко-синей юбки.
Пока подруга была еще далеко, я торопливо тоненьким смерчиком смела раскатившиеся пуговицы и незаметно переправила их в карман. Но чем ближе она подходила, тем отчетливее понимала, что пока не готова ни с кем делиться своими переживаниями.
Мне хотелось хоть несколько дней пожить спокойно, обдумать наедине с собой все произошедшее и попытаться хладнокровно разобраться в себе. Зато новость об отборе я могла открыть ей безо всяких сомнений.
– Гинни, что у вас произошло? – не доходя трех шагов, встревоженно спросила Альмисса. – Горничная забрала вещи и ушла, ничего не объяснив.
– Это никакая не служанка, а наблюдатель из цитадели, – с облегчением фыркнула я. – Она с первого дня вызывала у меня раздражение недопустимой назойливостью и самоуверенностью. Постоянно пыталась исподтишка мной манипулировать, Манефа это тоже заметила. А сейчас и вовсе забыла свою роль, начала откровенно заигрывать с принцем.
– А он? – заинтересовалась Альми, и я вдруг сообразила, что уже почти раскрыла все тайны.
– Да он и не заметил... а вот у меня при малейшем подозрении на странное поведение людей мгновенно срабатывает первое правило защитника. Ты же знаешь, как Стай меня учил. Вот и отбросила шпионку в сторону... а она обиделась.

– Ну, раз не умеет работать незаметно, – спокойно согласилась Альмисса, – то пусть еще подучится.

– Так ты знала!

– Только то, что тебя охраняют, – спокойно призналась она. – И я этому рада. Волноваться мне сейчас никак нельзя, сказывается на молоке.

– На каком молоке? – потрясенно уставилась я на подругу, рассмотрела смущенную усмешку и начала понимать, что речь вовсе не о тех бидонах и горшочках, которые каждое утро приносят на кухню приказчики молочника. – Извини... не могла и подумать.

– Да тебе пока это и не нужно! – засмеялась подруга и уставилась на меня с живым любопытством: – А зачем приходил Ренд, ты, разумеется, не скажешь?

– Почему, скажу, – порадовалась я принятому решению. – Он хочет, чтобы я ушла с отбора.

– Ты отказалась?

– Нет, согласилась. Это лицедейство забирает у меня все больше сил и времени. И все меньше мне нравится. Но сегодня идти придется, фрейлины затеяли проверку. А еще провели ночью под шумок испытание, и теперь мне нужно думать, что им станцевать, чтобы уйти самой, а не из-за проигрыша.

– Об этом я слышала, – снова кивнула Альми. – И Стай уже жалел, что Ренду не удалось убрать этих змеюк из судей его смотрин. Но знатные лорды и так насторожены внезапной коронацией Альгерта, не стоит злить их еще и грубым выселением из дворца бывших фрейлин. Ведь все они дочери, сестры и кузины влиятельных особ. Придется терпеть их еще месяц, до королевской свадьбы. Потом новая королева сама выберет себе свиту, и надеюсь, ни одной из помощниц Ютенсии не удастся туда попасть. Ну, идем в дом, попробуем все вместе выдумать тебе танец.

Глава двадцать первая

Часа за два до заката, когда солнце еще всю властвовало на небосклоне, но жара уже начинала спадать, а тени под деревьями и строениями стали бесконечно длинными, мы с Калианой вышли из порталной башни дворца.

К этому моменту я совершенно успокоилась и осознала правильность своего решения. Настроение портила лишь необходимость доказывать чистоту своей репутации женщинам, давно забывшим, что это такое. Но попытка отказаться или уйти с отбора до окончания этого ритуала равнялась признанию во всех пороках, приписанных мне королевой.

Можно даже не сомневаться, что сейчас все придворные сплетники как стервятники бродят вокруг залов, где назначена проверка, и ждут лишь появления жертв, на которых можно будет продемонстрировать свое безжалостное остроумие.

– Леди Элгиния! – расплылась в сладчайшей улыбке одна из встреченных мною знакомых дам. – Значит, слухи о вашем уходе с отбора были ложными? Какое счастье!

– Разве я могла бы лишиться вас этой радости? – в ответ еще приторнее улыбнулась я и невольно ускорила шаг.

Леди Калиана не отставала, тоже явно не желая встречаться с уже спешившей к нам со всех сторон стаей сплетниц.

– Леди Калиана, Элгиния, – уверенно раздвигая плечами попадавших на пути лордов и леди, навстречу широко шагала Эстен, – как замечательно, что я вас заметил! Как выяснилось, во дворце неправильно установлена защита, там явно покопался дилетант и нарушил связь заклятий. Мы опасаемся, что боевые заклинания могут сработать в любой момент, но пойдут не наружу, а вовнутрь. Разумеется, мы постараемся этого избежать и защитить всех обитателей, но в таких больших залах, как этот, остановить разрушающую волну будет очень непросто.

Элгиния, не могли бы вы помочь... как мастер защиты?

– К сожалению, – скорбно произнесла я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, – какие могут быть волны в простых щитах? – сейчас у меня абсолютно нет времени. Но обещаю, как только освобожусь, приду и укреплю все щиты. И начну с этого помещения, тут действительно контур очень неустойчив.

– Тогда позвольте вас проводить, – подставил локоть Эст, и мы двинулись дальше с самыми непроницаемыми лицами, словно не замечая, как стремительно пустеет зал. Но добравшись до своих покоев, хохотали от души, и минуты через две я с изумлением ощутила, что бурлившие в сердце злость и обида на этих жалких людишек, разменивающих свою жизнь на устройство разнообразных пакостей и смакование чужих ошибок, растаяли бесследно. Осталось лишь холодное презрение да досада, что приходится тратить на них время, которое могла бы провести с большей пользой и удовольствием. Быстро переодевшись и собрав в безразмерный кошель Стая все самые ценные и необходимые вещи, так как возвращаться в эту комнату больше не желала, в сопровождении магини отправилась в танцевальный зал. Именно там, как успел шепнуть по дороге Эстен, уже собирались претендентки и устроители смотрин.

– Гина, – Ренд, явно не случайно оказавшийся в проходном зале, кивнул магине и на миг придержал меня, – не хочешь уйти прямо сейчас?

– И порадовать милых фрейлин? Ни за что.

– Тогда дай знак, если будет трудно.

– Спасибо, – шепнула я, тронутая этим коротким, но очень емким по сути обещанием в любой момент превратиться из принца и хозяина отбора в верного напарника. Но говорить, что надеюсь обойтись без его помощи, все же не стала. И не из детского упрямства или глупой гордыни, а ради бдительности. Как сообщил Стай, маги, присланные цитаделью на поиски шпионов Ютенсии, уже обнаружили запрещенные здесь следящие амулеты в самых неожиданных местах дворца. В будуарах гостей и претенденток, в укромных беседках и даже в кабинете Альгерта. Кто-то влиятельный очень сильно желал быть в курсе всех событий, и мне почему-то казалось, что одной Ютенсии на подобное не хватило бы изворотливости и возможностей. Разумеется, отпуская меня во дворец, наставник принял свои меры предосторожности и даже вооружил меня мощным амулетом. И очень убедительно потребовал вести себя во время испытаний так же осмотрительно, как на вылазке в поле. Да я и сама понимала, как ощутимо умудрилась насолить бывшей королеве, сама абсолютно того не желая. Но все же не понимала, как может женщина быть настолько жестокой и неумной в своей мстительности, чтобы вместе с обидчицей наказывать собственного, вроде даже любимого сына?

В выбранном для выступления зале властвовали солнце, небо да ветерок, свободно врывающийся в огромные, от пола до потолка, окна, затянутые, по южному обычаю, только причудливо-ажурными серебряными решетками. Рамы со стеклами в холода и непогоду выдвигались из полых простенков, искусно задрапированных пышными занавесями нежно-голубого шифона, почти сливавшегося цветом с небесами. Отполированный до зеркального блеска пол из редкого синевато-голубого мрамора отражал и окна, и высокий купол потолка, создавая у танцующих ощущение призрачности и полета.

Претендентки кучкой сбились у ближней стены, ожидая указаний, и я направилась к ним, поглядывая на устроительниц. Фрейлины уже бывшей королевы удобно расположились у стола, вокруг сиявшей праздничным фонариком леди Оттавии. Дамы с самым занятым видом рассматривали старые книги и амулеты, обмениваясь тихими замечаниями. И весьма правдоподобно делали вид, будто не видят идущих в их сторону магистров цитадели во главе со Стайном и Боуренсом.

Гордые своей маленькой победой, интриганки даже не подозревали, насколько зол на них мой учитель и как много у него возможностей устроить настоящие неприятности любому, кто забудет об уважении к цитадели и ее адептам.

Немного не дойдя до стола, Гесорт повернулся к нему спиной и очень учтиво обратился к нам: – Прекрасные леди! Вы уже знаете, какие испытания ждут вас сегодня и кто на них настоял. Цитадели пришлось согласиться с этим правилом, прописанным в старинных рекомендациях для проведения отбора, хотя совет магистров не считает, будто юношеские заблуждения или печальные ошибки делают кого-либо из вас хуже других. Наоборот, известно много случаев, когда именно подобные неудачи молодости помогли людям понять свое главное предназначение и найти истинное место в жизни и настоящую любовь. И поэтому мы постарались сделать все, чтобы никому из вас не пришлось испытать ни злых насмешек, ни гнусных обвинений. И приготовили для этого абсолютно новый артефакт.

– Но лорд Гесорт! – возмущенно воззвала леди Оттавия. – У нас уже есть амулеты...

– Они давно устарели и подлежат переплавке, – перебил ее мой наставник. – А кроме того, бессовестно лгут. Вот, к примеру, по старинному закону фрейлинами могут быть лишь незамужние невинные девицы. И именно этими амулетами надлежит проверять это условие. Кто из вас готов испытать на себе лежащие на столе вещицы?

– Но этот закон уже отменен... – неосмотрительно попытался спорить кто-то из притихших устроительниц, но Стайн уже выхватил уверенным жестом у них из рук один из почти новых фолиантов и, полистав, сунул Оттавии под нос:

– Вот, переписано десять лет назад. Никаких изменений. И указов на эту тему тоже не было, мы проверили. Поэтому амулеты я изымаю, они принадлежат цитадели и выдавались придворному магу во временное пользование. А после того как во многих дворцовых амулетах и магических приборах обнаружены грубые следы неумелых и неправильных заклинаний Тлибера, все они нуждаются в замене либо в перезарядке.

Фрейлины и охнуть не успели, как невидимая сила собрала со стола все шары, браслеты и диадемы и ссыпала в ладони Стая. Магистр спокойно и невозмутимо распахнул взглядом возникший перед ним зачарованный кошель, бросил туда добычу и равнодушно отвернулся от стола.

– Мы установим тут особый магический шатер, – сообщил он претенденткам, сопровождая свои слова действием. – В нем имеется проверяющий кристалл и порталный амулет. Здесь вход, с той стороны – выход для прошедших испытание. Однако внутри есть и третья дверь, для тех, кто согласно старому правилу должен покинуть смотрины. Но сегодня через нее может уйти прямо домой любая претендентка, которой неприятна или оскорбительна эта процедура. Либо просто хочется отказаться от отбора и вернуться в свой дом.

– А как проверить, – пронзая Стайна полным ненависти взором, проскрипела Оттавия, – ваше новшество?

– Прошу! – Коварно улыбаясь, магистр сделал фрейлинам широкий приглашающий жест: – Ну, кто из вас желает войти первой?

Некоторое время мгновенно потерявшие смелость и высокомерие устроительницы переглядывались и очень красноречиво перемигивались, потом одна из них, леди Филиния, соизволила наконец хмуро осведомиться:

– А разве вы еще не испытывали свое изобретение? Зачем тогда нам зря тратить время?

– Чтобы проверить... – Помолчав пару секунд, Стайн закончил неожиданно жестко: – Насколько вы доверяете цитадели.

От прозвевшей в этих словах ледяной ярости даже у меня по спине скользнул холодок. Фрейлины же и вовсе побледнели, словно, дернув за хвост безобидного котенка, вдруг обнаружили на его месте огромного королевского льва.

– Я пойду первой, – неожиданно заявила Карлотта Исхарт и решительно направилась к шатру. Все замерли, провожая взглядами ее женственную фигурку в нежно-фиалковом платье, расшитом серебряными морозными узорами.

И ждали в полном молчании долгих пять минут, пока не стало ясно, что она уже не появится.

– Теперь я, – незаметно пожав мне пальцы, ушла в шатер Аленсия и через несколько секунд вышла из другой двери.

– Моя очередь, – увидев на ее губах пренебрежительную усмешку, известила я судей и, легко отодвинув кого-то из нерешительных соперниц, шагнула за непроницаемый занавес.

Внутри было пусто и светло, напротив сиял защищенный артефактом овал выхода, а сбоку манил обещанием свободы темный порталный круг. Больше всего мне хотелось сейчас шагнуть в него и через миг оказаться дома, окунуться в тепло всепонимающих глаз Манефы, в уют небольшой гостиной и аромат свежеевыпеченных бриошей. Однако позволить себе такую слабость я не имела права. И потому нехотя сделала несколько шагов и вышла в голубоватое сияние танцевального зала.

С несказанным удовольствием одарила высокомерно-презрительным взглядом разочарованно вытянувшиеся лица фрейлин и направилась к Аленсии, уже устроившейся чуть поодаль в одном из кресел.

После меня процедура проверки пошла поживее, и все же понадобился почти час, пока иссякла очередь стоявших к шатру бледнеющих и краснеющих девушек.

За это время смотрины потеряли семь претенденток, и теперь нас оставалось всего лишь девять.

– На сегодня у нас имеется еще одно незаконченное испытание, – объявила немного осмелевшая Оттавия. – Умение танцевать. Из вас его не прошли только двое, леди Аленсия и леди Элгиния. Если вы готовы, леди, то мы пригласим музыкантов и танцоров, которые будут вашими партнерами.

– Мы готовы, – ответила за двоих Ленси.

– Не нужно танцоров, – возразил незаметно появившийся в зале Райвенд. – В награду за смелость и в виде возмещения за грубые и бестактные промахи устроителей, не удосужившихся заранее предупредить претенденток об испытании и нарушивших приказ короля о дне отдыха, с претендентками буду танцевать лично я.

– Я польщена, ваше высочество, – присела в полупоклоне Аленсия. – Ваше предложение для меня – большая честь.

– А вы, Элгиния? – откровенно глянули на меня колдовские глаза.

– Я тоже очень счастлива, – изобразила я роскошный реверанс. – Но, к великому сожалению, вынуждена отказаться. Мой танец сольный.

– Тогда мы танцуем первыми, – тайком подмигнула мне подруга и достала из кошель музыкальный кристалл: – А музыка у меня своя.

Стайн забрал у нее камень, вставил в музыкальную шкатулку, и под сводами поплыла торжественная и неспешная поначалу мелодия озорного ансельса.

Мы расселись вдоль стены, ожидая выхода Аленсии, скрывшейся за созданной магистром ширмой. Я делала вид, будто рассматриваю плывущие за окнами легкие облачка, облитые закатным сиропом всех оттенков, от малинового до брусничного, когда заметила краем глаза, как ко мне направляется Эстен.

– Можно? – учтиво осведомился он, указывая взглядом на соседнее кресло, и мне не оставалось ничего иного, кроме как позволить другу занять место Аленсии. – У меня новость. Минуту назад одна из фрейлин под большим секретом сообщила скучающим лордам и леди, что здесь начинается танцевальное испытание претенденток.

– И теперь все они бегут сюда, как стадо голодных кабаняк? – мгновенно догадалась я.

– Вот именно.

– И что ты предлагаешь? Запечатать щитами двери? – деловито осведомилась, заинтересованно рассматривая его хитрую улыбку.

– Они оскорбятся. Прежде на такие испытания приглашали всех желающих. Кроме того, с ними идут и король с невестой.

– Значит, будет полный зал публики, и тебе это чем-то не нравится. Опасаешься, что с ними проберется и наемный убийца?

– Сегодня во дворце столько наших собратьев, переодетых слугами и гостями, что никакому убийце не удастся даже пальцем шевельнуть, – небрежно хмыкнул Эстен. – Нет, Гинни, я боюсь, что дело серьезнее. Она вполне могла приказать тебя освистать.

– А Стаю ты сообщил о своих подозрениях?

Эст только хмуро кивнул и указал глазами на широко распахнутую дверь, в которую важно вступал молодой король. За его локоть держалась невысокая леди, как-то робко придерживающая пальцами подол роскошного платья из тончайшего антарского бархата цвета вечернего неба. За ними на почтительном расстоянии толпились все те бездельники, которые каждый вечер заявлялись во дворец, как наемники на базу.

– И что он сказал?

– «Иди предупреди Гинни».

Ну, вот теперь все понятно. Учитель явно знал больше Эстена и не желал, чтобы его подслушали. Ну а мне позволил действовать на свое усмотрение, пребывая в полной уверенности, что у его ученицы и мысли не появится выбрать какой-то из способов, знакомых наставнику. Либо недостаточно изученный и отточенный. За такое самовольство мне грозит пространная лекция про неосторожных магов и неприятности, какими заканчиваются их спонтанные эксперименты.

Музыка набирала темп, и принц, вначале медленно и торжественно выступавший в простых па, чуть касаясь протянутых к нему пальчиков Ленси, начал оживать, уже смелее перехватил претендентку под руку и пока еще осторожно заскользил с ней по синеватому мраморному зеркалу.

Но с каждым мгновением, подчиняясь все ускоряющейся мелодии, они двигались быстрее и быстрее, а движения становились все разнообразнее. То Ренд, подняв руку над головой претендентки, крутил ее волчком, то Ленси, легко, как бабочка, обогнув партнера, заставляла ловить ее ускользающую руку, то они снова мчались по кругу в танце, незаслуженно считавшемся придворными снобами народной пляской.

Странное подозрение вспыхнуло в моем мозгу внезапно и, едва возникнув, начало обрастать доказательствами и аргументами. И вскоре я была почти убеждена, что никогда бы мои друзья не смогли так уверенно отплясывать этот непопулярный во дворце танец, если бы не отрепетировали его хоть пару раз. А может, и больше, судя по слаженности движений.

И хотя я искренне радовалась, что после такого выступления никто не решится выставить Аленсию с отбора, одновременно не могла не задуматься: ради чего Ренд решил нарушить так упорно создаваемый им образ погруженного в роспись ваз и шкатулок художника, откровенно скучающего при виде бессмысленно прыгающих под музыку гостей?

Чтобы направить мысли придворных на поиск ключика от этой загадки и отвлечь от меня или задумал позлить Савиллу, уже почему-то не сомневавшуюся в своей победе?

Невольно скосив взор на сидевших неподалеку претенденток, я отчетливо рассмотрела на их лицах неприкрытую зависть и поняла, что желание настроить «невест» против устроительниц может быть еще одной причиной для этого выступления.

– Глупая... – прошипел у меня над ухом Эст, и, проследив, куда он смотрит, я поняла, о ком это сказано.

Савилла стояла в простенке, безотчетно кутаясь в пышные шифоновые складки занавеси, и полным горечи взглядом провожала каждое движение Райвенда.

– Согласна, – вздохнула огорченно. – Но, боюсь, помочь тут может только сильный ментал. Музыка тем временем постепенно теряла резвость, и танцующие снова двигались плавно и неспешно, как и полагается в большинстве балльных танцев.

– Моя очередь, – дождавшись, пока Ренд, изящно раскланявшись, проводит Аленсию до свободного кресла, шепнула я Эсту и направилась в центр зала.

Мы тоже успели пару раз отрепетировать мой танец, хотя изначально он таковым не являлся. Стай был из тех магистров, которые считают, что каждый маг должен уметь быстро бегать, хорошо прыгать и уворачиваться от различных снарядов. Но самое главное – знать хоть несколько особых, редких заклинаний самой сильной подчиняющейся ему стихии, чтобы в крайнем случае найти выход из любой западни.

А моя сильная сторона – это воздух, ведь все щиты строятся на его необычном применении. Уплотненный магией, усиленный водой, огнем, металлом или собранным под ногами песком, покорный, текучий или застывший непробиваемой стеной, – сегодня он должен был стать для меня сценой.

Тихо, словно доносясь издали, зазвучала мелодия простой народной песни, и я, остановившись, создала вокруг себя непрозрачный цилиндрический щит. Похожий со стороны на огромный высокий стакан, наполненный постоянно движущимся туманом, он завораживал взор, давая мне почти минуту на преображение. Сегодня я не имела права быть скромной и старомодной, как провинциалка.

Верхнее строгое платье цвета старого серебра отправилось в кошель, выпуская на волю золотистый, как рассветные лучи, длинный струящийся подол. Это одеяние имело облегающий лиф с целомудренно маленьким декольте, пышные, достававшие до кончиков пальцев свободные рукава-крылья и стекавший с плеч на спину полупрозрачный шелк бледно-розовой мантии, тянувшейся за мной невесомым шлейфом. И тайло маленький секрет: снизу подол собирался вокруг щиколоток на шнурки, превращаясь в хитроумное подобие просторных шаровар.

Круглая площадка маленького щита возникла у меня под ногами по мысленному приказу и медленно устремилась ввысь, а я поспешно заканчивала преображение, выдергивая из прически шпильки и выпуская локоны пышной волной. Завершили образ тонкая алмазная диадема и мягкие атласные туфельки.

Пока я поднималась, вокруг вились смутно похожие на утренние облака светлые всполохи, а едва оказалась над цилиндром, они растаяли, и музыка зазвучала громче. Теперь главной задачей стало не допустить, чтобы публика рассмотрела меня и заскучала, и, взмахнув руками,

как крыльями, я направила невидимую площадку под самый купол. Вслед за мной летели полупрозрачные разноцветные шары и кольца, на которые незаметно распался цилиндр. Взрыв под потолок, как смерчем, крунула себя невидимой воздушной лапой, и словно убегая от какой-то опасности, перепрыгнула на ближайший шар. Потом в кольцо, снова на шар, делая все более длинные, летящие прыжки и старательно следя за тем, чтобы не выбиться из ритма музыки.

Шары при этом тоже не оставались на одном месте: они постепенно опускались широким кругом, но едва их касалась моя нога, словно от толчка снова взмывали вверх. Смотреть на реакцию публики я не успевала, видела лишь быстро мелькавшие мимо моих ног силуэты. Но чуть позже, когда музыка стала медленнее, пролетая в широком развороте над замершими зрителями, вдруг заметила чуть в сторонке напряженную фигуру Ренда.

Напарник замирал в такой позе лишь в минуты, когда нам предстоял особенно трудный бой и он готовился пустить в ход все свои запасы боевых жезлов. Это ощущение грядущей опасности было так знакомо, так настойчиво требовало немедленных действий, что думать только о танце я больше не могла. И пока в нескончаемом бегстве летела сквозь кольца, вдруг отчетливо поняла, чего он так сильно боится.

Вернее, за кого.

И как именно это видится публике, до которой Ренду сейчас нет никакого дела, тоже сообразила очень отчетливо.

В эти минуты он остро напомнил мне саму меня, когда вот так же трепетно ждала хоть мимолетной улыбки или взора от наследника, пролетающего мимо в вальсе с очередной счастливницей.

И поэтому, снова приближаясь к натянутой, как струна, фигуре принца, я заранее знала, что танец закончится не так, как придумали Стай с Альми.

Вытянутый, как лапа, незримый щит привычно подхватил его высочество и, продолжая незаметно придерживать, забросил на соседний шар. Правило не оставлять напарников за куполом без присмотра и без неощутимого «поводка» давно стало для меня непреложным. Они ничего не знали, а мне было намного спокойнее.

Ренд, как обычно, сориентировался мгновенно и сделал вид, будто так и было задумано. Лишь чуть дрогнули в безудержной улыбке губы и тотчас сжались, а принц, смерив взглядом расстояние до моего шара, подобрался, как зверь, и бесстрашно прыгнул. Но в тот же миг прыгнула и я, помогая себе воздушной лапой. И чуть придержала Ренда, когда он вознамерился двигаться дальше. Не следует забывать, что это танец, и не стоит превращать его в настоящую погоню.

Он поймал мой возмущенный взгляд и ответил разочарованной усмешкой, но больше не спешил и все увереннее опирался на незримую лапу, переносившую его с шара на шар. Теперь я могла попытаться придумать новую историю танца, чтобы зрители поверили в необходимость присутствия в ней принца.

Если прежде я представляла себя феей, заблудившейся в полном страшных монстров таинственном лесу, то теперь, разыграв испуг от внезапного появления незнакомца, начала изображать робкие шаги к знакомству и пониманию. И первой прыгнула на плавающее между летящими по кругу шарами широкое полупрозрачное блюдо зеленоватого цвета. Но не помчалась дальше, а робко двинулась по краю, опасливо оглядываясь на партнера, которого секундой позже посадила на круг напротив себя.

Ренд понимающе усмехнулся и плавно двинулся ко мне, широко разводя ладони в предлагающем доверие жесте. Я пятилась словно в сомнении, не забывая плавно поворачиваться и подхватывать шлейф. А едва напарник очутился почти рядом, отпрянула назад. Но он оказался стремительнее и успел поймать меня за руку.

Мелодия, которой управлял Стай, мгновенно ускорилась, и мне поневоле пришлось вспомнить, что это предпоследняя часть танца. Стремительный рывок в сторону, но мужская рука стиснула мою ладонь мертвой хваткой, и мы прыгнули на ближайший шар вместе. Но теперь я постаралась, чтобы впереди был Ренд, а шары по спирали поднимались к куполу.

Он вмиг принял это правило и теперь увлекал меня за собой, словно выводил из заколдованного леса или ущелья. Музыка звучала все торжественнее и задорнее, и вскоре мы летели под самым куполом.

– Теперь вниз... – шепнула я и больше ничего не успела объяснить.

Принц уверенно положил руку на мою талию, второй перехватил ладонь и помчал меня в вальсе так уверенно, словно ступал по твердому полу. Впрочем, он не ошибся. Я уже свернула все шары и кольца в одну призрачную площадку, медленно опускавшуюся на гладкий мрамор. Музыка постепенно стихала, и едва мы шагнули на сияющий синевой пол, смолкла окончательно. В полной тишине Райвенд поцеловал мне руку, церемонно поклонился и повел к столу устроителей, возле которого по-хозяйски устроился король с невестой.

– Волшебный танец, ничего подобного прежде не видел, – первым захлопал в ладоши Альгерт. – Bravo, Элгиния, вы потрясли меня до глубины души!

– Благодарю, ваше величество, – присела я в реверансе. – Мне хотелось выиграть это испытание.

– Но она использовала магию! – с недовольством поджала губы леди Оттавия.

– Каждый имеет право пользоваться теми способностями, которыми наделила его судьба, – холодно отрезал Стайн. – Хотя иногда мы закрываем глаза на уловки, какими вводят в заблуждение жениха и судей некоторые претендентки.

– Что вы имеете в виду? – опрометчиво бросилась в перепалку одна из фрейлин.

– Локоны из шерсти горных быков, ресницы из конских хвостов и прочие хитрости, – спокойно перечислила Калиана. – А если вам не нравится магия, снимите с себя купленные у леди Модены амулеты привлекательности.

– Но их все носят! – Обиженный возглас упрямой леди вызвал в толпе придворных ехидный смех.

– В этом испытании победила леди Элгиния, – властно прекратил все споры Райвенд. – Второе место принадлежит леди Аленсии. Хуже всех был танец леди Савиллы, и она нас покидает. Лорд Стайн, будьте добры, помогите отправить проигравшую претендентку домой.

– Как вам будет угодно, ваше высочество, – пряча скачущие в глазах искры веселья, согласился мой наставник.

– Но это неправильно! – громко возмутилась вдруг Савилла и вцепилась в ручки кресла, в котором сидела. – Не трогайте меня! Не хочу! Я должна победить... она мне обещала!

– У претендентки истерика, – еле заметно махнув в ее сторону, Калиана загородила собой заснувшую девушку от любопытных взглядов, – ей нужен опытный лекарь.

– Я помогу. – Учитель уже стоял рядом, открывая портал.

– Я сам! – кинулся к нему Эстен, легко подхватил Савиллу на руки и первым шагнул в темное марево пути.

Калиана ушла следом за ним, а жадные взгляды придворных скрестились на мне. Момент был самый подходящий для объявления главной новости, но меня опередили.

Глава двадцать вторая

– Чего вы все молчите? – выкрикнул вдруг один из тех молодых повес, чьи имена я никогда даже запомнить не пыталась. – Не видите, как теперь обращаются...

Договорить он не успел. Стайн мгновенно бросил на него «безмолвие», а я, заметив знакомый жест учителя, стянула явно подкупленного горлопана тем самым щитом, каким недавно приловчилась ловить винтов.

– Ы! – Вытаращив глаза, буян пытался вынуть из кармана крепко прижатую руку, но я уже рассмотрела, как подозрительно оттопыривается в том месте ткань его камзола, и сжала щит еще туже. – Ы-ы!!!

По щегольским лайковым штанам придворного гуляки потекла какая-то бурая жижа, и по залу потянуло мерзким запахом гниющих фруктов.

– Фу, лорд Тонзби, – сморщился Стайн. – А я гадал, откуда душок...

Мгновенно открыл портал, и я забросила туда продажного подлеца и ветерком отправила следом его вонь, не желая даже предполагать, где он окажется.

– Извините, леди Элгиния, – подмигнул мне учитель, пользуясь тем, что стоит к публике спиной, – этого невежу. Вы, кажется, собирались нам что-то сказать?

– Да. – Вот теперь, когда исчезли сомнения в том, кому предназначались оплаченные королевой гнилые сливы, мне вдруг стало предельно ясно, о чем нужно говорить. – Хочу сделать

заявление. Я прошла все проверки и выиграла все устроенные для нас испытания, но дальше участвовать в смотринах не намерена. И покидая отбор по собственной воле, хочу спросить присутствующих здесь магистров цитадели – почему она до сих пор не запретила эту унижительную торговлю знатными девушками? Ведь всем известно, что большинство претенденток никогда не собирались замуж за выбранных им родней или правителями женихов! А некоторые девушки их даже ни разу не видели! О какой любви может идти речь? «Заботливые» родители попросту продают несчастных дочерей знатым и богатым женихам, как коз или котят! Хотя и женихи не всегда виновны, их зачастую женят на выбранных кем-то невестах обманом или принуждением. Так почему этот проклятый обычай так живуч? Кому, кроме цитадели, под силу его искоренить и проследить, чтобы никто не осмеливался распоряжаться чужой жизнью, продавать и покупать своим детям мужей и жен по собственному вкусу и ради личной выгоды и интересов?

– Ты права, Элгиния, – поднялся магистр Боуренс, – и мы об этом думаем. Но эти смотрины объявила королева, и его высочество согласился, поэтому прервать их не в наших силах. Однако я тебе обещаю, это будет последний отбор нашего мира.

– Я тоже желаю покинуть отбор, – шагнула вдруг ко мне Аленсия. – Мне и раньше казалось неправильным выслуживаться за награду, подобно цирковой собачке. Но после слов леди Элгинии я осознала, что не желаю завоевывать внимание жениха таким унижительным способом. Леди Элгиния, надеюсь, ваше приглашение еще в силе?

– Разумеется, – уверенно кивнув, я взяла ее под руку. – Лорд Гесорт, отправите нас домой?

– Конечно, – двинулся к нам учитель, а я окинула прощальным взглядом публику, жадно ловившую каждое слово.

Сегодня у них будет о чем поболтать за ужином и вечерним чаепитием.

Случайно рассмотрев шестерку оставшихся невест, прятая за кротко опущенными ресницами торжествующие взоры, невольно усмехнулась, припомнив намерение напарника. У меня пока не было возможности изучить его мимику, и еще не всегда я могла точно определить, какие именно чувства выражает та или иная гримаса. Зато хорошо знала характер командира и его неукоснительное правило всегда выполнять все данные обещания.

– И даже доставлю до места и сдам под опеку уважаемой леди Манефии, – заявил Стайн, открывая портал.

Последнее, что мне удалось увидеть, прежде чем нас поглотил мрак перехода, были резко замершие фигуры компаньонов Аленсии, торопливо пробиравшихся сквозь толпу в нашу сторону.

– Ну наконец-то! – облегченным возгласом бабушки встретила меня родная столовая, где Манефа специально держала распахнутыми двери на балкон. – А я уж волноваться начала, за окнами темнеет, а от вас никаких вестей. Зато вижу теперь с гостями. Кто чего желает? Умыться, переодеться, чаю, ужин?

– Спасибо, бабушка, – нагло присвоив старушку, улыбнулся ей Стайн. – Сначала похвалю ученицу за смелость. Не каждый маг решится принародно отругать родную цитадель.

– Никогда не поверю, – вмиг ошетилилась Манефа, – будто Гинни зря напала на верховных магистров. А если за дело, то они ей еще и благодарны должны быть. Значит, настолько девочке обида в душу запала, раз она не выдержала. А этого в вашем заведении быть не должно – говорила мне племянница, что в цитадели заботятся о каждом.

– И правильно говорила, – посерьезнел Стайн, жестом указывая Ленси на стул. – Не стесняйтесь, Аленсия. Но леди Рассина, скорее всего, пояснила, что цитадель – не сторож и не нянька и никому не мешает жить так, как нравится. А Гинни могла бы не упрекать братьев при всех, но, как я понимаю, в тот момент ее вела злость на проскользнувшего сквозь наши сети королевского прикормыша.

– Ты не прав, я еще вчера знала, что скажу именно это. И обязательно при всех. Эти напыщенные индюки, смелые только на словах, считают цитадель чем-то вроде городской управы, призванной следить, чтобы дворники чистили дорожки. Ради удобства их милостей и светлостей. А магов – фокусниками, обязанными развлекать лордов. Я уже жалею, что согласилась для них танцевать.

– А мне очень понравилось, – мечтательно вздохнула Ленси. – Жаль, вы не видели, леди Манефия. Гина как сказочная дева-птица летит под потолком меж маленьких призрачных шариков, а принц гонится за ней... и вот-вот схватит за руку. Прямо сердце замирает.

– Принц? – на миг изумилась бабушка. – Мне говорили, будто он не танцует. А ты можешь звать меня бабушкой, Ленси, буду только рада.

– Сегодня он опроверг это мнение, – насмешливо фыркнул Стайн. – Но, думаю, придворные прелестницы обрадовались зря. Гина, мне пора идти, поэтому сначала о деле. В твоём новом амулете есть выбор мест перехода, и ещё я активировал ваш порталный круг. Сегодня у тебя дежурство ровно в полночь.

– Лорд Стайн... – волнуясь, смотрела на учителя Аленсия, и её милое личико отражало внутреннюю борьбу, – Гина приглашала меня погостить в её доме на Харгедоре... это не запрещено?

– Цитадель ничего не запрещает своим собратям. Кроме преступных намерений и действий. А Гина имеет право приглашать в свой дом кого угодно. Но я должен спросить... вы хотите скрыться от брата?

– Зовите меня просто Ленси, – попросила она и невесело вздохнула: – Вы угадали. Если ему расскажут, что Гина отказалась от отбора, а я не воспользовалась ситуацией, Мартис будет очень недоволен. Он считает, что я достойна самого лучшего мужа, но не верит, что способна сама выбрать именно такого.

– А принц тебе не понравился? – недоверчиво приподнял бровь Гесорт.

– Ну как он может не нравиться? Но, к счастью, я в него не влюблена, иначе уже собирала бы осколки сердца.

– А те шесть претенденток сейчас празднуют победу, – заметил учитель с ехидной усмешкой. – Но ты не солгала. И поступила очень разумно, уйдя с отбора, поэтому я постараюсь помочь. Поговорю с Мартисом.

– Сколько человек может увести мой амулет? – задумчиво спросила я у идущего к двери Гесорта. – Портальный круг у нас в башне рядом с кабинетом отца.

– Смотря как заряжен. И с помощью чего идёшь, – как обычно, ответил он загадкой, указывая только основные условия.

Остальное я должна сама найти в книгах. И можно не надеяться, будто Стайн забудет чуть позже проверить мои знания.

– Значит, вдвоем мы с круга вполне уйдём, – глянув на сиявшие магией камни, сделала я вывод. – Но книгу по порталам прихватчу.

Остаток вечера мы провели просто замечательно. Сначала, переодевшись в легкие домашние платья, устроились в столовой и подробно рассказали бабушке все новости. Затем прибыла госпожа Торина, приглашенная Манефой на должность домоправителя и одновременно секретаря, и мы с Ленси дружно её одобрили. Женщина была среднего роста, полноватой и очень приятной в общении, но одновременно в ней чувствовался твердый и решительный характер.

– Она вдова, – шепнула нам бабушка, когда служанка повела мою новую помощницу смотреть отведенную ей спальню. – Раньше работала с мужем, в его канцелярии. Теперь дом и контору мужа оставила сыну, а себе искала не очень шумное место. Выходить замуж ещё раз она не намерена, а сидеть дома скучно. Внуков у неё пока нет. Но нам и на руку, она очень аккуратный и честный человек.

Вскоре подали ужин, и мне начало казаться, что отныне моя жизнь вернется в привычное русло. Дом, книги, тренировки, встречи с наставниками и с Альми, ночные вылазки в поле. Я искренне была этому рада; отравлявшие мое существование подлые интриги и злобные выходки обитателей королевского дворца неимоверно надоели.

Теперь я даже готова была сколько угодно терпеть странное, тревожащее поведение Ренда, надеясь, что оно не продлится слишком долго. Ведь должен же он когда-нибудь привыкнуть к мысли, что никаких тайн больше нет? И раз я уже не люблю его брата, то можно дружить со мной попросту, как с Эстеном?

А вот про Эста вспомнила очень зря, как накаркала. Он появился буквально через минуту после этого, буркнул нечто нечленораздельное и рухнул на свободный стул. Огляделся, схватил графин со сливовым компотом, налил себе в бокал и выпил в три глотка. Посидел, задумчиво морщась, потом поднял на меня обиженный взгляд:

– А вина не найдется?

– Нет, – опередила меня Манефа. – И не заставляй меня разочаровываться в тебе, мечник.

Настоящие мужчины пьют вино для аппетита или от холеры, а от разочарования в женщинах им

заливаются только слабаки. Но ты у нас сильный воин, значит, у тебя нет ни одной веской причины глотать змеиную воду так лихо, как тот компот.

– Разочарование? – пренебрежительно скривился Эст и горько ухмыльнулся: – Не-эт! Это не разочарование. Когда разбивают твои самые заветные мечты и втоптывают в грязь самые светлые чувства – это землетрясение, наводнение, ураган... сила, с которой невозможно бороться, от которой никто не спасет и не вылечит!

– Вино тем более не поможет, – стояла на своем Манефа. – Ты только представь: землетрясение, все вокруг рушится, гибнут люди... А здоровый мужчина вместо того, чтобы спасать других и спастись самому, бежать подальше от рушащихся стен и башен, сядет за стол и начнет пить вино. Как его можно еще назвать, кроме как дураком?

– А разве я умный? – саркастически фыркнул Эст. – Верил ей, дышал как на хрустальный цветок, ждал, пока она решится поговорить с отцом... и дождался! Оказывается, я ей просто нравился, но это не любовь! А теперь она знает, что такое настоящая любовь... после того как ближе рассмотрела Ренда! У него ТАКИЕ глаза!!! А у меня – обыкновенные! И вообще, я навязчивый и ей надоел! А, ладно... пойду.

– Никуда ты не пойдешь, – мгновенно среагировала Манефа. – Держи его, Гинни.

Но я и сама уже сообразила, чем может закончиться для Эстена не свойственное ему желание напиться, и накрепко примотала друга к стулу незаменимым щитом.

– Гина! – Дернувшись, мечник сразу сообразил, чья это работа. – Отпусти немедленно! Ты мне, конечно, друг, и я тебя очень ценю, но никому не позволю так с собой поступать!

– Лорд Денлуа, – подсев поближе к бастарду, проникновенно произнесла Аленсия, – позвольте мне как лицу незаинтересованному сказать несколько слов... потом я попрошу Гинни, чтобы она вас отпустила.

– Леди Аленсия? – хмуро изумился Эст, только теперь обнаруживший ее присутствие. – А вы что тут делаете?

– Последовала примеру Гины и покинула отбор, – обезоруживающе улыбнулась она. – Поняла, что дружба намного дороже, чем мужчина, которого я не люблю. Но в настоящий момент мы говорим о вас, и поверьте, я по своему опыту знаю, как вам сейчас больно.

– Вас тоже бросили? – Мой напарник недоверчиво оглядел Аленсию, очень юную и хорошенькую в моем голубом батистовом платье, отделанном узкими атласными лентами, прошвой и оборками.

– Хуже, – горестно поджала она губы. – Надо мной возлюбленный посмеялся прилюдно, когда узнал, что я не леди. Правда, через день он выяснил, сколько золота у моего брата, и прибежал просить прощения, но я успела усвоить урок.

– Я слышала... – Манефа уже стояла возле Ленси и успокаивающе гладила ее по слегка выщипанным светло-русый волосам. – Это была очень злая шутка. Вас познакомили на пикнике в честь начала охотничьего сезона, где были только знатные господа. Но я рада, миленькая, что так произошло, он тебе совсем не пара.

– Конечно. Он уже женился, еще год назад, – невесело фыркнула Аленсия.

– На той самой леди, которая придумала эту проделку. И изменяет ей со всеми ее камеристками и горничными, – в тон гостье усмехнулась старушка. – Но давай забудем про них? Ты что-то хотела сказать Эстену?

– Всего несколько слов... Для начала хочу спросить, подтвердили ли магистры, что ее любовь к Райвенду подлинная, а не навеянная зельями или чарами? Иначе получится, что лорд Эстен напрасно станет отравлять себя вином, крушить мебель в трактирах и пытаться убить лучшего друга.

– Я?! – потрясенно вытаращил глаза Эст. – Буду ломать мебель?! И убивать Ренда?!

– А чему ты так удивляешься? – скорбно поджала губы Манефа. – Это самое обычное завершение внезапной попойки. Люди, не привыкшие к змеиной воде, очень быстро теряют рассудок и никогда сами не замечают того момента, в какой вдруг превращаются в неразумных монстров. Любое, самое безобидное замечание вызывает у них неукротимую ярость, а искаженные в больном разуме воспоминания толкают на самые странные и безумные поступки. Зачастую – непоправимые. Или ты не слышал, как пьяные люди убивали любимых женщин и домочадцев, а потом сжигали свои дома? А проспавшись и ужаснувшись содеянному, лезли в петлю?

– Можешь ругаться сколько хочешь, – печально поддакнула я, – и даже разорвать нашу дружбу, но я никогда не отпущу тебя, пока не уверюсь в твоём благоразумии. У меня не так много друзей и не так мало я вас ценю, чтобы позволить совершать подобные глупости.

– Боюсь даже представить, – наливая крепкого чаю, вздохнула Манефа, – как Савилла воспримет сплетни про твои пьяные выходки. Но уж точно не сочтёт их подвигами во имя любви. Скорее расценит как истерику мальчишки, не получившего выбранную игрушку. Ты ведь, как выясняется, ничего о ней не знал, просто выбрал по причёске или ещё какой части тела, а потом придумал себе про какой-то там цветок.

– Не смейте!.. – гневно глянул на бабушку Эстен, безнадежно дернулся и с досадой уставился на меня: – Ну да, можете говорить все что угодно, со связанным легко справиться.

– А если я тебя сейчас отпущу, – заинтересованно уставилась я в обиженные глаза напарника, – ты начнешь с нами драться?

– Да с чего ты это взяла! – в запале возмутился он и, сообразив, что попал в ловушку своих слов, с досадой фыркнул.

– Вот с того. – Манефа поставила перед мечником чашку с чаем и блюдо с пирожными и мягко, как маленького, погладила по голове: – Выпей чайку и поешь сладенького, сразу полегчает. И послушай мудрую женщину, посиди с нами до полуночи, потом отправляйся на свое дежурство и перебей там, ко всем лешим, всех монстров. Только не нужно никуда бежать прямо сейчас, искать вино и показывать всем недругам свою боль и слабость. Завтра ты остынешь, взглянешь на все по-другому и будешь сильно жалеть, что сегодня позволил себе доставить злоязыким бездельникам такую радость. Да только вернуть уже ничего не сможешь, ведь близок локоток, да не укусишь.

– Бабушка... – тихо простонал Эст, повернул к ней лицо и уткнулся лбом в худенькое плечо, – ну почему мне такая не досталась?

– Да как же это не досталась? – возмущенно всплеснула руками Манефа и крепко обняла его голову, нежно глядя спутанные волосы. – Раз Гина считает тебя братом, то я вам поровну бабушка.

– Зачем тебе такой глупый внук? – горько бурчал мечник, и не думая вырываться. – Ведь я столько лет ей не верил... Слушал шипение придворных сплетниц, насмешки друзей...

– Так ведь внуков-то не выбирают, – мягко улыбнулась старушка. – Какие есть, таких и любят. И стараются помочь не допустить непоправимых ошибок. А те, кого ты назвал друзьями, скорее всего, просто приятели, случайные собутыльники или сообщники в проказах. А ты вот попробуй испытать их на прочность, попросить денег или помощи в трудном деле, и из сотни останется один... если останется.

– Понял уже. – Эстен поднял голову и испытующе посмотрел на Манефу: – А в таком случае когда ты приедешь ко мне в гости?

– Да хоть сегодня, – легко согласилась она. – Раз Гинни уже отказалась от этого отбора и секретаря мы нашли, то могу уйти со спокойной совестью. Но завтра мне нужно ехать дальше, я обещала помочь еще одной внучке. Муж у нее загулял... тот еще лопух доверчивый. Интриганка наплела ему про светлую любовь, он и сорвался. Но не будем о них... ты лучше скажи, пора просить Гинни тебя отпустить?

– Да уже отпустила, – вздохнула я, понимая, что не могу удержать здесь Манефу, как бы мне этого ни хотелось. – Но в гости лучше ехать утром. Через два часа нам в поле...

– А вы хотели посмотреть твой новый дом? – так невинно выдала нас бабушка, что трудно было не понять, насколько ей понравилось приглашение Эста.

– Но мне не удастся отправить вас к нему... – Я еще пыталась спорить, хотя уже догадывалась, что перед напором этой парочки мне не выстоять.

– У меня есть амулет, домой двух человек с порталного круга легко уведу, – не уступал мне в упорстве Эстен, твердо решивший захватить чужую бабушку.

Впрочем, он и действительно мне как брат – иногда вредный, реже несправедливый, но в поле, под злобными взглядами кровожадных монстров, очень заботливый и самоотверженный.

– Тогда мы идем собирать себе одежду, – сдалась я и потянула Аленсию в свои покои.

А вернувшись через полчаса с саквояжами и коробками, обнаружила в столовой только Торину. Новая домоправительница пила чай и спокойно пояснила, что леди Манефия с внуком уже ушли.

Ленси тихо хихикала, явно восхищенная непривычным ей общением с магами, а мне осталось лишь пожать плечами и, выдав Торине все указания, направиться в порталную башню.

Глава двадцать третья

В моем домике, как и во всех домах, разбросанных по обширной территории цитадели, имелся свой порталный круг, очень удобно расположенный на просторном балконе-нише. С него мы попали в широкий светлый коридор, потом на лестницу и в просторную прихожую. Никаких следов запустения на этот раз нигде не осталось, везде стояла легкая, изящная мебель, кое-где обнаружили вазы с цветами и скатерти.

И я не сомневалась, что эти попытки создать уют исходили от Альми. А вот выскочившая навстречу хлопотуха была подарком учителя.

– Ой! – ахнула Ленси. – Откуда у тебя такая лапочка?

– Стай подарил, – ответила я, рассматривая гигантскую белку в кокетливом цветастом передничке.

Их привезли на наш материк переселенцы с Азгadora и с великой неохотой продали цитадели несколько штук на завод. А кто и когда додумался вывести из обычных белок особую породу домашних помощников, не известно никому. Многие сотни лет азгдорцы продавали на другие материки лишь стерильных животных, держа в строжайшей тайне секрет их разведения и дрессировки.

Но все знали, что надежнее и преданнее прислуги не найти. Особенно хороши мохнатые хлопотухи были в уходе за маленькими детьми: никогда не забывали переодеть, умыть и покормить. И мгновенно поднимали тревогу, едва у малыша начинало где-то болеть.

Моя хлопотуха была еще черной как сажа, и это означало, что ей всего пару лет, не больше.

С годами хлопотухи светлели, а позже седели, почти как люди.

– Вот тебе гостинец, – протянула я Хло прихваченную из дома корзинку со сладостями и булочками.

Она немедленно сунула туда черную лапку с человеческими пальчиками и, выудив пирожное, съела с величайшим наслаждением и почти великосветской аккуратностью. Это одно из их многих достоинств: хлопотухи очень чистоплотны и деликатны.

– Мартис тоже хотел купить, – тихонько вздохнула Аленсия, – но очередь огромная, и первыми забирают самые знатные господа.

– Попытаюсь помочь, – пообещала я, вспомнив, что и мой отец собирался заказать домашнего помощника.

Хотя мать категорически против. Она вообще предпочитала не показывать соседям и знакомым никаких особых привилегий, положенных магам. И магией старалась при них не пользоваться. Впрочем, она не была исключением: все маги, живущие в городах и поселках, старались особо не выделяться. Зависть – черное чувство, и испытать на себе месть какого-нибудь обиженного на судьбу дурака никому не хотелось. Хотя никто из магов не сомневался, кто сильнее всего пострадает в такой ситуации, но все точно знали, что после этого от них отвернется большая часть соседей и друзей.

– Ты и так для меня много делаешь, – отказалась новая подруга. – Я ведь даже не помню, когда так свободно ходила и разговаривала. Эти стражники следят за мной днем и ночью... Мартис боится, что меня выкрадут ради выкупа. А ты давно знакома с Эстеном? Он говорил про дружбу...

– Почти с детства. И он не солгал. Я действительно всегда считала его другом, а когда мы начали вместе ходить в поле, стала относиться как к брату.

– Гинни... а как там, в поле? – Живое любопытство в ее зоре было с толикой горечи и понимания невозможности увидеть нашу работу своими глазами.

– Вот напарники придут, спрошу, может, возьмем тебя с собой, – сказала я, ругая саму себя за это обещание.

О том, как не любят воины праздных наблюдателей, знали все в цитадели. Но когда-то Эстен с Лазартом взяли в поле на прогулку совсем зеленую магину, едва умевшую ставить пару щитов, и тот день стал поворотным в моей жизни.

В ожидании напарников мы подобрали Ленси походную одежду и легкую броню, сделали причёску попроще. Она первая об этом заговорила, осторожно осведомившись, не будут ли локоны мешать ей в вылазке.

Однако Ренд появился один.

Легко сбежал по лестнице и остановился в дверях кухни, где мы с умилением следили за хлопотухой.

– Эст не приходил? – бегло оглядев помещение, бросил принц на всякий случай, уже разворачиваясь, чтобы уйти.

– Приходил, – уверенно ответила я, начиная понимать, что новости дошли до него с опозданием. – И мы знаем, куда пошел.

– Куда? – впился он в меня заинтересованным взглядом, потом узнал наконец Ленси и нахмурился.

– К себе во дворец, – выдала я друга, пару секунд помолчала и с напускной обидой пожаловалась: – И бабушку мою утащил.

– Манефу? – Принц сразу раздумал куда-то бежать, прошел к столу, сел рядом и подтянул к себе блюдо с тортом. – Так она не твоя, а наша общая.

– Как это «общая»?

– Ну мы же друзья? А это почти как родственники. Тем более я скоро стану ей законным внуком.

– Каким образом, хотелось бы узнать? – опешила я.

– Ну так ты же ушла с отбора? – оторвавшись от куска торта, лукаво глянул Ренд. – Значит, теперь я имею полное право за тобой ухаживать.

– Как это?.. – От неожиданности я даже задохнулась. – А меня спросить? А шесть невест?

– Девушек не спрашивают, когда начинают за ними ухаживать, – спокойно объяснил он, но в его глазах плясали чертики. – Через месяц ты привыкнешь, потом оценишь меня, к весне дойдем до помолвки. А за претенденток не волнуйся, через пару дней их во дворце не будет. Вместе с фрейлинами.

– И куда же они денутся? – заинтересовала меня его уверенность. – Выгонишь, как Эстен?

– Как Эсту, мне, к сожалению, нельзя. Статус, винты бы его сожрали. Но план уже готов и начинает действовать. А ты хочешь взять в поле Аленсию?

– Собиралась вас спросить, если не против...

– Я не против. Она сообразительная и не белоручка, как остальные претендентки.

– Тогда зовите меня просто Ленси, – отмерла моя подруга.

– А меня Ренд, – легко согласился принц, запил торт чаем и нежно улыбнулся мне: – Спасибо, любимая. Было очень вкусно.

– Ренд! С какой стати ты меня так называешь? – С негодованием уставившись на напарника, ждала объяснений.

Ну или хотя бы смущения, на крайний случай. Кто же говорит о таких вещах вот так, внезапно, словно о чем-то обыденном?

– Элни, – ответил он укоризненным взглядом, – ты же знаешь, что это правда. И теперь нет ни одной причины, по которой я должен молчать и дальше.

– Я пойду, подожду Эстена наверху, в гостиной, – вскочив с места, ринулась к выходу Аленсия, и я не стала ее задерживать.

Разговаривать на подобные темы лучше без посторонних, даже если они и хорошие люди.

– Ренд... – Вот как объяснить ему то, что ясно мне самой, и при этом не обидеть?

– Я уже третий год как Ренд, – напомнил он, откровенно рассматривая мое лицо, – и двадцать седьмой – Райвенд. И почти шесть лет знаком с тобой.

– Откуда шесть? – невольно возмутила меня его небрежность в расчетах. – Ты даже с Эстом знаком всего пять!

– А тебя заметил раньше. Можно сказать, поэтому и познакомился с ним поближе. Стало интересно, чем особым мог дерзкий бастард привлечь хорошенькую магичку, всегда бросающуюся к нему с таким счастливым видом, будто нашла несметный клад.

– А просто про дружбу... – начала я и огорченно вздохнула.

Разве он один такой? Никто ведь не верил в подобное. Родители и те поглядывали как-то задумчиво.

– Теперь верю, – на миг помрачнев, сказал Ренд и усмехнулся: – Ты вообще необыкновенная. Я осознал это сполна, хотя не сразу. Но первая попытка не удалась, и во всем я виню только себя. А теперь судьба дала мне второй шанс, и я его ни за что не упущу. Не могу, понимаешь? Как выяснилось, кроме тебя, мне больше никто не нужен. А теперь нам пора... Стай появился.

– Откуда ты знаешь? – ошеломленно пробормотала я.

– Амулет у меня настроен на самых нужных людей, – пояснил он так спокойно, словно не наговорил минуту назад невероятных вещей, от которых голова шла кругом. Мне хватило ума промолчать, хотя на языке вертелся вопрос, есть ли я в этом списке. А потом распахнулась дверь, Гесорт смерил нас испытующим взглядом и коротко сказал:

– Тревога.

Я вскочила и ринулась за ним, но не успела сделать и двух шагов, как оказалась на руках у прыгающего через ступеньку Ренда.

Однако уже через пару секунд, придя в себя, создала щит-сферу и стремительно доставила всех нас в гостиную, где ждала Ленси.

– Мы пообещали...

– Бери, – не дал закончить Стай.

Всего спустя несколько мгновений мы стояли на верхней площадке деревянной сторожевой башни, враз оглохшие и ослепшие от грохота, криков, стонов и ярких солнечных лучей.

– Гина, помогай держать щиты, – скомандовал учитель, и пока я, прикрыв глаза, искала магическим зрением нити и узлы защитных плетений, торопливо объяснял: – Это большая деревня, Жабинка. Полчаса назад на рыночной площади появились провалы и полезли винты. Как выяснилось, стаю приманил хозяин бойни, сливавший в канавку кровь. Клянется, что не нарочно нарушил приказ. Ну, ты тут держи, мы пойдем помогать. Цитадель уводит жителей на Тезгадор, но нужно проверить все дома.

– А Эстен? – осведомилась, переживая за друга, получившего от судьбы очередной подлый удар.

– Уже здесь! – голос учителя донесся откуда-то снизу.

– Ленси? – позвала я, на мгновение оторвавшись от щита, который с разных сторон поддерживало не менее десятка магов, но никто не отозвался.

Значит, учитель взял ее с собой, и следовательно, за подругу можно не волноваться. Стай не из тех людей, кто может забыть о подопечном или передоверить его кому-то другому.

Постепенно мои щиты вливались в общий купол, укрепляли слабые места, меняли поспешные соединения. Работать было легко, где-то неподалеку бил сильный источник, но душу отравляло понимание, что именно он и породил стаю монстров, напавших сегодня на несчастных селян. Вскоре маги начали по одному покидать свои посты, пока нас не осталось четверо. Я не знала, кто именно помогает мне держать купол, но чувствовала мощь и опытность собратьев. Мы уже накрыли трехслойной защитой все свободные от построек участки почвы и особенно прочно запечатали дыры, куда боевые маги сбросили перебитых винтов. Жечь их было бесполезно, кровь просочилась сквозь камни и песок, пропитав подземные ходы и норы на десяток шагов вглубь. Да и небезопасно: большинство домов – деревянные, а в этих местах уже не менее трех декад стояла летняя сушь.

– Отдохни, – тронул меня за плечо Сингис, один из самых сильных щитовиков цитадели, но я отказалась:

– Еще не устала.

И в самом деле чувствовала себя бодрой и свежей, как обычно вблизи от подобных мест. Даже создала маленький щит, в котором сидела как в кресле.

– Это коварство источника, – не отступил Сингис. – Пока купаешься в его потоках, кажешься себе всемогущим и бодрым, как мальчишка, а стоит уйти в цитадель, накатывают бессилие и сонливость. Если не хочешь потом спать три дня, чередуй магические занятия и обычный труд. Или отдых. Пока ты тут дежурила, мы успели собрать всех жителей возле дома старосты. Там порталщики открыли путь к нам. Только одну семью не можем уговорить, они потеряли двоих детей... Нет, ты неверно поняла. Ребятишки пасли коз на опушке леса и домой не вернулись. Ни они, ни животные. Но следов расправы нет. Там сейчас работают следопыты и все те, кто ощущает людей по магическим аурам или тепловому следу.

– Какой тут след, в такую жару, – еще бурчала я, а в сердце уже вонзилась ледяная заноза.

Как раз такими способами Ренд находил в зарослях монстров и любых живых существ. Хотя своя способность следопыта у него была слабой, зато ее усиливал родовой королевский артефакт. Впрочем, все следопыты имели на вооружении десятки различных амулетов, жезлов и даже подопечных животных и птиц. Всяких крыс, ласок и ворон. У Ренда был маа, но в спасательные вылазки он питомца не брал.

Ведь неизвестно, чем придется заниматься.

Передав Сингису свой пост, я помчалась вниз и очень скоро выяснила, что принц ушел к бегущей меж каменистых берегов речке, куда дети гоняли в обед свое маленькое стадо на водопой.

Не понимая, ради чего напарник решил идти именно туда, ведь пропали ребятишки еще утром, я создала небольшую воздушную сферу и торопливо направилась следом.

На берегу неширокой, неспешной речушки было пустынно и до неправдоподобия безмятежно. Мирно струилась мимо прозрачная вода, весело сновали на мелководье какие-то рыбешки, крутились над зарослями рогоза слюдяные стрекозы, деловито жужжал какой-то жук. С минуты я осматривалась, гадая, куда мог пойти отсюда Ренд, и после небольших колебаний решила, что перебираться через реку он вряд ли стал. Ведь тогда этим путем должны были бы ранее пройти дети с козами? А им совершенно незачем туда плыть, трава на том берегу точно такая же, как здесь.

Выбор сузился, но куда дальше? Вверх или вниз по течению? Внимательно оглядев берег, я признала, что сама направила бы коз вниз, туда, где пышно цвело вымахавшее выше пояса разнотравье. Однако непонятное чувство почему-то неумовимо тянуло меня в другую сторону, и захотелось проверить интуицию.

Через пару десятков шагов правильность моего выбора подтвердили мелкие приметы. Тут явно кто-то недавно прошел: трава слегка примята, на кустах дикой малины не осталось ни одной спелой ягоды, хотя в трех шагах от свежей тропы она алела сквозь листву рясыными гроздьями.

А потом я заметила на колючих стволиках клочки козьего пуха и ускорила сферу.

Ренд прошел этой тропой не менее часа назад, и догнать его будет нелегко. В походах лучник всегда быстр, ловок и неумолим. И очень бдителен, поэтому я не боялась налететь на логово кабаняк или семейку винтов и гнала свой необычный транспорт все стремительнее. И очень скоро заметила, что тропа начинает неуклонно забираться вверх.

Речное русло заворачивало отсюда вправо, а лесной клин остался слева, и между ними постепенно вырастал каменистый холм, густо заросший кустами, одиночными деревьями, сорной травой и хмелем. Это растение господствовало на холме, оплетая пышными лианами все деревья и кусты и превращая их в дремучий лес.

И кто-то, прошедший тут до меня, безжалостно прорубил в непролазных дебрях светлых шишек, свисающих пышной пеленой, прямые, но очень узкие тоннели, прикончив по пути несколько крупных пауков-птицеедов. А поскольку это мог быть только Ренд, и так варварски он расправлялся с растениями и насекомыми лишь в случае крайней необходимости или опасности, заторопилась и я.

Чувствуя все нарастающую тревогу и одновременно усиливающееся желание добраться до странного места, куда недавно так стремился командир, а несколькими часами ранее ушли дети и козы, сжала сферу в некое подобие веретена и поспешно направила ее по ведшей вглубь зарослей просеке.

И только из-за спешки не сразу заметила все чаще попадавшиеся полянки, затканые паутиной. Причем необычной, слишком обширной и плотной.

А когда я ее рассмотрела, то помчалась вперед еще стремительнее, попутно наращивая на свою сферу все новые слои защиты. Хотя моей броне не страшны никакие насекомые, даже измененные магией гиганты. Но ведь там могут быть дети, и вот они ничем не защищены от укусов. И мне оставалось лишь надеяться, что я успею взять их под свои щиты.

Заросли становились все гуще, и вскоре мне пришлось нехотя убавить скорость. Теперь я везде видела следы Ренда. Разрубленную или сожженную огненными жезлами паутину, останки необычно огромных пауков, разорванных магическими снарядами, и тщательно расчищенную тропу. Значит, он воспринимал этих насекомых как серьезную опасность, раз выбивал так скрупулезно, проверяя вокруг каждый кустик.

А чуть позже я нашла первую козу. Вернее, сплетенный из плотной паутины кокон и торчащие из него кокетливые рожки. Проверять, живо ли животное, у меня не было ни времени, ни желания, но дальше я пробиралась с удвоенной осторожностью и неусыпной бдительностью. И они оказались нелишними: лишь внимание помогло мне не пропустить паучью атаку. Мохноное войско рухнуло откуда-то сверху целой кучей, и по наружному слою сферы тотчас потекли мутные струйки клейкой жидкости. Она мгновенно твердела и начинала сжиматься, а я ждала, пока все твари истратят свои снаряды. А потом, разомкнув самый верхний щит снизу, подняла его края вверх, словно лепестки гигантского цветка, и мгновенно снова сомкнула, поймав всю стаю в запертую ловушку.

Крупные, словно кошки, пауки засуетились и забегали, как будто понимали, что это конец, но я не стала наслаждаться паникой хоть и мерзких и злых, но все же живых существ. Просто сжала щит до предела, запечатав их в собственную же паутину, и, оставив слабо шевелящийся тюк у тропы, двинулась дальше.

Через несколько минут тропа привела меня к рыхлой куче камней и песка, похожей на развороченный гигантский муравейник. Посреди этой кучи виднелся темный узкий лаз, наклонно ведущий куда-то вниз, и через еще не просохший песок четко, как надпись, тянулась цепочка следов от сапог Ренда.

Я узнала бы их среди сотен других отпечатков и ни на миг не усомнилась, что лучник сейчас там, под холмом. Почему он полез туда в одиночку, не дожидаясь помощи, я понимала с леденящей кровью ясностью. Для огромных пауков любые животные и даже люди – всего лишь корм, и сейчас главное – успеть найти детей и дать им противоядие, пока впрыснутый пауками яд не превратит бедолаг в пищу.

Я ни на миг не сомневалась, что прежде чем лезть в паучье логово, Ренд отправил собратям вестника, и теперь меня тревожило лишь одно: почему никто из них до сих пор меня не догнал? Может, они нашли еще более опасных монстров и пока не успели сюда кого-нибудь отправить? Или отыскиали детей в другом месте, а Ренд идет по ложному следу?

Торопливо открыв почтовый амулет, я написала послание учителю и для верности еще одно, на местную базу цитадели. Там стоит самый мощный почтовый артефакт, и правило дублировать в опасных ситуациях все послания никто пока не отменял.

А потом снова ужала свою сферу и головой вперед нырнула в паучий лаз.

Глава двадцать четвертая

Выкопанный в рыжей глине, перемежавшейся каменистыми глыбами, ход вился змеей, нырял под огромные валуны, почти отвесно поднимался вверх, петлял и снова вилял. Я давно создала путеводный светлячок, летевший впереди и озарявший бледным сиянием исчерченные паутинками стенки. И неоспоримые свидетельства правильности моего направления – останки безжалостно расстрелянных шестиногих хозяев этого места.

Только Ренд мог устроить тут такую дотошную зачистку, не оставив ни одного, даже самого махонького паучишки. Потому я ни грана не сомневалась, когда ход привел к пролому в каменной стене и сила зова стала отчетливой и почти непреодолимой. Меня тащило внутрь, как козу на веревке, и если до этого момента я еще слабо сомневалась в его чужеродности, тщетно надеясь на внезапное обострение собственной интуиции, то теперь обманывать себя больше не имело смысла.

Кто-то нагло заманивал сюда жертв, и было наивно надеяться, что Ренд не попал в их число. Разумеется, он носил мощные амулеты, и я даже приблизительно не знала, сколько их, но ментальные чары всегда стояли особняком среди других направлений магического ремесла. Еще никто не выяснил до конца, почему у одних магистров они сильнее, а у других до конца жизни слабы, как у учеников, и почему хорошо обученный эмпат может легко взять власть над толпой магистров, но иногда не в силах справиться с неумелым юным учеником.

И хотя учитель не раз предупреждал, что гильдия не позволяет своим собратям в одиночку приступать к разведке и изучению подобных мест, – и даже настрого запретил соваться туда в одиночку, – теперь ничто не заставило бы меня повернуть назад.

За стеной открылся старинный подвал.

Огромный, низкий, со сводчатыми потолками, опирающимися на ряды толстых каменных колонн. А еще очень мрачный, запущенный и словно сетями затянутый полотнищами плотной, липкой паутины.

Но середина была очищена – явно магией огня. А под темной, закопченной стеной сидел на каком-то обломке Ренд и смотрел на меня холодно и осуждающе, как наставник, обнаруживший целую кучу моих грубых ошибок.

– Ну и зачем ты сюда примчалась? – сквозь зубы цедя слова, грубо и зло осведомился он. – У тебя своя важная работа, нечего бегать за мной, как собачка! Там щитовики без сил падают, а ты тут играешь в сыщика!

Все это было правильно... надолго уходить мне никто не разрешал. Просто волновалась за него... и хотела посмотреть, по дружбе... К тому же у меня два часа отдыха... а я пока истратила только половину...

Но вот такого обращения не ждала... да и не заслужила. И теперь он может больше не заговаривать ни о каком ухаживании, даже слушать не стану! А сейчас уйду, пусть сидит тут, сколько пожелает!

В душе стремительно вскипела смертельная обида, выплеснулась, накрывая меня штормовой волной, и я, вмиг утратив всю выдержку, резко развернула сферу и ринулась прочь.

Подальше от этого мерзкого места и не менее гадкого, грубого, несправедливого напарника! Сфера вмиг преодолела расстояние до пролома, нырнула внутрь... и словно завязла в темной пустоте, двигаясь неспешно, будто в густом, осевшем меду.

– Ну что ж ты остановилась? – как кнутом хлестнул полный ядовитого презрения голос Ренда. – Не насмотрелась на меня?

Откровенное оскорбление вонзилось в спину раскаленным копьём, заставило сжать кулаки и стиснуть зубы. И ринуться в тоннель так яростно, как прежде не стремилась никуда и никогда. И сфера наконец пошла вперед.

Медленно, с напрягом, но двигалась, все больше вплывая во мглу подземного хода. Светлячок почему-то остался позади, но я о нем и не думала, страстно, до зубовного скрежета желая вырваться из этого проклятого подвала.

Минуты три сфера упорно втискивалась в пролом, и я уже почти поверила, что побег удался. Облегченно выдохнув, скосила взгляд в сторону, надеясь увидеть лишь замусоленные стенки тоннеля, но обнаружила невероятную картину.

Сфера едва заметно, но упорно вдавливалась в невидимое препятствие, а я оставалась на месте, как застрявшая в ячее сетей рыба. И едва я это осознала и ослабила нажим, меня вместе со сферой резко отбросило назад, будто листок порывом буйного ветра.

– Не сработало... – устало и огорченно буркнул Ренд и смолк, не желая продолжать.

«Что там у него не сработало?» – с ненавистью фыркнула я и опять ринулась на незримую преграду. В злом отчаянии бросалась на нее сбоку и сверху, пыталась заострить нос сферы и протиснуться, раздвигая странную преграду, даже швырнула огнем, но все эти попытки не принесли ни малейшего успеха.

– Тут не пополняется резерв, – тихо предупредил Ренд, когда я замерла напротив пролома, раздумывая, каким еще способом можно пробить загадочную защиту.

Я непримиримо поджала губы, не желая с ним разговаривать. Однако на амулеты тайком взглянула и обнаружила, что они пусты более чем на две трети. И когда это я успела столько истратить?

– Этот щит собирает энергию на несколько шагов в обе стороны, – так же устало пояснил принц. – Нужно уйти от него подальше.

Зря старался, больше я ему не верила, и напарником считать отныне не собиралась. Напарники должны доверять друг другу как себе и вместе решать все проблемы, не оскорбляя друзей и не манипулируя ими!

Поэтому, убрав сферу, создала воздушный стул, намереваясь устроиться на нем и постараться рассудительно и спокойно обдумать свое положение. Спина к принцу, разумеется.

И уже через мгновение осознала, как оплошала, глупо и наивно, словно сельская простушка. Ренд метнулся ко мне по обыкновению стремительно и бесшумно, сгреб в охапку и потащил куда-то, не обращая внимания на мое яростное сопротивление.

Я не сразу догадалась поднять щит, а когда создала, то даже застонала от обиды, слишком поздно сообразив, что во всех щитах, которые я творю в поле, предусмотрен свободный проход

для напарников. Все подобные правила так прочно вбиты в мои мозги, что мне и в страшном сне не привиделось бы отгородиться от друзей или не впустить их под защитный купол. И эта ошибка стала последней каплей, переполнившей чашу моих обид. Непрошенные горькие капли потекли по щекам тонкими ручейками, но я старательно делала вид, будто их не замечаю. И все сильнее стискивала зубы, чтобы не завывать от острой, как нож, обиды.

– Ну, тихо, тихо... – бормотал напарник, пробираясь меж колонн, а я ничего не видела от слез и вряд ли нашла бы дорогу назад, если бы он сейчас меня отпустил.

– Гина... Гина! – откуда-то словно издалека звал Ренд, потом вдруг рывкнул: – Элни! Убери этот проклятый стул!

– Зачем? – неуступчиво всхлинула я, но стул все же убрала.

– Он тянет магию, – хмуро пояснил лучник, усаживаясь и устраивая меня на коленях. – А я почти пуст – тоже пытался уйти. Надеялся, тебе повезет больше...

– Почему? – не поверилось мне.

Я, конечно, маг третьей ступени, но Ренд, как выяснилось, уже мастер. Да и защитники всегда уступали по силе боевым магам, а наши амулеты – королевским артефактам.

– Эффект психического шока, – мрачней еще сильнее, буркнул он.

Потом достал из кармана платок и начал неумело, но усердно вытирать мне щеки. Не выдержав этого издевательства, отобрала кусок вышитого батиста и, изредка всхлипывая, принялась сама уничтожать следы собственной слабости.

Постепенно успокаиваясь, я рассуждала все более связно и вскоре сообразила, как глубоко ошибалась еще несколько минут назад.

Вернее, как ловко этот интриган заставил меня поверить своим словам. Прямо талантливый столичный менестрель, по желанию которого публика то рыдает взахлеб, то так же безудержно смеется. Но мне-то от этого ни грана не легче, из сердца еще не ушла острая боль незаслуженной обиды.

И пусть, как выясняется, у него были самые лучшие намерения, простить такое обращение просто невозможно.

– Ты отправляла вестников? – прервал тишину вопрос принца.

– Да, – нехотя буркнула я и завозилась, пытаясь слезть с его колен.

– Сиди! Камни холодные, а магию нужно беречь.

– Ты же спокойно смотрел, как я ее трачу! – не сдержав обиду, прошипела в ответ.

– Не спокойно, – устало возразил Ренд, – а с надеждой. Если бы тебе удалось уйти, магистры сейчас знали бы, с чем придется бороться. А теперь они придут сюда и влипнут в ту же ловушку.

Покрепче прижал меня к себе, положил подбородок на мое плечо и надолго смолк, что-то обдумывая.

Размышляла и я, и мои мысли мне очень не нравились. Особенно выводы, сделанные из оговорок Ренда. Раз он спрашивал про вестников, значит, отсюда их послать невозможно. И тогда неизвестно, прошли ли мои послания и придет ли помощь. Ведь у собратьев сейчас хватает забот.

– А дети? Не нашлись? – спросила на всякий случай, не надеясь на ответ.

– Нашлись, – очень неохотно произнес принц и сжал меня еще сильнее. – Не ходи туда. Они еще живы... раны я заморозил... если магистры придут скоро, то смогут вылечить.

– Но я тоже немного могу! – попыталась высвободиться из его захвата. – И зелья у меня есть...

– Я сделал все, что можно, – категорично отрезал он, помолчал и мрачно пояснил: – Не нужно тебе на них смотреть, Элни. Это зрелище не для женщин.

Мне хотелось сказать, что это как раз он в нашем отряде меньше всех привык к самым кровавым зрелищам, отстреливая монстров издалека. Хотя справедливости ради нужно признать, что и черную работу Ренд делал не отлынивая. Но с брезгливостью, сквозившей в каждом жесте.

Однако я смолчала, понимая, что в нашей ситуации подкалывать и задевать напарника – самое последнее дело. Все, кто, попав в ловушку, начинали ссориться и выяснять отношения, обычно выходили из нее с большими потерями.

Лишь горько вздохнула – совсем недавно он и не думал шадить мою женскую ранимость.

– Ты ведь уже поняла, – помолчав, обреченно вздохнул Ренд, – для чего паукам люди и животные? Видела по дороге козу?

– Да.

– Ее они напихивали ядом и оставили на корм себе. А детей... Тут была огромная самка, она откладывает в живые тела яйца...

– И они... – задохнулась я ужасом.

– Уже нет. Разрезал и все вычистил. Но раны получились слишком обширные, поэтому полил зельем и заморозил... я уже говорил. На всякий случай, если пропустил личинку.

Он говорил слишком спокойно и отстраненно, но я отлично понимала, чего стоила напарнику эта операция. В одиночку, в темном и холодном бесконечном подвале, кишасшем голодными пауками, на грязном камне, под неверным светом магического шарика, кинжалом резать животы детишкам... На это нужна невероятная сила воли. И прорва магии, ведь без защиты на такое не решится ни один маг. А щиты – самая слабая способность Ренда. Вот теперь понятно, куда ушла вся его энергия.

И почему он потом так старался выпихнуть отсюда меня... Значит, не уверен, что где-то в дальних углах не осталось еще более огромных тварей.

А я сразу не поняла и обиделась насмерть, как изнеженная недалекая девица, способная лишь с умным видом рассуждать о моде, погоде да мужском коварстве.

Мне стало невероятно совестно перед Рендом и очень досадно, что ему пришлось наблюдать мою глупую истерику. Ведь я опытный воин и должна была почувствовать неправильность его поведения. И вспомнить, что прежде Ренд никогда так не делал.

Однако сказать об этом вслух мне не достало смелости. Ее вообще хватило лишь на попытку примирения, в знак которого я осторожно погладила друга по плечу.

– Не нужно жалеть меня, Элни, – скрипнул зубами напарник. – Я умею это делать. Хотя и не люблю. Из меня никогда не получится целитель.

– Ты в последнее время стал разговорчивым, – сделала я неожиданное открытие.

Прежде Ренд не считал нужным открывать мне причины своих поступков. Только с Эстом делился намерениями и планами.

– Когда я понял, что ты меня совершенно не знаешь, – нехотя буркнул принц, – то дал себе слово подробно пояснять все, что тебя заинтересует. Хотя... – его лицо на миг искривила полная безнадежности ухмылка, – теперь это бессмысленно. Ты ведь никогда не простишь меня за сегодняшнее оскорбление... я бы и сам за подобное любого выкинул из друзей.

Это заявление меня ошеломило. Но сначала я даже не поняла, чем именно.

Вроде бы все верно, Ренд меня унизил, плюнул в душу, и я должна его за это возненавидеть.

Ну, по крайней мере, сильно обидеться года на два... или хотя бы на пару декад. Не разговаривать с ним, не ходить вместе в поле... если мы отсюда выберемся, конечно.

Жаль, что мне не удалось уйти, сейчас сюда уже пришли бы магистры. Или снаружи взломали бы этот щит, или изнутри слили энергию на какой-нибудь артефакт. У них для этого есть особые способы.

Мне сразу отчетливо представился Стайн, внимательно слушающий рассказ о том, как напарник выгонял меня из западни, и в ушах словно наяву прозвучал его голос: «Молодец, Райвенд. Правильно рассудил. При резком всплеске эмоций у магов всегда усиливаются заклинания главной стихии, а иногда и побочные способности. Поэтому шанс уйти повысился почти в два раза».

Так вот в чем дело! Умом я давно осознала, что он пытался меня спасти, но сердце, обиженное грубостью, упорно не давало мне прислушаться к голосу разума. Цепляясь за совершенно не подходящие воинам правила деликатности и вежливости в обращении с леди.

И я хороша, позволила себе забыть, кто я и зачем тут нахожусь, поверить нарочитым грубостям и растравить себе душу до самых настоящих слез...

– Не хитри, Ренд, – выдохнув с облегчением, усмехнулась я. – Мне не за что на тебя обижаться. Наоборот, нужно сказать спасибо. Я чувствовала настоящую боль и на самом деле истово стремилась уйти, но щит оказался слишком крепок.

– Элни... – с невероятным облегчением простонал он и стиснул меня крепко, словно собираясь удушить. – Я так надеялся, что когда-нибудь ты это осознаешь. И поверь, мне тоже было невыносимо больно смотреть на твое обиженное лицо.

Его внезапное признание снова меня огорошило и на несколько секунд отняло дар речи.

Но не откровенностью, абсолютно несвойственной лучнику, и даже не неожиданным созвучием наших чувств. Меня поразила глубина безнадежности, на миг пронзительно прозвучавшая в знакомом, казалось бы, до последней интонации голосе.

Сказать хоть что-то в ответ на это признание было очень трудно, почти невозможно, да Ренд, похоже, и не ждал ответа. Сидел, устало и доверчиво уткнувшись лицом в мой шлем, и это безропотное затишье бередило мне душу, будя неожиданные сомнения и вызывая ошеломительные прозрения.

Ведь если он и в самом деле влюблен в меня уже шесть лет, то многие, если не все его поступки и слова обретают новый смысл. Становятся понятны некоторые странности, и еще больше запутываются непонятные события.

– Ренд... – осторожно погладив его по плечу, начала я, решившись выяснить причину самого непонятного происшествия, – можно задать один вопрос?

– Хоть сто, – немедленно согласился он. – Но сначала пообещай не спорить, когда я прикажу спрятаться. Уйдешь вон туда, вправо, там узкие клетки... сядешь и закроешься каменным щитом. И будешь сидеть, пока не придет помощь.

– А ты что будешь делать в это время? – невинно осведомилась я, начиная понимать свою ошибку.

Пока я витала в прошлом, пытаюсь осознать причины его поступков, мой напарник размышлял вовсе не о любви.

Вернее, именно о ней, но далеко не так, как это представлялось мне. Он не пытался придумать для меня сюрприз или угадать, какие цветы я люблю, а просчитывал, как надежнее спрятать меня от пауков. Или еще от чего-то жуткого, о чем, как обычно, догадался раньше всех.

– Постараюсь его убить. – Тон лучника мгновенно стал прежним, командирским, сухим и не подлежащим обсуждению.

И объятия он почти разжал, вызвав у меня непонятное сожаление.

Вот только я в его жесткость больше не верила. Ренд оказался вовсе не холодным и бесстрастным воином, которому все равно, кто стоит рядом с ним в поле. Да и сама я теперь не просто щит для ловкого лучника.

Пока мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, во мне произошли странные перемены. Нет, я пока еще не могла бы сказать с уверенностью, будто нежданно-негаданно пылко влюбилась в своего напарника. Это было бы откровенной ложью.

Но на сердце вдруг стало как-то по-особенному тепло от его упорного желания уберечь меня от грядущего боя и даже от заботы о моем здоровье. Только теперь мне вдруг припомнилось, что он всегда следил, чтобы у меня были сухие ноги, чтобы я не садилась на камни и на сырую землю, чтобы первая получала кружку горячего чая и пирожок. Смешное правило для тех, кто не знает особенностей внезапного боя, когда получивший кружку последним иногда не успевал сделать даже одного глотка.

И всегда это был Ренд.

– А я буду закрывать тебя щитом, – невозмутимо добавила я. – Чтобы убил наверняка.

– Гина!

– Ты недавно называл меня Элни. Кстати... почему?

– Тебе оно больше идет, – хмуро буркнул он. – Но я обойдусь без щита. У меня королевский артефакт.

– А у меня контракт с цитаделью на твою защиту. И еще... Нам не пора посмотреть, как там дети?

– Не пора. Я их спрятал и прикрыл «отводом глаз».

– И где его взял? – Я сразу поймала несоответствие в его словах.

Кастовать мощный «отвод глаз» Ренд никак не мог, нет у него такой способности. Значит, оставил детям амулет. Какой именно, цитадели или родовой?

– В шлеме был. Ты принимала его за маску.

Какие тайны открываются... Значит, лицо Ренда не видела только я?

– Элни, – виновато признался принц, – там допуск только для Стая, Эста и Герта.

– Никогда не думала, что Стай для тебя – такое же доверенное лицо, как брат, – пробормотала я, чувствуя, как руки напарника снова сжимают меня железным захватом.

– Он твой учитель и ни на миг не выпускал тебя из виду. А мне запретил... ну, в общем, велел помалкивать.

– Вернусь – надаю по шее, – спокойно пообещала я.

– А справишься? – вдруг непонятно с чего развеселился лучник.

– Есть способы, когда знаешь людей давно и наизусть изучил их привычки и характеры. Вот ты, например, очень самоуверен... в хорошем смысле. Когда уже придумал план действий и способы его выполнения, убедить тебя поступить иначе почти невозможно.

– Ну, можно сказать и так, – подумав, согласился Ренд и вдруг, резко развернув меня к себе лицом, пристально уставился в глаза: – Но ты ведь не просто так это сказала?

– А еще ты очень умный и сообразительный, – лукаво похвалила я и неожиданно для себя упрекнула: – Не пойму только, почему пять лет назад не нашел способа объяснить мне, что я вас перепутала?

– Я же говорил... был слишком самонадеянным, и твоя невнимательность меня оскорбила. А чего еще можно было ждать, Элни, от высокомерного юнца, которому матушка с утра до ночи твердила о его необыкновенности, красоте, уме и таланте? Но давай не будем сейчас о прошлом? Я ведь поумнел и многое с тех пор понял... и сейчас подозреваю, что ты не зря так мило улыбаешься.

– Ну разумеется, не зря. Я потеряла тебя пять лет назад, запутавшись в собственных ошибках, и сейчас пока еще не нашла. Но если буду сидеть в уголке и спокойно смотреть, как тебя жрут пауки, то не найду уже никогда.

– А ты хочешь найти? – Мне показалось или он и в самом деле затаил дыхание?

– Конечно... Ведь помню еще, как это было прекрасно...

Договорить я не успела, где-то в темноте послышался шорох и непонятное постукивание. Мгновенно вскочив на ноги, Ренд попытался задвинуть меня в незаметную на первый взгляд узкую щель между стеной и колонной. Но наткнулся на упругий щит, которым я успела привязать нас друг к другу.

– Гина!

– Тсс! Чем их лучше бить? У меня есть два жезла, возьми тот, что мощнее. – Я втиснула в руку напарника оружие, точно зная, что позже подсуну ему и другой.

Все же я защитник, а не боец.

Глава двадцать пятая

Обычно время ожидания тянется невыносимо медленно, но на этот раз мне едва хватило отпущенных судьбой секунд, чтобы поднять самые надежные щиты. От существ, приближающихся к нам из темных проходов, ничего хорошего ждать не приходилось. Кем бы они ни были.

Но вскоре стало ясно, что это люди. Причем маги, судя по висевшему перед ними довольно слабому светлячку. А чуть позже мы отчетливо рассмотрели человека. Пока одного. Он был снаряжен не просто странно, а совершенно немыслимо. На нем была клетка. Наподобие птичьей, только состояла она из трех частей. Сверху, примерно до колен, сама клетка, прикрепленная к поясу и плечам кожаной брони металлическими распорками, напоминающими спицы зонтика, только намного прочнее. А из-под этой клетки торчали два узких отводка, похожие на многоколенчатые трубы.

Но больше всего меня поразил его шлем-маска. Точно такие же носили многие знатные наемники, и изготавливались они только в цитадели. Значит, это один из наших? И тогда что он тут делает?

Вернее, кто он тут, пленник, раб или все же хозяин?

– Шлем явно не его, – нарушив тишину, тихо шепнул мне на ухо Ренд, резко направив мои мысли в другую сторону.

Раз броня на нем чужая, значит, он нам в первую очередь враг. Ведь снять подобные вещи с живых магов цитадели невозможно.

Это обстоятельство разом освобождало нас от большей части запретов. С теми, кто однажды покусился на жизнь или здоровье собратьев, цитадель не церемонилась и никаких переговоров не вела. Поэтому я поспешно внесла изменения в созданную защиту, добавив, помимо прочего, и зеркальный эффект.

– Девка идет за мной! – рассмотрев нас, на местном наречии уверенно скомандовал пришедший.

Хотя жители континентов пользовались единым языком, когда-то очень давно придя к этой, несомненно, разумной мысли, но в каждой местности постепенно накапливались собственные словечки и выражения.

Ренд ответил на это наглое предложение пробным выстрелом из арбалета, но вместо простого болта послал особый, несущий на острие крохотный фиал.

Тонко хрустнуло стекло, и клетку вмиг затянуло пышным слоем инея. Следовательно, зелье было замораживающим, и теперь нам оставалось лишь ждать, чем ответит на этот удар маг.

О том, чтобы заморозить его с первого удара, можно было и не мечтать, все доспехи цитадели зачарованы на защиту от ее собственных снарядов.

Иней действительно растаял, как на горячей сковородке, приснул паром, упал на пол редкими каплями. Ренд немедленно вцепил в клетку сразу два болта, но они сгорели, едва коснувшись частой, как сито, сети.

– Ко мне! – злобно рывкнул враг и, делая руками замысловатые движения, повторил медленно, с завываниями: – Ко мне-э...

Знакомое манящее чувство возникло вместе с этими тягучими, тонкими звуками, вызывая желание немедленно идти на зов, но я напряглась и не сделала и шага. А когда Ренд вцепился в меня, прижимая к себе, и вовсе вздохнула облегченно. Значит, он тоже устоял, и можно не привязывать наш щит к колонне, как я намеревалась вначале.

А теперь собиралась сделать немного по-другому. И первым делом я создала особые щиты – против ментальных воздействий. Они закрывали только голову, и в них я добавила металлической пыли. Очень немного, стихия металлов и минералов всегда подчинялась мне неохотно. Леди Модена ворчала, что это неправильно, каждый маг должен стараться управлять всеми стихиями одинаково, ведь магия везде одна. Разница только в личном отношении к воде или огню. Оно идет из малолетства, и взрослому человеку под силу преодолеть эти детские страхи или неприязнь. Но позже я убедилась, что так не только у меня. Даже старшие магистры с одними заклинаниями управлялись шутя, а другие кастовали с трудом, как зеленые новички.

– Ко-о... мне-э-э!.. – еще громче завыл раб клетки, и Ренд вдруг дернулся к нему, оттесняя меня себе за спину.

– Куда?! – охнула я и мигом привязала щит к колонне. А потом сердито зашипела, пытаясь заглянуть напарнику в глаза: – Ренд, держись. Ты меня слышишь?

– Слышу, – громко и как-то заунывно ответил принц. – Иду, иду-у...

– Кто тебя отпустит? – расстроилась я.

Ну вот почему на меня почти не действуют вопли этого паучьего друга, а Ренд уже готов бежать куда угодно?

– Да-а!.. – так же тоскливо выкрикнул Ренд и, неожиданно повернувшись, стремительно сцапал меня как кошка мышку: – И тебя ему отнесу-у...

Я вырывалась, как дикий зверек, пока к моему уху не прижались его губы.

– Элли... – Едва слышный шепот я услышала не сразу, а только после того, как сообразила, что напарник уже очень нежно целует мне шею.

– Ренд! Ты с ума сошел?

– Давно, – нежно и лукаво шепнул он и нехотя добавил: – Отвязывай щит и пошли.

– Куда? – насторожилась я.

– Куда приведут...

– Это плохой план, – подумав несколько секунд, выдала свой вердикт.

– Быстрее! – прикрикнул принц тихо, но тем самым тоном, которому лучше было не перечить.

И я сдалась. Не потому, что у меня был другой план или закончились силы. Просто внезапно вспомнила про детей и испугалась за них. Зов такой силы способен даже спящего человека поднять с постели и увести за собой, а для ребятишек это будет равносильно убийству.

Покорно убрала привязку и попыталась вырваться из рук напарника, но он шикнул повелительно, и я сдалась. Раз он считает это необходимым – пусть таскает. Вдруг это часть хитроумного плана?

Раб клетки брел впереди, изредка повторяя свой зов, а я получила возможность спокойно рассмотреть анфиладу одинаковых подвалов и лестниц, по которым мы пробирались, и заметила, что паутины становилось все меньше. Но это не радовало: всем известно, что пауки-

птицеловы не любят глубоких нор и всегда селятся ближе к выходу из пещер, дупел и любых других укрытий.

Мои подозрения подтвердились, когда, миновав пятую или шестую лестницу, маг шагнул в помещение, сплошь затянутое густой паутиной. И она не была мертвой и пыльной, как та, мимо которой мы прошли. Нет, эта сияла чистотой, и в ней, как страшные плоды, висели плотно стянутые коконы. Размером с человека.

– Отпусти меня, – шепнула я Ренду, но он лишь молча упрямо мотнул головой, продолжая шагать за побрякивающим своими клетками хозяином.

А через пару десятков шагов вдруг резко поставил меня на пол и коротко скомандовал:

– Сферу.

И я мгновенно выполнила его приказ: создала закрытый шарообразный щит и, как обычно в помещениях, сделала себе впереди низенькую скамеечку. Лучнику сиденье не требовалось, он стоял за моей спиной и стремительно рассылал в разные стороны болты и снаряды жезла.

– Вот, – подала я последний жезл, и Ренд без споров забрал, чтобы в следующий момент швырнуть из него в абсолютно пустую на вид паутину несколько огненных снарядов.

Густая белая занавесь мгновенно вспыхнула, и за ней забились, задергалось нечто огромное, желтовато-серое. Напарник бил и бил не переставая, и яркие вспышки летели во все углы.

Пылала сухая, смолистая паутина, пылали страшные коконы, дергаясь, горели выскакивающие из засады пауки. Черные, самые мелкие; рыжие, примерно с собаку; и самый огромный, размером похожий на очень пузатую корову, только на восьми коленчатых ногах.

Они горели беззвучно, слышался лишь шорох мусора под лапами да потрескивание огня. Зато из ходунго ходящей клетки по всему залу разносился громкий вой, в котором при желании можно было разобрать причитания, проклятия и приказы идти к нему.

Вот только слушать его никто из нас не собирался. Зов тоже больше почти не действовал, здесь ощущалось веяние магии, и я постаралась усилить все щиты. Но за врагом следила неотступно, зная по рассказам учителя, что такие вот возмнившие себя богами экспериментаторы обычно очень подозрительны и трусливы. И никогда не забывают приготовить для неожиданных гостей несколько ловушек или сюрпризов.

– За ним, – вдруг скомандовал Ренд, и мне стало ясно, что он, как всегда, успевал присматривать за всеми.

Ведь клетка отступала очень медленно и почти незаметно. И резко прибавила скорости точно в тот миг, когда раздался приказ принца.

Покорная моему мысленному пожеланию, сфера скользнула вперед, без труда нагоняя беглеца, но он неся не оглядываясь и не собирался останавливаться. Довольно ловко перебирая ногами в своей уродливой броне, уверенно находил путь между еще тлевшей паутиной, нырял в просветы арок и очень изворотливо протиснулся в щель меж каменными створками, которые тут же пришли в движение, норовя раздавить мою сферу вместе с нами.

Я ускорила ее прежде, чем успела подумать, вложив в это пожелание столько воли и магии, как никогда и нигде до этого. Мне даже скрежет слышался, когда мы выскальзывали из смертельного захвата бездушной ловушки. А маг, нелепо подпрыгивая, уже мчался дальше, мимо столов, котлов, пробирок и клеток, в которых сидели пауки самых разных видов и размеров.

Все они беспокойно шевелились, самые маленькие челноками сновали по стенкам, но все это виделось лишь мимолетно. Основное внимание по-прежнему было приковано к хозяину лаборатории, больше сомнений в этом у меня не оставалось. Он проскочил мимо двух боковых дверей и буквально вломился в торцевую, а в следующий момент раздался характерный звук спускаемой площадки.

Я бросила сферу вслед за ним – и едва успела ее остановить. За дверью была глубокая, как пропасть, шахта, и только по сторонам от проема дрожали натянутые корабельные тросы, уносившие беглеца в какое-то подземное убежище.

– Пусть бежит, – презрительно буркнул, словно выплюнул, Ренд. – Теперь его обязательно поймут. Снимай щиты, я попытаюсь открыть ту дверь.

– Какую? – не поняла я, но приказ выполнила.

А напоследок еще раз заглянула в шахту, откуда тянуло холодком и гнилью. Брр.

Правильно решил Ренд, незачем нам туда соваться. У этого сумасшедшего в тех штреках наверняка заготовлена не одна ловушка, а мы почти без резерва, голодные и уставшие. Время

нашего дежурства давно закончилось, на Тезгадоре сейчас занимается утро. Значит, мы без отдыха уже почти сутки.

– Элни, иди сюда, – позвал откуда-то командир, и я покорно поплелась на его голос.

Одна из дверей, мимо которых мы недавно промчались, была распахнута, и за ней виднелся коридорчик. Из него можно было попасть в две небольшие комнатки без окон и печи.

– Тут он жил, – брезгливо осматривая засаленную постель и заваленный грязными мисками и обедками стол, пояснил принц. – Во второй комнатке умывальня, там почище. Иди умойся, я пока посмотрю, нет ли тут чего ценного, потом пойдем во вторую дверь. Оттуда начинается лестница наверх, может, найдем выход.

Через несколько минут, немного приведя себя в порядок и выпив по стакану воды с особым питательным зельем, входившим в наши обязательные полевые наборы, мы уже добрались до ступеней лестницы, спиралью круто уходящей наверх, в непроглядную мглу.

– Я бы никогда не повел тебя туда, – Райвенд стоял напротив, серьезно заглядывая мне в глаза, – но здесь мне как-то неспокойно. Ты заметила, в комнате для доступа воздуха имеется только узкая трубка вентиляции, перекрытая сеточкой. Вроде бы ничего странного, но судя по предусмотрительности этого пауковеда, где-то обязательно должен быть подвох.

Мне тоже давила на душу смутная тревога, поэтому я полностью с ним согласилась. Да и неимоверную бдительность сбежавшего хозяина уже успела заметить и оценить. В этих комнатах везде были коробы и крышки из мелкой металлической сетки. Кровать при желании накрывалась клеткой с защелкивающимся запором, в шкафу с едой имела такая же внутренняя дверца, и даже в умывальне все отверстия были с запирающимися крышками.

– Идем, – улыбнулась ему так уверенно, как сумела. – В крайнем случае всегда сможем вернуться.

– Вот об этом и хочу тебе сказать, – вздохнул Ренд виновато. – Я собирался сделать так, чтобы эту дверь никто не смог открыть как можно дольше. Сейчас для нас главное – продержаться до прихода наших. А я пока не чувствую поблизости никого из них. И это может означать все что угодно. Но мы должны предполагать самое худшее, таков закон наемников.

– Знаю, – снова улыбнулась я, на этот раз неожиданному совпадению его суждений с аргументами моего наставника.

Стай сейчас сказал бы то же самое.

Наверх мы лезли порознь. Ренд впереди, я – приотстав на двадцать шагов. Командир должен иметь запас времени на случай внезапного нападения или ловушки. Мне было приказано не спешить и чутко прислушиваться к его едва слышным распоряжениям. А по тревоге – развернуться и белкой спуститься вниз, чтобы снять с двери запирающее заклинание и проверить, не появились ли там враги.

– Элни? – время от времени доносился сверху шепот. – Как ты?

– Тихо, – коротко отвечала я и неторопливо лезла дальше.

Перед подъемом пришлось проглотить пару капель бодрящего зелья, и настоял на этом Ренд, заметивший мои усталые зевки. Нужно будет позже сказать ему спасибо, карабкаться в почти полной темноте по пахнущим прелью деревянным балкам – весьма непростое дело.

– Тут балка треснула, прижимайся к стенке, – раздалось предупреждение напарника, и я ответила безмолвной улыбкой.

Его неустанный внимание для меня не в новинку, Ренд всегда был наблюдателен и заботлив. Но никогда не был так откровенен. И приказы мне всегда отдавал либо кратко и отстраненно, либо через Эстена.

– Эст, смотрите под ноги, – так прозвучало бы его предостережение еще недавно.

А теперь меня захлестывали волны тепла, надежности и заботы, и это оказалось просто невероятно приятно. словно разом вернулись родители, приехали Манефа, леди Модена и Стай с Альми.

– Элни? Ты почему молчишь? – донесся сверху встревоженный вопрос, и пришлось отвечать:

– Я тебе улыбнулась.

– Да? – задумчиво сказал он через несколько секунд. – Это замечательно. Но в следующий раз скажи хоть слово. Я боюсь, как бы ты не уснула. Кстати, лестница становится очень узкой, и я вижу наверху площадку. Тебе лучше пока остановиться. Только не спи.

– Хорошо, – пообещала я, села на балку и задумалась.

Мы бродим тут уже не первый час, а магистров все нет. И это не может не тревожить. Хотя у нас теперь есть еда: Ренд нашел сухари, горшочек с медом и сыр. Было еще сушеное мясо, но его мы дружно отвергли, сомневаясь в происхождении. Да и все остальное решили взять лишь на самый крайний случай, если придется ждать помощи не один день. Для магов голодовка губительна, почти как отсутствие источников.

– Элни! Поднимайся!

Навстречу плыл бледный светлячок, но он показался мне праздничной люстрой. Ведь это не просто свет, а сообщение о безопасности или о возможности пополнить энергию. И это несказанно радовало и придавало сил. Я вскарабкалась наверх как кошка, и едва оказалась у края люка, меня ухватили за плечи и выдернули из тьмы нетерпеливые руки напарника.

– Слава всем богам! – выдохнул он, крепко прижимая меня к себе. – Я так боялся...

– А зря, – тихо призналась я, не спеша отстраняться.

Как выяснилось, это очень приятно, когда за тебя так рьяно переживают и все время стараются ободрить, согреть и пожалеть. И пусть я давно маг и воин, но в душе ведь по-прежнему остаюсь человеком и нежной, чувствительной девушкой.

– Почему? – вмиг насторожился Ренд.

– Я привязала себя к тебе защитной лианой... на всякий случай. И если бы я упала – ты бы почувствовал.

– Думаю, – неохотно отпустив меня, буркнул он через минуту, – все не так. Это ты привязала меня, и если бы что-то случилось, мигом притянула бы к себе.

– А какая разница? – философски заметила я, наблюдая, как он тщательно закрывает люк и задвигает в пазы мощные засовы.

Похоже, забираясь сюда, «клеточник» по-прежнему опасался за свою жизнь.

– Не лукавь, – укоризненно глянул принц, – ты так не думаешь. Я изучил тебя за эти шесть лет и теперь знаю не хуже, чем твои родители.

– Да? – невольно вскипела во мне недавняя обида. – А почему тогда стрелял в меня... там, в поле? Почему не разрешил подойти? Выгнал, даже объяснить ничего не дал!

Он молчал томительно долгую минуту, и я уже кляла себя за то, что нарушила хоть и зыбкое еще, но такое необходимое мне доверие... и еще что-то, пока неопределимое.

– Почему? – наконец горько повторил Ренд, оглядывая бревенчатые стены старого строения. – Наверное, потому что живой человек. И как все люди, могу ошибаться, и злиться, и даже незаслуженно обижать тех, кого больше всего на свете хотел бы защищать и лелеять. Позже я все объясню точнее... сейчас не время и не место. Да и нужно проверить этот дом, хотя я пока никого в нем не ощущаю. Кстати, ты тоже можешь проверять амулетом, который купила у Гиммо.

– Откуда ты знаешь? – искренне изумилась я, хотя и понимала, что он таким способом пытается сменить неприятную тему.

Но и сама уже жалела о своей вспыльчивости. «Не во все тайны нужно совать нос», – частенько говорила бабушка Манефа.

– Ее величество, – методично заглядывая в лари, шкафы и двери, обронил Ренд, – давно приставила к тебе шпионов. Да и твои тетушки регулярно доносили, и еще кто-то из прислуги.

– Но ведь они шпионили для королевы?

– Все они ведь тоже люди и догадывались, что когда-нибудь будут служить королю. Герт умеет доходчиво об этом напомнить, – усмехнулся Ренд и вдруг остановился, прижав палец к губам. А потом неслышно прокрался к двери и резко ее распахнул.

Я замерла от ужаса, увидев в проеме отвратительную восьмиглазую голову огромного паука, но лишь на долю секунды. А затем лианой дернула Ренда к себе и подняла двухслойный щит.

– Гад! – непонятно на кого ругнулся принц, выпуская в монстра сразу несколько замораживающих зарядов. – Элни, делай сферу и веди вперед.

– Но он еще живой... – Пауков я не то чтобы боялась, скорее испытывала к ним омерзение.

– Скоро сдохнет, – пообещал лучник. – Ты не видишь, она голая? Элни?!

– Не вижу, – несчастно призналась я. – Мне противно на нее смотреть. А откуда ты взял... что это «она»? И как понять – «голая»? А вон та шерсть на лапах?

– У пауков нет внутри скелета, – выстрелив куда-то поверх покрытой изморозью туши, объяснил Райвенд. – Он у них сверху, и одновременно он – броня. Но когда они растут, она становится тесной, пауки вылезают из нее и несколько дней ждут, пока нарастет новая. И в это

время много жрут – из заранее сделанных запасов. Но таких огромных пауков быть не может – у них, как у всех существ, есть ограничение размера. А раз они всё растут, значит, он нашел способ это ограничение отменить.

– И куда мы в таком случае двигаемся? – покосившись на очередного замороженного монстра, спросила я.

– Подальше от этого дома. Раз они ползают тут так уверенно, значит, где-то поблизости имеются запасы пищи. И нас они тоже очень скоро учуют – по теплу. А запас замораживающих снарядов у меня заканчивается. Огнем пока нельзя, вот отойдем подальше и устроим им жаркую встречу.

– Ренд, а среди этих... запасов... могут быть люди?

– Да, – мрачняя, буркнул он, тяжело вздохнул и добавил: – Но я уже говорил... живых нет.

Желудок у пауков тоже снаружи, он вливает в жертву яд и желудочный сок, и тот превращается в пищу. Прости за такие подробности, но тот мерзавец в клетке очень хорошо об этом знает и сделал все, чтобы на него даже нечаянно не попало ни капли едкой жидкости.

Больше об этом говорить я не могла, поэтому все внимание сосредоточила на выборе пути. И вскоре поняла, как прав был Ренд.

Просторные помещения строения, которое я сначала ошибочно сочла домом, были заставлены огромными котлами и чанами, и между ними бродили и ползали десятки пауков. Все они были огромными и мерзкими, и все проводили мою сферу внешне безразличными цепочками жутких глаз. Кое-где валялись пустые оболочки, а все углы и проемы были затянуты густой паутиной. Я старалась на нее не смотреть, но взгляд сам цеплялся за ужасные детали.

– Быстрей, – все поторапливал командир. – Быстрее, Элли. Вон выход.

Глава двадцать шестая

Сфера стремительно вырвалась из широкого проема, давно потерявшего где-то дверь, или, скорее, воротца, промчалась пару десятков шагов и замерла посередине странной площадки. Озираясь по сторонам, я пыталась сообразить, как и куда двигаться дальше, а на ум невольно приходили сравнения. Нечто подобное я однажды уже видела, здесь же, на Харгедоре. Почти идеально круглая яма глубиной шагов в тридцать и такой же ширины, появилась в одно прекрасное утро в сорок пятом квадрате, неподалеку от деревни гончаров. Но та была свежая, еще осыпалась, подсыхая, струйками по стенкам почва, и на дне виднелись почти неповрежденные деревья и кусты.

А здесь стенки уже потеряли ровность, чуть осели, слегка оплыли и густо поросли травой, кустами и вездесущим хмелем. И если бы не его нахальные плети, почти закрывшие небо, я никогда не сообразила бы, что над этой впадиной натянута сети. Рассмотреть их отсюда было трудно, но я не раз встречала заросли хмеля и знала, что иначе его гибкие стебли, густо усыпанные душистыми шишками, сейчас свисали бы почти до земли. А они свисали в чуть проседавшую, но идеально ровную крышу.

– В одиночку он бы никогда тут не управился, – вслух высказал Ренд мои подозрения и указал влево: – Видишь лестницу? Веди туда. Попробуем добраться до сети и прорубить лаз.

И я повела, иного выхода не было. Хотя и не верила, что нам удастся прорубить сеть имеющимся оружием. Сюда бы меч Эстена и его самого, но он где-то в деревне... и вряд ли сидит без дела.

Величать лестницей примитивное сооружение, спирально взбиравшееся по стенам ямы, разумеется, было большим преувеличением. Рядок давно потемневших от старости, покосившихся и поросших мхом колышков, вбитых в глину и расщелины камней на расстоянии в локоть, вернее было бы прозвать тропой смертника. И без сферы я по ней никогда бы не влезла. А вот пауки забирались, судя по лохмотьям паутины, время от времени попадавшей на пути.

– Это сыроварня, – заявил вдруг Ренд, молча следивший за шевелящимся внизу полчищем монстров. – Хорошая, старинная сыроварня. В этой яме сыр варили и формовали, тут более ровная температура, чем на поверхности. Потом на подъемных площадках спускали на выдержку вниз, в подземные камеры. Но с ними что-то случилось... с хозяевами. А селяне

прокопали сбоку ход и повытаскали сыры. Ну а откуда и в какой момент тут взялся пауковед, только он сам может рассказать.

– А где паслась коровы? – спросила я, решив наконец задачку, как надежно перебросить сферу через участок, где высыпалось сразу пять кольев.

Конечно, если бы у меня было достаточно энергии, чтобы создать мощный поток воздуха и на нем поднять сферу вверх, такой проблемы просто не могло бы быть. Но теперь мне приходилось подтягивать нас с помощью воздушных лиан, и любой просчет мог сбросить свернутый в продолговатый кокон щит на дно ямы.

– Молоко сыродел, скорее всего, скупал у селян... вон видишь наверху хижину и мостик? Судя по состоянию лестницы, туда давно никто не лазил. Возможно, там был желоб... или таль. Но если отсюда имеется выход к деревне, то он может быть только в том месте.

Ренд явно старался меня успокоить, и мне оставалось лишь молча кивнуть. Будь там выход, пронырливые пауки давно бы разбежались и хоть один да попался бы на глаза селянам. А те в подобных случаях сразу вызывают наемников цитадели.

И это еще не все. Едва начав подъем по этой стене, я попыталась незаметно отправить вестника, но почтовый амулет не сработал. И это может означать только одно: щит, закрывающий выход из подземного тоннеля, гораздо больше, чем представлялось мне прежде.

Добравшись до хижины, оказавшейся простенькой, запущенной и покосившейся будкой, я невольно облегченно выдохнула: энергии пусть и в обрез, но хватило. Хотя пока неизвестно, какие сюрпризы ждут нас здесь.

Возможно, потребуется срочно уходить, и тогда спускаться придется на хранящихся в тревожных запасах тонких шнурах. К ним прилагаются особые перчатки, но и с ними спуск будет очень непрост.

Хотя цитадель делает все, чтобы, оказавшись в ловушке или просто задержавшись с возвращением на базу, мы не испытывали особых неудобств. Наши полевые куртки можно развернуть в просторные плащи, из которых легко собирается палатка. Однако я свою куртку оставила в селе, на башне, уходя, как думала, на полчаса.

– Жаль, нельзя брать в поле безразмерные кошель, – вздыхал однажды Эстен, когда нам пришлось по воде уходить от огромной стаи крысак и пережидать их нашествие на насквозь мокрым острове.

Тогда мне тоже было жаль, ведь в его кошеле хранился большой походный шатер и запас теплых вещей, еды и сладостей. Пришлось как-то случайно попасть с Эстом на королевскую охоту.

Но с тех пор знаю точно, что это невозможно. Все подобные сундуки и кошель – просто маленькие порталы, и каждый привязан к камере в особой башне цитадели. Именно поэтому их считанное количество, и они доступны только самым знатым лордам да старшим магистрам. Лично мне Стай давал свой кошель временно. Но самое главное – действуют они лишь на Тезгадоре. Так как только у нас имеется надежная сеть порталных башен, поддерживающих уверенные пути для переходов и почты.

– Здесь чисто, – бдительно оглядев все углы, сообщил Ренд, сбросил куртку, развернул и застелил темную от времени лавку: – Устраивайся. Тебе нужно полежать.

– А ты?

– Поищу выход...

Мне хотелось сказать, чтобы он не ходил, я уже проверила. Яма надежно накрыта сеткой, на этот раз с довольно крупной ячейей. А над ней развернут купол щита, и он тоже тянет в себя энергию. Но немного слабее нижнего, и значит, оставшихся запасов магии мне хватит часа на два... или меньше, смотря как придется тратить.

Но я смолчала, послушно села на скамью и некоторое время, пока он упорно лазил в зарослях хмеля вокруг хижины, безропотно ждала.

– Ты заметила, – вернувшись, спросил напарник, – что наверху почти нет паутины?

– Да.

– Как думаешь, почему?

– Щит тянет энергию. А они выращены с помощью магии, – выдала я первую пришедшую в голову гипотезу.

Заботы пауков меня сейчас не волновали нисколько.

– Неверно, – возразил он и тут же ответил на свой вопрос: – Тут почти нет еды. Сквозь дыры сети могут проникнуть только мелкие грызуны, но большим паукам ловить их нелегко. И невыгодно.

– Внизу полные чаны, – буркнула я и почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Хорошо, что нам нечего есть... хотя, боюсь, теперь я надолго потеряю аппетит.

– Вот именно, и хотелось бы понять, где тот маг берет для них еду? И как управляется с этим в одиночку? Или хозяев все-таки несколько? А главное, зачем им столько пауков?

– Ренд... извини, но мне эти пауководы абсолютно неинтересны. И противны. Я их считаю монстрами наравне с винтами и кабаньями. Мне совершенно не важно, почему и ради чего они убивают детей. Главное – они на это способны, и значит, не заслуживают никакой жалости. Если бы сейчас у меня был полный резерв, я попыталась бы преобразовать щит, добавив своих заклинаний и установок.

Вот зря я так сказала... но поняла это лишь в тот миг, когда командир расстегнул ворот рубахи и снял с шеи несколько амулетов, вместе с королевским медальоном.

– Бери, попробуй.

– Ренд, а может, не нужно?

– Назови меня Райвенд, и я подумаю.

– Хоть сто раз. Райвенд, Райвенд... подумал?

– Ты сказала всего два раза... будешь должна, – лукаво усмехнулся он и, сразу став серьезным, уверенно заявил: – Но попытаться подключиться к щиту было очень хорошей идеей, поэтому я подумал и решил, что для нас это шанс. И для детей... заморозка действует всего три-четыре часа.

О них он мог и не напоминать, я и так не забывала ни на минуту. И потому молча взяла амулеты, вернув лишь королевский.

– Бери. – Ренд почти насильно втиснул его мне в руки. – Тебе ведь не важно, принц я или нет?

– Абсолютно, – подтвердила я, только теперь припомнив, что утрата амулета может привести напарника к потере титула. – Но ты сам...

– Уже равнодушен, – презрительная усмешка на миг исказила его губы, – после того как родная мать выставила на аукцион, словно редкую, но ненужную безделушку.

– Ладно, – согласилась я, про себя решив, что постараюсь обойтись без энергии этого амулета.

– Только, Элни, я должен предупредить... он защищен от чужих. Кроме меня лишь пятеро самых близких людей могут брать его безнаказанно.

– Но ведь я уже взяла? – недоверчиво переспросила, глядя на мирно лежащий на ладони медальон.

– Я попросил магистров цитадели... на всякий случай... – несчастно глянул на меня напарник, закаменел скулами и отвел взгляд, – провести над ним ритуал и дать тебе допуск... как моей невесте.

Пару минут я озадаченно смотрела на него, не веря своим ушам, надеясь, что сейчас он засмеется и объявит это заявление розыгрышем. Но Ренд молчал, с каждой секундой мрачняя все сильнее.

И мне почему-то вдруг стало очень отчетливо понятно, что это вовсе не шутка и не хитрый ход, призванный подкупить меня или очаровать. А ответственность и забота командира, не пожелавшего иметь более мощную защиту, чем у подопечных. Еще было ясно, почему он пытался защитить меня: я же отношусь к женщинам и детям, которых всегда спасают первыми. Но представить оставленного на растерзание монстров Эстена оказалось очень обидно.

– А как же Эст? – не выдержав, все-таки спросила я.

– Элни... – без стеснения облегченно выдохнул Ренд и тихо засмеялся: – А я уж испугался...

Эст тоже может взять этот медальон. Мы с ним провели обряд братания.

– И ее величество... – Мне сразу стала ясна еще одна причина королевской ненависти.

– Узнала, – пропел он с презрением. – Два часа объясняла, с кем мне выгоднее дружить.

А ведь знаешь, Элни, за друга я должен благодарить тебя. До того момента, как заинтересовался вашими странными отношениями, я не видел в нем ничего особенного. Эст казался мне обозленным, обиженным на всех, высокомерным и упрямым бастардом, не желающим понимать своего места в придворной иерархии.

– Не верю, – мотнула я головой. – Ты не такой... ты внимательный и умный.

– Спасибо, любимая, – снова засмеялся Ренд, – ты хорошо меня знаешь. Такого, каким я стал за эти годы... но тогда я был другим. Избалованным обожанием, подарками и вседозволенностью спесивым подростком. Поверь мне, это страшная сила, способная любого превратить в монстра. Мне повезло, что Альгерт прекрасно это понимал и всячески подкалывал меня, стараясь разбудить во мне бунтаря и тем самым вырвать из-под гнета материнского обожания. Отец мне тоже очень помог... но окончательно я понял, каким хочу стать, после того, как ближе узнал Эста и тебя. Хотя должен покаяться – я долго подозревал тебя в хитроумной интриге и прямо говорил об этом Эстену.

– Не ты подозревал, – возразила я, точно зная, что права. – Это мнение ее величества, а она умеет донести до всех свои взгляды сотней разных способов, как говорит Манефа. Теперь я все поняла, остался только один вопрос... а Стай знал?

– Да, – серьезнее, кивнул принц. – Гесорт знал все. И мне кажется, не очень хотел, чтобы об этом узнала ты. Но Элни... ты собиралась проверить крепость купола?

– Да, – согласилась я и повернулась к нему спиной: – Ты не против, если я на тебя обопрюсь?

– Пять лет об этом мечтаю. – Командир мягко меня приобнял, устраивая поудобнее, и я поспешила закрыть глаза.

Иначе так и буду изучать не сходящую с его губ незнакомую довольную улыбку.

Щит при ближайшем изучении поражал сложностью, точностью расчета и чистотой исполнения. А еще стабильностью, и это не могло быть результатом одного лишь заклинания. Большие купола все магии защиты держат в устойчивости силой своего воображения и воли, и дается нам это непросто. Годами постоянных тренировок со все усложняющимися задачами и противодействиями. Намного проще, но дороже другой способ. Заложить условия в кристаллы, закрепить сохраняющим заклятием или ритуалом и потом привязать к нему щит. И вот этот купол, выполняющий сразу несколько действий, был поставлен именно так.

– Он привязан, – тихо докладывала я Ренду, – на шестнадцать камней. Они крепятся снизу к сетке по периметру ямы. Но в такой системе должен быть центральный, контрольный амулет, и он всегда находится в центре. Однако на сетке я ничего подобного не вижу.

– Подожди немного, я взгляну вниз. – Он бережно прислонил меня к стене и ушел, но я так и не открыла глаз.

Мне как раз попалось очень знакомое плетение, и хотелось понять, это базовый щит, в который вплетены остальные, или дополнительный.

– Элни? – встревоженно шепнул принц. – Ты тут? Или уснула?

– Я там, – буркнула недовольно. – Что-то увидел?

– Да, – садясь рядом и снова устраивая меня на своем плече, сообщил он. – Точно посреди ямы стоит то ли башенка, то ли колонна, и у нее на шпиле нечто вроде флюгера очень необычной формы. А у тебя как?

– Зацепила знакомый щит... но довольно странный... слишком мощный. Подожди... нашла поток магии, сейчас посмотрю на центральный амулет...

Внутренним зрением, с закрытыми глазами, все виделось далеко не так, как я ему описывала. Свивались и плыли призрачные, слегка отличающиеся по цвету круги, спирали и волны, пронизанные четкими стрелами зеленоватого света, собирающимися в центре в причудливую звезду. От нее вниз струился жгут серебристых молний, безостановочно бьющих прямо в защитную платиновую пентаграмму, хранящую артефакт-накопитель.

Он сиял перед внутренним взором маленьким, ослепительно-ярким солнышком, подтверждая мои смутные подозрения.

– Ренд, там накопитель переполнен. Этот... в клетке... явно не умеет его разряжать.

– Вот это винт! – скрипнул он зубами. – Оставь его.

– Нет, – отказалась я и, почувствовав, как он напрягся, примирительно добавила: – Уже не смогу. Щит давно на грани выброса. Если бы я не влезла, выстоял бы еще несколько часов или дней. А теперь его может взорвать любое движение. Сейчас начну понемногу оттягивать энергию на себя и создавать сферу. Это неизбежно ослабит кристаллы параметра, но нам не помешало бы укрытие. Только глаза открывать не стану, боюсь потерять контроль.

– Все понял, – деловитым, сухим тоном отозвался Ренд, немного подумал и снова выпустил меня из рук. – Продержись минуту, я выломаю доску, за этой будкой есть промоина, мы вполне уместимся, если потеснимся.

Его речь сопровождалась торопливым перестуком сапог, треском и грохотом падающих досок, непонятым шорохом и шелестом. А потом сильные руки подхватили меня и куда-то осторожно потащили, и я старалась не обращать внимания ни на боль в зажатом плече, ни на скользящие удары.

– Протиснулись, – довольно сообщил Ренд. – Сейчас еще немного проползем...

В этот момент мне удалось пополнить энергией свой браслет-накопитель, и мой резерв наконец-то начал расти.

– Минутку, – попросила я напарника. – Сейчас будет малая сфера.

Он притих, прижав меня к себе так тесно, что я не могла бы двинуть даже пальцем, если бы это вдруг понадобилось. Но они мне не нужны, когда я создаю и укрепляю щиты. Слабенькая, куцая, как детская купель, сфера сомкнулась вокруг нас, и мне сразу стало легче дышать и думать, и я немедленно сообщила об этом Ренду.

– Он снова включил свой призывающий амулет, – зло буркнул принц. – Теперь я слышу намного отчетливее. Раньше защищал медальон.

– Тогда надень его, я не брала оттуда энергию.

– Еще раз об этом заикнешься...

– Что ты сделаешь? – заинтересовалась я и едва удержалась, чтобы не открыть глаза и не посмотреть ему в лицо.

– Поцелую.

– Не нужно! – испуганно уперлась руками ему в грудь. – Мне нельзя отвлекаться.

– Сам понимаю, – невесело усмехнулся он. – Поэтому не волнуйся. И не сопротивляйся... я надену тебе на шею защитный артефакт. На всякий случай.

«А как же сам без защиты, если действительно крайний случай?» – ледяным сквознячком скользнул по сердцу страх, но пришлось смолчать. Сейчас действительно абсолютно неподходящий момент для споров, да и никогда и никому еще не удалось переубедить Ренда, если он вот так незыблемо уверен в своей правоте.

Значит, придется позаботиться мне.

И я все усилия направила на наращивание слоев различной защиты и привязку ее к промытой весенними ливнями крохотной, неудобной трещине. У этого места было только одно достоинство: торчащий сбоку огромный валун, к которому я постаралась как можно крепче примотать сферу, занимавшую теперь все свободное место.

На чужой щит в эти минуты старалась не смотреть, и без того по вплетенной нити ощущала все растущее напряжение.

– Элли, осторожнее! – Внезапно напарник обнял меня так крепко, словно я могла сбежать, навис, прикрывая, как будто его тело было крепче моих щитов. – Собирай все в сферу... Договорить он не успел.

Щит взорвался, ударив по моему восприятию ослепительной вспышкой освобожденной энергии и оглушив звоном и стоном рвущейся сети, выдирающихся опор и заполошным свистом перепуганных птиц, устроивших в зарослях хмеля свои гнезда. А потом на нас обрушились темнота и тишина, и тщетно я тарасила распахнутые глаза.

Нигде не мелькало даже точки света. Но страшней было другое. Энергия, бившая в меня в последние минуты щедрым потоком, вдруг закончилась, и я ощутила резко и неотвратимо накатывающие бессилие и сонливость.

– Сеть сорвалась вниз, – очень тихо и спокойно сообщил Ренд, – и утащила с собой опоры и выросшие вокруг них кустарники и деревья. А нас засыпало почвой с корнями... думаю, не очень толстым слоем. Нужно послать вестника. Сделать светлячок?

– Не нужно, сейчас постараюсь вытащить сферу наверх. Она была привязана к валуну... по-моему, он никуда не делся, – так же тихо и деловито ответила я, стараясь ничем не выдать своей слабости.

– Ты вообще умница... – Командир вдруг нежно прижался губами к моему виску и с невеселым смешком добавил: – И я очень надеюсь, не будешь на меня сердиться... слишком сильно.

– За что? – осторожно приподнимая сферу и следя за держащими ее лианами, осведомилась я, надеясь, что мой голос звучит достаточно бодро.

– За нахальное сегодняшнее поведение, – грустно пояснил он. – Я понимаю, что вел себя грубо, как конюх... но ни о чем не жалею.

– Ренд, – ощущая, как выскальзывает наружу лиана и шарит по рыхлой почве, пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь, пробормотала я виновато, – сейчас будет светло... а я усну. Но потом ты мне обязательно все это расскажешь...
В следующее мгновение мое обещание исполнилось: лиана выдернула нас на вершину холма, и безжалостное солнце затопило сферу, заставив зажмурить глаза.
Открыть их у меня уже не хватило сил.

Глава двадцать седьмая

– А-ах! – Я потянулась, всем телом ощущая льнущую к коже свежесть легкого покрывала и упругую мягкость постели. – Как хорошо!
И только произнеся эти слова, распахнула глаза и огляделась. Спальня светлая, уютная, но абсолютно незнакомая. Но это ни на гран не портит настроения, потому что под потолком висит не только магический светильник, но и прозрачный следящий шарик, какие используют лишь магистры цитадели.
Значит, я дома, и не важно, на каком материке. Главное, это дом кого-то из собратьев, и здесь со мной не может случиться ничего страшного.
– Проснулась! – Дверь резко распахнулась, и в комнату вихрем ворвалась Альми, ринулась на меня, как коршун на цыпленка, с размаху придавила к подушке, чуть не задушив в сумасшедшем объятии.
А потом вдруг отстранилась, шмыгнула носиком и заплакала тихо, обиженно, как маленький ребенок.
– Альми... – Все возмущенные слова мигом выветрились из головы, осталась только рвущая сердце нежность и боль. – Ну что же ты?..
– Сейчас... еще секундочку... – бормотала она, вытирая лицо моим покрывалом.
Потом спохватилась, вынула из воздуха пачку белоснежных платков и бросила мне пару.
– Вчера думала, сгорю от беспокойства... – всхлипнув в последний раз, виновато объявила она и тут же уставилась на меня сердито: – Почему ты нарушила все правила?
– Ничего подобного, – возразила я, поднимаясь с постели. – Прежде чем лезть в нору, отправила несколько вестников и продублировала их базе. Но давай ты сначала меня накормишь, а потом будешь пытаться? Кстати... а чей это дом?
– Не узнала? Твой собственный, – засмеялась Альми, никогда не умевшая долго сердиться и горевать. – Ванная и гардероб – там. Ждем пять минут.
И умчалась так же стремительно, как появилась.
– А как можно узнать дом, если в этой комнате никогда не был? – Пожав плечами, я отправилась переодеваться.
Моя интуиция просто вопила, что где-то поблизости непременно должен бродить Райвенд. Однако накинув первое попавшееся платье и выйдя в просторный коридор, никого похожего на принца не обнаружила. Там сидели только Эстен с Аленсией и беседовали так увлеченно, что я успела спрятать разочарованный взгляд и соорудить самую кроткую улыбку:
– Доброе утро!
– Обед, – поправил, вскакивая, Эст, в два шага оказался рядом и, рассмотрев меня внимательно, как вызвавшую сомнение новенькую монетку, крепко притиснул к крепкой груди. – Гинни... ты не представляешь, как я себя ругал, что не пошел с тобой!
– Что значит «не пошел»? – недоумевающе уставилась я на друга, рассмотрела его щенячий виноватый взгляд и огорченно развела руками. – Вот скажи мне, Ленси, как жить, если друзья оказались шайкой интриганов и заговорщиков?
– Хорошо жить, – улыбнулась Ленси и скромно потупилась. – Они же не со злым умыслом...
– Со злым тоже было, – тихо буркнула я, скорее от расстройства, что мой напарник по последнему приключению куда-то пропал. – Но это не важно, сначала обед.
– Там магистры ждут, – чуть виновато просветил меня Эст, подал руку Ленси и заботливо повел ее вниз.
Похоже, я спала далеко не один день, ведь не бывает же таких перемен в настроении мужчин всего за несколько часов? Или все же бывают, но мне подобное еще не встречалось?

Пока мы добрались до гостиной, я все-таки опознала свой дом и отметила, что в нем прибавилось уютных мелочей. Занавесей, светильников, зеркал, подушечек. Видимо, Альми постаралась, да и хлопотухи без дела никогда не сидят.

– Добрый день! – поздоровалась я, войдя в комнату, и замерла, разглядывая толпу магистров, большинство из которых были мне абсолютно незнакомы.

А они молчали и как-то странно смотрели на меня. С удивлением, интересом, с добрыми улыбками и печальными, усталыми взглядами. И смотрелась их разномастная толпа довольно неестественно. Одни имели настолько белую кожу, что казались синеватыми, другие выглядели необычайно сухошавыми и загорелыми. Остальные, как Стай и Боуренс, ничем не отличались от обычных людей.

– Гина, мы понимаем, что ты очень голодна, – дружески улыбнулся Боуренс, – хотя тебя поили питательными зельями. Но все, кроме Стайна, очень спешат, поэтому сначала мы сообщим тебе главную новость, потом будешь обедать.

Я только молча кивнула – потерплю, о чем речь. Самой теперь хочется побыстрее узнать, зачем они пришли, а судя по серьезным лицам, у магов для меня очень важное сообщение.

– Некоторое время назад на Харгедоре бесследно пропало две группы исследователей, – начал магистр, когда мы сели. – Сначала одна, позже вторая, ушедшая их спасать. Цитадель облазила всё вокруг места, где их видели в последний раз, но ничего подозрительного не обнаружила.

А вчера мы вытащили их из шахты, пробитой под старой сыроварней.

– А тех... кто заманил, поймали? – сразу сложила я этот рассказ и все увиденное под холмом.

– Только помешанного мага с даром средней силы, повсюду ходившего в клетке. Он мало о чем может рассказать, но ясно одно: все экспериментаторы погибли по собственной неосторожности. Теперь непонятно, каких монстров они собирались вырастить из пауков... –

Магистр жестко усмехнулся и сурово закончил: – Но цитадель считает их опыты бесчеловечными, неоправданно опасными и ненужными обществу. Поэтому все, что там найдено, будет сожжено. А пришли они поблагодарить тебя за спасение. Сумасшедший маг пытался затопить шахту, где их держал, и только взрыв купола помешал его планам. Мы все попались в ту же ловушку, что и вы, и не смогли выйти, поэтому двигались вперед. Подробности расскажет Гесорт, а мы на сегодня прощаемся. Завтра в цитадели будет торжественное собрание, тебя будут чествовать. Не хочу портить сюрприз, но скажу по секрету, ты получишь особую награду.

– Маа? – с надеждой предположила я и по озадаченному лицу магистра сразу поняла, что не угадала. – Ну ладно...

– Будет тебе маа, девочка, – твердо сказал самый старший из бледных магов. – Сам привезу.

А пока прощай, мы еще дома не были.

Они дружной толпой ушли в портал, а мы расселись за столом, и хлопотуха принялась разливать суп и раскладывать жаркое. Но только доев вторую порцию, я неожиданно заметила, что обедаем мы в полном молчании.

– Хоть бы раз намекнула... – поймав мой взгляд, расстроено буркнул Эстен и резко отодвинул тарелку с почти не тронутым куском мяса. – Мы голову сломали, придумывая ей подарки...

– Внимательнее нужно быть, если хочешь порадовать человека по-настоящему, – с неожиданной яростью огрызнулась Альмисса. – Я вам сто раз говорила... А! Все вы одинаковы! Слушаете советы всяких самоуверенных болтунов, а откровенных намеков не замечаете!

– Но я давно стараюсь все замечать, даже специально слежу, – всерьез расстроился Стай. –

А Гина действительно не проявляла к маа никакого интереса.

– Потому что любит мать и не хочет волновать, – резко меняя тон, печально вздохнула подруга. – А для Боя каждый день сушила сухарики и солила специально припрятанной простой солью. От душистой он теряет чутье.

– Не могу понять, – наконец не выдержала и я, – из-за чего вы сейчас ругаетесь? Ну не подарят они маа, подарит тот маг... или он очень беден?

– Не узнала?! – потрясенно уставился на меня Эст. – Неужели ты его не узнала?!

– Нет, – огорчилась я, сразу сообразив, что недавно совершила очень большой промах.

Просто неприлично огромный для магини третьей ступени.

– Она же его видела очень давно, да и одежда человека сильно меняет, – заступился за меня наставник. – А рассматривать мужчин пристально, как пирожное, у Гинни никогда не было

привычки. Не переживай, ученица, если бы я не встречал его здесь, то и сам бы не узнал. Это отец Ренда... ну и Альгерта, разумеется.

– И теперь он вернется домой? – охнула я, невольно представив, как старый король возвращается в замок и привозит туда ее величество.

– Его дом теперь здесь, – тихо сообщила Альми, – и жена тоже. И дети есть. Айнор не выдержал характера Ютенсии... сбежал к любимой женщине. Но обставил это как несчастный случай. А вы с Рендом случайно его спасли.

– Ренд знал про отца?

– Лишь самое главное. Что тот жив и ушел в экспедицию, – строго предупредил Стай. – Волновать сыновей Айнор настрого запретил. У них и своих забот всегда хватало.

– Понятно, – кивнула я, пододвигая ближе десерт.

Смешно не понять такой прозрачный намек. А мне можно и не напоминать, что Ренда во дворце ждут шесть влюбленных красавиц. И куча их бдительных родичей, готовых на все, лишь бы не выпустить из лап такого выгодного зятя.

– Гина, расскажешь, как ты туда попала? – Ленси смотрела на меня с детским любопытством и ожиданием, как на заезжего клоуна.

– Конечно... но сначала скажите мне, как дети?

– Живы. Ренд все сделал правильно, – довольно сообщил Стайн. – И вычистил, и полил противоядием, и заморозил... но самое главное – закрыл нишу своим маскирующим артефактом. Правда, пришлось всю магию истратить... ты пришла очень вовремя.

– А остальные амулеты? У него же было несколько штук, – осведомилась я, надеясь, что мой вопрос выглядит как обычное любопытство.

– Они тоже были пусты, – укоризненно качнул головой наставник, и я виновато опустила взор. Ну да, это моя постоянная промашка, считать, что все амулеты заряжены, и не проверять их, беря в руки. Зато я точно знаю, что теперь королевский медальон полон энергии, так как недавно обнаружила его на своей шее. Но не хочу пока спрашивать, кто из магов его там видел. И еще одно теперь ясно: именно на эту мою привычку и надеялся тот хитрец, когда кучей свалил мне в руки все свои амулеты. Последний запас я никогда бы не взяла, это святое правило мага. Следовательно, вчера, заранее выпрашивая прощение, Ренд отлично понимал, что ему не удастся сохранить в тайне эту уловку.

И как меня угораздило пять лет назад влюбиться в такого расчетливого жулика? Хотя... нужно быть честной с самой собой, влюбилась я не в него. А в красивые глаза, в дерзкий таинственный шепот и в первый в жизни цветок «со значением». Ну и, конечно, в собственное ожидание любви. А все остальное додумала, дорисовала на бумаге и в воображении, истово уверовав в нарисованный образ. Даже не подозревая, насколько больше он соответствует характеру Райвенда, чем Альгерта.

– Зачем ты вообще пошла в ту сторону? – не выдержала Альмисса, и я начала рассказывать все по порядку, опуская только заявления Ренда.

Но о том, как он пытался меня выгнать, чтобы спасти, все же рассказала, хотя и не передавая подробно всех обидных слов. И заканчивая рассказ, вдруг осознала, что отсюда, из уютной, чистенькой гостиной, куда через распахнутые окна вливался прогретый солнцем и напоенный ароматом цветов воздух, мои вчерашние приключения уже не кажутся ни жуткими, ни безвыходными.

Ведь судя по репликам Стая, искать нас начали уже через полчаса после моего ухода из деревни. Шум поднял Эстен, у которого на каком-то амулете, связанном с Рендом и мною, разом перестали светиться два маячковых камня. Разумеется, магистры мгновенно подняли тревогу, ведь до этого такое было всего несколько раз. И среди них – те два случая, когда пропали приходившие сюда маги.

– Эст вовремя спохватился, – одобрительно заметил учитель. – Несмотря на суматоху, удалось быстро найти свидетелей, видевших, в какую сторону ты пошла. А потом мы доставили порталом Боя, и он уверенно привел нас к той дыре.

– А меня туда не взяли, – пожаловался Эстен. – Мы с Ленси и Кирстом остались у входа. Это было очень жутко – держать в руках шар связи и видеть, как резко гаснут в нем огоньки спасателей, будто их одного за другим глотает бездонная пропасть.

– Эст сразу послал цитадели тревожного вестника, – пояснил Стай, – но ответа не дождался.

Заподозрил неладное, забрал от входа Ленси и вернулся к реке. Оттуда снова отправил сигнал,

и когда прибыла тройка верховных магистров, все им рассказал. Но пока они добрались до норы – Кирста там уже не было. Оказывается, он услышал зов и не выстоял, пошел следом за нами.

– Магистры принесли мощные артефакты и дрессированную таксу в особой броне, – продолжил рассказ Эстен. – Все видели на тропе дохлых пауков и козу и больше никем рисковать не желали. Вот эта собака вернулась и принесла записку, Стай оставил возле пролома одного человека. Магистры отправили с собакой кристаллы с энергией, оружие и артефакты. Сами решили попытаться ослабить щит. Начали отбирать энергию и поняли, что на это уйдет не один день, накопители переполнены. Однако где-то выше должен был проходить центральный контур, и его можно было попытаться нарушить. И тут снова вернулась такса и принесла известие, что шахту заливает вода, кто-то открыл шлюз идущего от реки тоннеля. Стай его заморозил, но опасался, что ненадолго, лето, вода теплая. А в шахте люди... судя по аурам – маги.

– Вот тогда они все и полезли в подвалы, – хмуро фыркнул Стай, глянул на притихшую Альми и шутливо пожаловался: – Не дадут прославиться.

– А ты? – подозрительно уставилась я на Эста.

– Мы тоже полезли, – внезапно заступилась за него Ленси. – В записке еще было про детей...

– Они считали, что изнутри щит снять будет легче, если отыскать амулет, на который он завязан, – продолжил объяснение наставник, хотя я уже догадывалась, к чему все идет. – И когда достали из шахты пленников и выбили люк над винтовой лестницей, почти дошли до него. Но тут щит взорвался, и на дом рухнула сеть. А сверху хмель, деревья и глина.

– Было очень страшно... – зябко передернула плечами Ленси.

– Но она даже не ахнула, – гордо сообщил Эст и восхищенно посмотрел на мою подругу. Мне невольно стало чуточку жаль робкую Савиллу, запутавшуюся в интригах, обещаниях королевы и в алчности родичей. Хотя надо признать честно: рядом с Аленсией мечник выглядел таким счастливым, каким я его никогда прежде не видела.

– Аленсия вела себя очень смело и благоразумно, как могла успокаивала и отвлекала проснувшуюся старшую девочку, – с улыбкой похвалил мою подругу Стайн и серьезно добавил: – Цитадель считает возможным помочь ей в развитии способностей.

Мы замерли от неожиданности, и если я приняла его слова как подтверждение своих прежних подозрений, то Ленси сочла невозможным чудом.

– Но я... но как... Эст? – наконец обернулась она к лучнику и по его довольному лицу начала понимать, что это не шутка.

– У тебя задатки целителя, – невозмутимо пояснил ей наставник. – Твоим учителем будет леди Калиана, она свободна. Но целителю не обойтись без навыков защиты, да и на Харгедоре это самое нужное умение. А Элгинии уже пора брать ученика.

– Но ведь Эстен живет в герцогстве? – не выдержала я и тут же смутилась: – Простите. После вчерашнего я еще не совсем пришла в себя.

– Не извиняйся, Гина, – по-дружески погладил меня по плечу Эст. – Все правильно ты поняла... мы решили обручиться. Но со свадьбой спешить не будем, назначим через месяц, если поймем, что не ошибаемся. И, разумеется, жить будем здесь. Опротивели мне придворные бездельники и их интриги.

– Готова поспорить, – засмеялась вдруг Альми, – что месяц вы не продержитесь. Но знаете, что? Я за вас очень рада. И подарю вам на свадьбу хлопотуху.

Ленси смущенно покраснела, но Эстен вовремя вспомнил, что собирался показать невесте свой дворец, и утащил ее в портальную комнату.

– А теперь скажи нам, пожалуйста... – проводив их взглядом, задумчиво уставилась на меня Альми, – как у тебя сегодня с предчувствиями?

– Пусто, – прислушавшись к себе, сообщила я и облегченно вздохнула.

За последние дни всякие тревоги, тайны, нападения и предательства надоели просто до отвращения.

– Ну и замечательно, – бодро заявил Стай, поднялся и потянул за собой Альмиссу. – Тогда мы уходим, а ты отдыхай. Сегодня тебе на базу не нужно. И домой лучше не ходи, там сейчас глубокая ночь. Слуг мы еще с вечера предупредили, что ты уехала в цитадель. Там у тебя важное дело.

Подмигнул на прощанье и унес Альми в портал.

Некоторое время я не спеша допивала чай, рассматривая синее за окном небо и пытаюсь сообразить, что хотел сказать мне Гесорт своим запретом.

Хотя никто чужой не принял бы за приказ его небрежный совет не возвращаться на Тезгадор, но я-то давно знаю, что просто так наставник ничего не говорит. Даже если со стороны это кажется шуткой или вежливой отговоркой. Стай не терпит пустых фраз и заведомо невыполнимых обещаний.

И раз дома мне появляться не стоит... значит, там что-то происходит. Очень любопытно, что именно? Вот теперь мне понятен внезапный интерес Альми к моему слабому дару предвидения. Хотя леди Модена считает его просто повышенной чувствительностью к изменениям удаленных эмоций людей, чьи дела меня волнуют по-настоящему. Эта неустойчивая и почти неизученная способность чаще всего встречается именно у тех, кто управляет воздухом. Однако если сложить все это воедино, поспешный побег Эста и Ленси тоже начинает казаться весьма подозрительным. По всем неписаным правилам, они должны бы сейчас выпытывать у меня подробности, делиться своими впечатлениями, гадать, кем были хозяева или сообщники того безумца в клетке. Ведь даже внезапно вспыхнувшие нежные чувства не могут отвлечь профессионального воина от обсуждения последней важной операции, ее особенностей, собственных прозрений и промахов.

В таком случае мне остается сделать лишь ясный как день вывод. За то время, пока я отсыпалась, произошли довольно серьезные и явно неприятные события. Но вовсе не здесь, а там, на Тезгадоре.

И они как-то касаются меня и, несомненно... Ренда. Вот поэтому его и нет здесь... ведь там, на нашей родине, сейчас властвует ночь, ее самая глухая и мрачная пора. Именно то время, когда мы обычно выходим в поле. Но уйти без меня и Эстена командир никак не мог... Бешеные винты! Как же мне не хватает информации или кого-то, кто может хоть что-то объяснить. Родителей или Манефы...

А, кстати! Куда этот примазавшийся внук подевал мою бабушку?

До своей спальни я домчалась за несколько секунд, безо всякого сомнения воспользовавшись магией, третья ступень дает адептам цитадели намного больше привилегий, чем предыдущая. Почтовый амулет лежал на месте, в личной шкатулке. Вот только я не помню, чтобы ее сюда приносила. Следовательно, Альми побеспокоилась... не так много у меня знакомых, способных на такую неназойливую заботу, свойственную лишь родным, искренне любящим и преданным людям.

Отправляя Эсту короткую записку, я послала Альми теплую улыбку, и не важно, что подруга сейчас ее не видит. Наши эмоции не исчезают бесследно и все когда-нибудь доходят до адресатов. Как и магические письма, только, к сожалению, намного медленнее.

Ответ от мечника пришел скорее, чем мог бы, и это добавило весомости моим подозрениям. Молодые мужчины, пригласившие ночью в гости возлюбленных, обычно не сидят возле почтовых амулетов. Если, конечно, не ждут важных сообщений.

«Бабушка у меня, уже спит, – сообщил Эст и приписал снизу мельче: – У нее все в порядке». Наивный. Если бы неугомонная старушка не имела веских причин оставаться у него в гостях, уже давно была бы на другом конце материка. А зная о случившемся со мной, никогда не легла бы спать, не дождавшись Эста.

«Верни немедленно, – написала я новое послание, – и больше никогда не ври мне, иначе...»

Затем, прихватив почтовый амулет, направилась в порталную комнату, встречать Манефу.

В то, что бабушка не откликнется на мой зов, я не поверю никому и никогда.

И действительно, вскоре посреди порталного круга появилась сухонькая старушка. Она была полностью одета и причесана, с явно загодя собранной корзинкой в руках.

– Голубка моя, цветочек лазоревый! – забыв про багаж, ринулась в мои объятия бабушка. – Как же это не уберегли они тебя, магистры твои?!

– Да ничего страшного, – вмиг насторожившись, поспешила я ее успокоить. – Все уже хорошо. Идем, покажу твою комнату, потом будем пить чай. Мне так о многом нужно тебе рассказать... Подцепила воздушной лианой корзинку и повела Манефу в свободную спальню второго этажа, отлично помня, как не любит старушка жить ниже. Ее свободолюбивой натуре милее всего вовсе не грядки и клумбы, а простор и небо во все окно.